

ОЧЕРКИ

ВОЛЖСКАГО ПИЗОВЬЯ.

ПАВЛА НЕБОЛЬСЯНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 20 Сентября 1852 гда. П

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

НИЗОВАЯ - СТОРОНА.

Рѣка Волга раздѣляетъ вашу Низовую-Сторону на двѣ части: нагорную и луговую. Первая изъ нихъ, въ старинныя времена, именовалась Крымскою-Стороной, потому-что населявшіе ее кочевники находились подъ вліяніемъ Крымскихъ - Хановъ; послѣдняя называлась Стороною-Ногайскою, потому-что обитаема была Ногаями и служила мѣстомъ кочевья разрозненныхъ улусовъ такъ-называвшейся въ прежніе годы Золотой-Орды. Въ настоящее время, зѣмли по нагорному берегу именуются просто Волжскою-Степью, а зѣмли

по луговому берегу — Луговою-Степью, или Степью-Заволжскою.

Эти народныя названія сами собой даютъ уже понятіе о томъ, что такое представляеть собой Низовая-Сторона. И въ самомъ дѣлѣ, куда ни обрати взоры, всюду встрѣчаешь здѣсь только безбрежную, ровную, грустную и однообразную голую степь. Пустыри, солончаки, сыпучіе пески, и отсутствіе проточной воды — вотъ отличительные признаки страны по-Волжской, обхватывающей всю сѣверную часть Каспійскаго-Прибережья и, по-видимому, искони, и на-вѣки, предназначенной только для обиталища кочевыхъ племенъ.

Слова эти, конечно, покажутся парадоксомъ для того, кто самъ лично не знакомъ съ краемъ и вообще не охотникъ справляться съ географическими картами. Какимъ образомъ рѣшились мы страну, орошаемую роскошною Волгою и ея протоками — называть стороною безводной? Какимъ образомъ обширный край, съ многочисленнымъ осѣдлымъ населеніемъ — рѣшились назвать пустынею, предназначенною только для кочевниковъ? — Дѣйстви-тельно, Волга, не доходя еще до Царицына, начинаетъ развѣтвляться: между Дубовкою и Царицынымъ, она отдѣляетъ отъ себя главный свой протокъ Ахтубу; потомъ впадаетъ въ море — шестьдесятю семью устьями; число ветхъ рѣчекъ и маленькыхъ протоковъ, продольныхъ и поперечныхъ, искрещающихъ низовье Волги между правымъ ся

берегомъ и лѣвымъ берегомъ ея протоковъ — доходятъ до двухъ сотъ; разливъ Волги бываетъ такъ великъ, что слияніе всѣхъ побочныхъ ея рукавовъ, въ одно общее съ коренною Волгою русло, представляетъ огромный водный потокъ — отъ тридцати до сорока верстъ ширины. Но — что же есть тамъ еще, кромѣ этой гигантской массы воды? Что представляютъ пространства, на нагорной сторонѣ — до рѣкъ Сарны и Кумы, а на луговой — до Узеня и дальше, вплоть до самаго взморья? — Голую, сухую степь, на которой, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, всѣ тощіе злаки почти совсѣмъ пожыгаются. Зима здѣсь обыкновенно короткая, морозы слабые, снѣгъ не крѣпокъ, санный путь весьма непродолжителенъ; въ началѣ марта, Волга, подъ Астраханью, уже свободна отъ льда. Затѣмъ, съ іюня наступаетъ жара нестерпимая; термометръ нерѣдко показываетъ выше $+40^{\circ}$; ночи бываютъ удушливыя, и часто при совершенномъ безвѣтріи ртуть достигаетъ $+25^{\circ}$. Лучшее время года конецъ сентября, октябрь и даже ноябрь.

Волга разсынается на множество малыхъ протоковъ почти только въ самыхъ устьяхъ; прежде-же того она образуетъ множество острововъ, отдѣляя отъ себя рукава, которые, въ отличіе отъ коренной Волги, называются Вдложками. Часто эти рукава представляютъ изъ себя маленькія рѣчки, или родъ естественныхъ каналовъ, которые, разсѣкая твердую землю въ разныхъ направленіяхъ,

опять соединяются съ главнымъ русломъ: такія естественныя канавки, или проточины, называются «ериками» или «узками» (*узекъ* или *узюкъ* — татарское слово); если ерикъ врѣжется въ матерую землю и прoderеть себѣ путь степью — то его называютъ «подстѣпкомъ». Случается, что маленькій ерикъ, наполняясь водой, болѣе и болѣе расширяетъ свое ложе и превращается въ настоящую рѣку; случается и противное тому: ерикъ съ одного конца высыхаетъ, образуетъ собой такъ называемый «ильмень», а съ теченіемъ времени и совершенно зарастаетъ камышомъ.

Берега Волги, въ ея низовьяхъ, вообще низменны; дно неровное. Сорванный съ береговъ лѣсъ, цѣлыми пнями и колодами, гниетъ подъ водой и мало по малу заносится пескомъ; кромѣ этихъ такъ — называемыхъ «каршей», рѣчное ложе усѣяно подводными камнями, крѣпкими отмелями и песками, которые волнами переносятся съ мѣста на мѣсто. Выше Астрахани, Волга, на главномъ своемъ фарватерѣ, имѣетъ до 15 сажень глубины; противъ Замьяновской-Станицы (названной такъ по имени одного изъ прежнихъ Калмыцкихъ владѣльцовъ, тайши Замьяна), глубина ея доходитъ до 30 сажень. Недалеко отъ этого послѣдняго мѣста, именно противъ Лебяжновской казачей станицы, Волга отдѣляется отъ себя съ лѣвой стороны новый рукавъ *Бузанъ*. Между тѣмъ, прежній протокъ ея *Ажтуба*, раздѣлсь на два рукава, *Большой*

шую и *Малую Ахтубу*, и отдѣливъ отъ себя рѣчку *Ашулукъ* и множество ериковъ и подстѣпковъ, соединяетъ потомъ все ихъ вмѣстѣ съ собою и наконецъ сливается съ *Бузаномъ*, вмѣстѣ съ которымъ впадаетъ въ прежде-бывшій морской заливъ, именуемый *Синимъ-Морцомъ*.

Въ народномъ употребленіи обитателей низовьевъ Волги и Урала, словомъ «морцо» выражается понятіе или—морскаго залива (какъ на-примѣръ Ензелинское-Морцо, Курхайское-Морцо), или—степнаго озера, замѣчательнаго по своей обширности и несравненно большаго противъ того, что называется ильменѣмъ, или собственно озеромъ (на-примѣръ Черхальское-Морцо, на картахъ — Озеро Чалкаръ). *Синее-Морцо*, по мѣстнымъ преданіямъ, было заливомъ Каспія и богато соленою водою. Съ теченіемъ времени, оно стало мелѣть, заростать, со-стороны моря, все больше и больше камышомъ, обогащаться прѣсною водою изъ «волжскихъ розсыпей»; наконецъ оно такъ теперь обмелѣло, что, въ иное время, на немъ мѣстами не проѣхать и въ простой «косной» (то - есть — лодкѣ особой конструкціи, на которой разставляется косою парусъ, и которая есть нѣчто среднее между нашимъ ялботомъ и катеромъ, но ближе къ послѣднему). Глубины бываетъ въ немъ иногда не больше какъ на три фута. Оно имѣетъ теченіе и совершенно прѣсно, если «моряна», или морской вѣтеръ, не нагонитъ въ него морской воды:

последнее случается не съ однимъ Синимъ-Морцомъ, а съ устьями всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспій. Вообще Каспійское-Прѣбережье очень богато прѣсною водою: отъ самаго западнаго Волжскаго устья (рѣчки *Басарги*, что близъ острова, называемаго *Оля*, и розсыпи, именуемой поэтому *Олишною*), до крайняго восточнаго (*Джамбала* — выговаривается также *Жамбала* и *Шамбала*), на протяженіи 150, а по другому счету — 160 верствъ, вода вездѣ прѣсная, обиліе которой постоянно поддерживается пльменами и устьями разныхъ потоковъ.

Послѣ Бузана, Волга отдѣляется отъ себя два замѣчательные рукава: *Рычу* и *Балду*: послѣдній, годъ отъ году, по замѣчаніямъ мѣстныхъ жителей, становится шире и шире, потому-что быстрымъ стремленіемъ рѣчки замѣтно срываетъ лѣвый ея берегъ. Этоже самое замѣчаютъ и вездѣ. Но, въ тоже время, Волга, въ одномъ мѣстѣ, отрывая цѣлые «яры» или мысы, несетъ ихъ дальше и приставляетъ опять къ берегу, или намываетъ новые берега; въ другихъ мѣстахъ, намываетъ вновь косы и цѣлые большіе острова, и, такимъ образомъ, прорывая для себя новое ложе, прокладывая новые пути, постоянно все болѣе и болѣе мелѣетъ. Теченіе Волги, особенно въ половодье, бываетъ очень сильно, узла по четыре въ часъ; а въ узкихъ протокахъ (которыя, всѣ на одинъ манеръ, называются въ простонародьи рѣчками «быстренькими») — узловъ по семи въ часъ.

За Астраханью, Волга начинаетъ сильнѣе дробиться. Развѣтвляясь на нѣсколько протоковъ, она уступаетъ первенство свое одному изъ нихъ, *Бахтемиру*, который превосходитъ ее бѣльшимъ удобствомъ для судоходства, а сама перемѣняетъ имя свое на званіе *Старой-Волги*, какъ будто, за старостью лѣтъ, сознаваясь въ безсиліи носить на себѣ суда съ полнымъ грузомъ. Потомъ, соединяется съ рукавомъ Бахтемира, чрезъ широкій протокъ, именуемый *Урусовымъ* или *Урустобскимъ-Плѣсомъ*, и вмѣстѣ съ нимъ впадаетъ въ рѣчку *Маракушу*, образуя множество мелкихъ, но возвышенныхъ острововъ, именуемыхъ по формѣ своей «буграми». За Маракушей идутъ такъ-называемыя «розсыпъ» — широкіе, но мелкіе разливы Волжскихъ протоковъ, образующіе собою родъ взморья: первая изъ нихъ именуется — *Княжою*, вторая — *Шалинскою*, а третья и послѣдняя — *Ракушинскою*, которая соединяется съ *Ямнымъ-Рейдомъ*, у *Бирючей-Косы*. Окончаніе (если можно такъ выразиться) Старой-Волги есть такъ-называемый *Бакланій-Протокъ*, за *Сайгачимъ-Прораномъ*.

За чертою, дальше которой полая вода всѣхъ этихъ протоковъ не распространяется, ничто не увлажяетъ далеко раскинутыхъ пространствъ, усыянныхъ пескомъ и солонцами; ничто не манитъ путника укрыться отъ палящихъ лучей солнца подъ тѣнію и прохладою рощи или бора. Въ Низовой-Сторонѣ, вообще, нѣтъ лѣсовъ въ томъ смыслѣ,

въ какомъ мы у себя понимаемъ слово «лѣсъ»: одинъ тальникъ, да чахлый кустарникъ — вотъ все, чѣмъ, въ этомъ отношеніи, край можетъ похвастаться. Много тутъ винограду и вѣжныхъ плодовыхъ деревь, лѣбемыхъ на рѣдкихъ клочкахъ земля, удобной для садоводства: но эти маленькіе оазисы служатъ исключеніемъ изъ общей характеристики мѣстности. Правда, являясь и здѣсь люди, хотѣвшіе на дѣлѣ доказать, что «трудъ все пре-возмогаетъ»: забывая, что всякая истина все-таки должна быть подчинена извѣстнымъ усло-віямъ, они распахивали песокъ и сажали жолу-ди, въ чаяніи, что вслѣдъ затѣмъ мигомъ раз-ростутся дубовыя рощи; но труды этихъ меч-тателей, ухватившихся за неприложимую къ дѣ-лу мысль, на томъ и остановились: въ пескахъ и солонцахъ, жолуди не пустили ростковъ. Жаль одного, что эти естествоиспытатели, погубивъ напрасно трудъ и время, выпустили изъ виду такія вещи, на которыя слѣдовало-бы обратить побольше вниманія: въ степяхъ приволжскихъ есть нѣсколько видовъ дикорастущихъ хлѣб-ныхъ растеній, а большинство у насъ о нихъ во-все не знаетъ, тогда-какъ молва всюду трубить славу и полезность какого-нибудь америка-нскаго корня. Мы хлопочемъ о распростране-ніи порослей, выписанныхъ изъ-за морей, и не хотимъ знать тѣхъ даровъ природы, кото-рые, у насъ на Руси, нашимъ же согражд-данамъ, замѣняютъ и рожь, и пшеницу, и картофель.

Земледѣлія, какъ самостоятельной и главной отрасли промышленности, въ Низовой-Сторонѣ тоже не существуетъ. На самой Волгѣ, оно пріютилось только по берегамъ потоковъ, въ ближайшемъ соседствѣ воды; а, вдали съ одной стороны — около Сарны, съ другой — близь Узеней. Впрочемъ земледѣліе это, вообще, такъ незначительно, что не въ состояніи удовлетворить даже потребностямъ мѣстнаго населенія: безъ привознаго хлѣба край существовать не можетъ.

Въ степяхъ низовьевъ Волжскихъ, какъ видите — нѣтъ воды, нѣтъ лѣсу, нѣтъ хлѣбопашества; а, между тѣмъ, эти самыя степи издревле покрыты кочевьями инородцевъ. Естественнымъ образомъ рождается вопросъ: какъ же тутъ живутъ люди? чѣмъ они питаются? какого рода занятія сродны съ ихъ обычнымъ бытомъ? Слѣдуетъ сказать, что степи Низовой-Стороны, не смотря на песчаную мѣстность и безпрестанные солонцы, обилуютъ растеніями, удобными въ пищу для скота, привыкшаго къ этому корму. Исключительное, поему, занятіе кочевниковъ есть скотоводство. И пески, и солонцы, имѣютъ даже пріятномъ свои относительныя достоинства: солонцы улаждаютъ жесткость степнаго корма и усиливаютъ для скота питательность тощихъ злаковъ; пески, своими «болхуванами», «барханами», «шиханами» или сыпучими «бурами», доставляютъ скоту надежную защиту отъ зимнихъ непогодъ и буряновъ, и, кромѣ

того, служатъ вѣрными указателями подземныхъ запасовъ воды.

За отсутствіемъ проточной воды, кочевыя племена добываютъ себѣ воду изъ искусственныхъ колодцевъ, которые частію существуютъ здѣсь изстари, какъ свидѣтельство давнишняго пребыванія обитателей, частію же и понынѣ вновь вырываются. Колодцы эти, или какъ ихъ гораздо правильнѣе называетъ простой народъ — «копани», суть не что иное, какъ простыя ямы, раскопанныя до тѣхъ поръ, пока трудившійся искатель не достигъ до родника, наполняющаго эту ямину достаточнымъ запасомъ воды: если стѣнки копани выложены камнемъ или обставлены срубомъ, то она получаетъ названіе колодца. Тамъ, гдѣ поятъ скотъ, разомъ встрѣчается нѣсколько десятковъ копаней, потому-что воды одного колодца и для небольшого стада недостаточно. Вода, въ колодцахъ, иногда бываетъ горька, иногда солоновата, и вообще очень невкусна; но кочевой народъ самъ сырой воды не пьетъ никогда: колодезная вода употребляется одними животными, которыя до такой степени привыкаютъ къ этому пойлу съ первыхъ дней рожденія, что оно не производитъ на нихъ никакого неблагоприятнаго вліянія. Скотъ пьетъ воду не прямо изъ колодца: должно предварительно подчистить осыпавшіяся стѣнки копани, отлить вонь старую, застоившуюся и уже попортившуюся воду, выждать накопленія

свѣжей воды, вычерпать ее кожаными ведрами и потомъ наполнить ею водопойныя корыта.

Кочевники живутъ въ домахъ или помѣщеніяхъ особеннаго устройства. Это жилище ихъ, въ народѣ Русскомъ, называется «кошъ» или «кибитка»; нѣкоторые зовутъ кибитку также и «юртой», но неправильно: слово «юрта» имѣетъ совершенно иное значеніе, и притомъ не всегда одинаковое. Здѣшнія кибитки строятся изъ таловыхъ жердей, сплавляемыхъ между-собою въ видѣ складной рѣшетки, которая, по произволу, можетъ сдвигаться и раздвигаться. Соединеніе нѣсколькихъ раздвинутыхъ рѣшетокъ образуетъ сквозную круглую стѣну, на которую ставится полукруглый, изъ жердей же составленный куполь или сводъ, а къ сдѣланному въ стѣнѣ проходу навѣшиваются двери. Такой шатеръ покрывается, сверху до низа, большими полотнищами войлока, или собственно такъ-называемыми «кошмами»; и это степное жилище, дешевое (все-таки, однакожъ, стоящее руб. 50 сер.) и приспособленное къ потребностямъ кочевника, какъ нельзя лучше защищаетъ его отъ зноя, жары, холода, вьюгъ и непогоды. Кибитку можно въ десять минутъ разобрать, сложить такъ, чтобъ она немного занимала мѣста, и навалить на спину вьючнаго животнаго; точно также быстро можно ее разставить и снова сдѣлать годною для человѣческаго обиталища. Общее устройство кибитокъ однообразно отъ Кавказа до

отроговъ Кхунъ-Луна и отъ вершинъ Урала до вершинъ Аму-дарьи и устьевъ Волги; но, дальше за Волгой, встрѣчаются такія маленькія кибитки, что ихъ уже не складываютъ, а просто ставятъ на арбу, и везутъ куда надо: племена, ихъ употребляющія, очень не многочисленны.

Пищу кочевниковъ составляютъ произведенія ихъ стадъ. Впрочемъ, какъ мясо есть весьма цѣнный предметъ, то, пуская живой скотъ въ продажу, большинство кочевыхъ инородцевъ употребляетъ его въ пищу очень нечасто, соображаясь съ своимъ достаткомъ; молоко же, кобылье, коровье и овечье, въ разныхъ видахъ приготовленія, какъ питье, и въ видѣ сыра, потребляютъ все безъ изъятія. Кроме того, они добываютъ разные виды хлѣбныхъ порослей и корней, дико растущихъ въ степяхъ и по заливнымъ мѣстамъ; запасаются на зиму и мукой, но отъ весны до осени мало въ ней нуждаются. Всегдашнюю же пищу ихъ составляетъ сытный и здоровый кирпичный чай, употребленіе котораго общезвѣстно отъ Чернаго-Моря до Восточнаго-Океана, не только между кочевыми инородцами, но и между многими Русскими.

На долю кочевниковъ выпадаетъ, стало-быть, одно главное занятіе — скотоводство, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ — торговля живымъ скотомъ. Впрочемъ, само-собою разумѣется, что между ними есть много такихъ, которымъ скотоводство недоступно по той весьма простой

причинѣ, что скота нѣтъ. Чтобы прикрыть издержки, требуемыя на разные житейскіе расходы, люди, не имѣющіе скота, ищутъ другихъ средствъ къ существованію; они берутъ примѣръ съ осѣдлыхъ жителей, не имѣющихъ возможности заняться хлѣбопашествомъ: идутъ на-сторону, въ заработки, и главнѣйше — пускаются въ рыболовье, въ качествѣ чернорабочихъ.

Каспійское-Море и устья Волги, въ послѣднемъ отношеніи, представляютъ обширный источникъ богатства, доставляя ежегодно огромную массу разныхъ видовъ рыбнаго товара. Не всякой вправѣ ловить здѣсь рыбу для самаго себя: ловля эта, по праву собственности, принадлежитъ мѣстнымъ владѣльцамъ береговыхъ дачъ, и предоставлена въ-которымъ сословіямъ. Но вдали, въ открытомъ морѣ, рыболовство дозволяется всѣмъ и каждому, подѣ известными условіями. Этотъ промыслъ, въ Сводѣ Законовъ именуемый «вольнымъ», а у мѣстныхъ жителей известный подѣ названіемъ «*Эмбенскаго-Лова*», открытъ и для обитателей Низовой-Стороны, принимающихъ въ немъ участіе, въ качествѣ рабочихъ у «ловцовъ», которыми они сами быть не въ состояніи, по огромности издержекъ, сопряженныхъ съ ловомъ. Замѣчательно, что, по здѣшнимъ обрядамъ, «рабочій-ловецъ» никогда не распоряжается уловленной имъ рыбой, какъ своею собственностію; онъ не можетъ сѣсть ее, или продать въ

другія руки, а долженъ сдать хозяину, или прикащику, заставившему его, по найму, ловить рыбу. Приэтомъ, только та рыба считается за рыбу, которая вышла «въ мѣрку»: если она короче условленной мѣры нѣсколькими линіями, то считается за половинку, если еще меньше, то за треть, а если уже очень невидна на взглядъ, то называется «бракомъ» и считается за ничто, хотя впрочемъ идетъ въ дѣло. Такой порядокъ въ счетѣ и въ расчетѣ не есть новѣйшее изобрѣтеніе мѣстныхъ промышленниковъ, а старинный обычай, который, сколько можно судить по историческимъ актамъ, существовалъ еще въ XVII столѣтіи. Морской рыболовный промыселъ очень труденъ для черноработныхъ; поэтому для собственнаго удовольствія отправляется туда мало охотниковъ: тутъ и работа тяжка, и трудъ не совсѣмъ достаточно вознаграждается. Если можно избѣжать участія въ работахъ на морскихъ промыслахъ, то люди, отправляющіеся на заработки, пускаются на рѣчные волжскія ватаги, или ходятъ въ матросы (музѹры) на мореходныя каспійскія суда, или, наконецъ, работаютъ на соляныхъ озерахъ.

Настоящее народонаселеніе Низовой-Стороны весьма разнообразно. Кромѣ Русскихъ и Армянъ, тутъ обитаютъ Татары разныхъ наименованій: Юртовскіе, Куцдровскіе, Татары Бухарскаго, Гилянскаго и Агржѣнскаго Дворовъ, Туркмены, Каракалпакъ, Калмыки и Киргизы. Въ Астрахани жилали прежде Индійцы,

но теперь ихъ тамъ нѣтъ: есть, кажется, двое, считающіеся выходцами изъ Индіи, но и тѣ не мѣстные жители, а прикащики при Персидскихъ торговцахъ.

Хлѣбопашествомъ въ край преимущественно занимаются одни Русскіе. Русское населеніе, не городское, а сельское, состоитъ изъ крестьянъ, помѣщичьихъ и казенныхъ, и изъ казаковъ. Какъ велико отношеніе этихъ обитателей ко всей массѣ народонаселенія, сказать очень трудно, по недостатку точныхъ свѣдѣній вообще о сельской населенности края, тѣмъ болѣе — о кочевникахъ. Чтобы уяснить сколько-нибудь этотъ предметъ, можемъ привести только слѣдующія цифры. Въ уѣздахъ Черноярскомъ и Енотаевскомъ, считается до 20,000 душъ мужескаго пола, живущихъ въ городоу; весь же итогъ обитателей Черноярскаго, Енотаевскаго, Астраханскаго и Красноярскаго уѣздовъ приблизительно полагается отъ 325 до 550,000 душъ. Между-тѣмъ, общее пространство земель Астраханской губерніи, кромѣ вновь присоединеннаго Царевскаго уѣзда, полагается примѣрно въ 17.000,000 дес.

Если поближе вемотрѣться въ бытъ Русскаго сельскаго населенія, то мы найдемъ въ немъ слѣдующія отличительныя черты домашняго хозяйства.

Земли, у здѣшнихъ крестьянъ, ни на пая, ни на клнвья, не раздѣляются, и хлѣбопашество ведется перелогами. Каждый земледѣлецъ выискиваетъ для себя удобный кло-

чекъ земли, и сбѣтъ кучками, въ разныхъ мѣстахъ; оттого нѣтъ здѣсь сплошныхъ полей, какія привыкли мы видѣть въ Средней-Россіи: вездѣ разбросаны небольшія, неправильныхъ очертаній, засѣянные разнымъ хлѣбомъ, нивки, между которыми остаются большія пространства земли, или вовсе къ посѣву негодной, или уже истощенной прежними всходами и теперь отдыхающей. Земледѣлецъ, распахавъ цѣлину въ первый разъ, прежде всего засѣваетъ ее яровымъ хлѣбомъ, и когда сниметъ его, то этотъ же участокъ, въ томъ же году, засѣваетъ озимымъ хлѣбомъ. Это мы говоримъ о Черноярскомъ уѣздѣ; южнѣе его озимей не бываетъ. Засѣявъ озими, ограничиваются однимъ ихъ заборонованіемъ; распашки здѣсь не производится, и — не отъ лѣности, а потому, что она здѣсь излишня и вредна для зерна. Въ слѣдующемъ году, осенью, повторяется посѣвъ озимей, и тоже безъ особой распашки. Снявъ, такимъ образомъ, три хлѣба, крестьянинъ оставляетъ землю на отдыхъ; а новые посѣвы производятъ на другихъ участкахъ, или опять распашиваетъ цѣлину.

Въ уѣздахъ Астраханскомъ и Красноярскомъ, только очень немногія семьи принуждены заниматься земледѣліемъ, и то по какой-нибудь особенно-настоятельной въ томъ надобности и по невозможности предаться иному занятію. Тутъ мы замѣчаемъ новыя хозяйственныя приемы. Каждый старается занять такой.

лужокъ, который, при водополи, понимается водою: эту половодь нарочно задерживаютъ плотинками и преграждаютъ слитіе ея до-тѣхъ-поръ, пока почва совершенно не размякнетъ; добившись до того, крестьянинъ спускаетъ воду, и тогда уже приступаетъ къ посѣву. На-приготовленной, такимъ порядкомъ, нивѣ снимаютъ четыре жатвы, а на пятый годъ снова ее наводняютъ.

Свойство почвы здѣсь таково, что Русской умъ, только при посредствѣ такихъ пріемовъ, ухитрился извлечь изъ земли возможную пользу. Но и эти хитрости не вездѣ удобопримѣнимы: тамъ, гдѣ бѣольшая-часть земель бываетъ покрыта полою водою въ продолженіе почти цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, тамъ хлѣбопашество, разумѣется, существовать не можетъ, точно такъ же какъ не можетъ существовать оно и на голомъ пескѣ. Очень понятно, что тѣ, которые слышали про ирригацію полей, сейчасъ же предложить ее, какъ самое вѣрное средство противъ всѣхъ возможныхъ бѣдъ, ожидаемыхъ отъ безхлѣбиды. Таковымъ доложимъ, что ирригація, и въ низовьяхъ Волги, не безъизвѣстна. Тутъ она существуетъ, но только у однихъ Татаръ, которые искусственнымъ образомъ орошаютъ, при помощи канавокъ, свои сады, огороды и бахчи съ дынями и арбузами; цѣлыя же пашни искусственно не орошаются, сколько по поводу мѣстныхъ препятствій, столько же и по тому, что затраты, накоторыя надо рѣшиться, не каждому по

силамъ, да притомъ не всегда могутъ и вознаградиться доходами отъ хлѣбопашества. Объ этомъ уже многіе думали, но существеннаго пока еще ничего придумать не могли: а кидаться безрасчетно хотѣ-бы и въ хлѣбопашество, не всегда благоразумно тамъ, гдѣ время, трудъ и вещественный капиталъ, съ болѣею пользою, могутъ быть употреблены на другое предпріятіе.

Удобреніе полей, въ Низовой-Сторонѣ, тоже не существуетъ: не потому чтобы навозъ былъ дорогъ, а потому что удобреніе имъ признано въ однихъ случаяхъ — негоднымъ, въ другихъ — положительно вреднымъ. До искусственнаго удобренія и до разнородныхъ компостовъ крестьяне еще не дошли; но у нѣкоторыхъ поборниковъ хлѣбопашества была, говорятъ, мысль: утучнить землю палымъ скотомъ и гнилою мелкою рыбою, которая, милліонами, во время весны, выкидывается волнами на берега и пронадаетъ безъ всякаго употребленія. Не знаемъ, въ какой степени мысль эта примѣнима на дѣлѣ; но что касается до скотскаго помета, то въ степяхъ ему дается уже извѣстное назначеніе: подъ названіемъ кизяка, онъ употребляется вмѣсто топлива.

Манера здѣшнихъ посѣвовъ рознится съ нашею: зерна раскидываютъ здѣсь по нивѣ не густо, а рѣдко, такъ-что, на десятину, зерна падетъ только отъ трехъ до четырехъ четвериковъ. И хлѣбъ здѣсь растетъ не по нашему: не сплошными колосьями, а кустами,

съ промежутками одинъ отъ другаго на четверть и даже на аршинъ. Отъ жаровъ и отъ зноя, озъ сильно осыпается; а потому, на старыхъ пашняхъ и въ ихъ сосѣдствѣ, самосѣвы не рѣдкость.

Изъ хлѣбовъ, въ краѣ, сѣется преимущественно пшеница и просо; рожь и ячмень — рѣдко, а овесъ или гречиха не сѣются никогда, по климатическимъ причинамъ. Картофель существуетъ только въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какіе сообразны съ мѣстными потребностями городского населенія: его, правду сказать, и негдѣ сѣять, особенно въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ; да, ктомужь, жители всѣхъ классовъ предпочитаютъ ему дикій чилимъ и бадиджанъ, который пришелся и по климату здѣшнему и по почвѣ. Льну вовсе нѣтъ; но, зато, много дякорастущей конопли; собираемой всюду по степлямъ кочевниками и съ давнихъ лѣтъ употребляемой ими на мелочныя надобности: лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ изъ степняковъ завелъ было и фабрику для выдѣлки изъ этого растенія тканей, но такъ-какъ расходы не окупились, то затѣя эта брошена. Остается поименовать горчичныя засѣвы, почитаемые здѣсь самою выгодною операціею. Огородничествомъ вообще крестьяне мало занимаются; садоводство тоже не процвѣтаетъ, и если есть, то не въ очень большихъ размѣрахъ, въ Черноярскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ. Шелководство ничтожно, хотя надъ нимъ, точно такъже какъ надъ

вводѣліемъ и надѣ разведеніемъ марены, бьются здѣсь съ XVII еще столѣтія, когда Царь Алексѣй Михайловичъ самъ прилагалъ о томъ державныя свои заботы.

Землю пахутъ здѣсь плугами, въ которые запрягаютъ по четыре и по шести паръ воловъ. Полевыхъ изгородъ не введено, по отдаленности пашень и по дороговизнѣ лѣса, который привозятъ издалека. Овиновъ не знаютъ, и хлѣбъ, какъ мѣстнаго происхожденія, такъ и привозный, бываетъ не иначе какъ сыромолотный, только именующійся — овинымъ. Обмолачивается онъ, по малочисленности его и по дальности пашень, на мѣстѣ уборки. Мельницы, вообще, вѣтряныя, и самаго простаго устройства.

На какую-бы отрасль хозяйства ни обратили мы вниманіе, съ какою-бы особенностью характера промышленности ни ознакомились, вездѣ и во всемъ найдемъ подтвержденіе той старой истины, что въ основаніи всему лежитъ географическое положеніе и климатъ края, а также и общественные, изъ исторіи народа вылившіеся, обычаи. Такимъ образомъ, заговоримъ ли о констракціи мореходныхъ или рѣчныхъ судовъ, объ огромности судоходства, объ отсутствіи на Волгѣ бичевника, о неразвитости земледѣлія, о неурожаѣ картофеля, о дешевизнѣ арбузовъ, или о необходимости большей сосредоточенности надзора на дальнихъ протокахъ Волги, Ахтубѣ и Бузанѣ, чѣмъ на коренной Волгѣ,

или о чемъ - бы то ни было подобномъ —
вездѣ и во всемъ увидимъ самое простое
разъясненіе предмета, самую настоятельную
естественную необходимость, указанную ге-
ографическимъ положеніемъ страны и услови-
ями мѣстности.

Бѣдность края въ лѣсѣ вознаграждается
обиліемъ камыша, который идетъ на топливо
какъ у кочевыхъ племенъ, такъ и у осѣдлаго
населенія, и даже, говорятъ, съ выгодою за-
мѣняетъ дрова при операціяхъ кирпичныхъ
заводовъ. Изъ камыша же дѣлаются плетни, из-
городи, загоны для скота, или такъ-называе-
мые «лобасы», и «турлúшки», то-есть маленькія
утлыя хижинки. Курныхъ избъ вовсе здѣсь
нѣтъ; переселенцы изъ Малороссіи ввели и
сюда свои чистенькія и уютныя «мазанки».
Лаптей крестьяне не носятъ.

Стариннаго русскаго наряда теперь нигдѣ
уже въ краю не встрѣтишь: онъ вывелся
не далѣе какъ лѣтъ за тридцать. Бывало, дѣ-
вушки, коренныя туземныя уроженки, при па-
радныхъ выходахъ въ церковь, во время го-
вѣнья и въ праздничные дни, носили «вѣнцы» —
родъ кокошника, подъ которымъ надѣвалась
жемчужная лента, съ украшеніями доходившими
почти до самыхъ бровей; сарафанъ съ «выстав-
ками», или съ яркой матеріей въ верхней по-
ловинѣ длинныхъ рукавовъ, считался необходи-
мостью. Обыкновенный дѣвичій костюмъ со-
ставляли: бѣлая рубаха съ пышными и длинны-
ми, но самую кисть руки, рукавами; цвѣтная

юбка; тѣлогрѣя, и поверхъ шей — «сепанѣчка»: родъ халата, изъ цвѣтной матеріи, длиною только до колѣнъ и съ рукавами; на шеѣ — ожерелья изъ янтарей и жемчугу; на рукахъ — наручники, браслеты и перстни; головной уборъ дома — калпаки, бѣлые бумажные, или цвѣтные матерчатые, а когда дѣвушка выходила въ гости, то повязывала голову яркимъ шелковымъ платочкомъ. Женщины одѣвались почти такъ же, съ тою разницею, что, вмѣсто «вѣнца», носили «подложку», родъ повойника, повязаннаго платкомъ. Обувь женская въ старину была тоже иная, чѣмъ теперь: молодыя носили башмаки цвѣтные, безъ задковъ, но на очень высокихъ каблукахъ; а старухи — просто туфли, безъ задковъ же, но и безъ каблучковъ, подкладывая, однакожь, въ слѣдки, подъ пятки, тоненькія дощечки, обтянутыя козломъ.

Главный центръ Низовой - Стороны есть Астрахань, которая въ просторѣчїи называется «Разбалуи-Городъ».

II.

АСТРАХАНСКІЕ КАЗАКИ.

Начало нынѣшнему Астраханскому Казачьему Войску положено было въ 1750 году, когда сформированъ былъ Астраханскій Казачій Полкъ, изъ трехъ сотъ человѣкъ туземныхъ Калмыковъ, принявшихъ Христіанство. Полкъ этотъ, въ 1750 году, повелѣно было привести въ пятисотенный составъ, и для того укомплектовать развочинцами, неположеными въ подушный окладъ, дѣтьми бывшихъ Стрѣльцовъ, Донскихъ Казаковъ и новыхъ Калмыцкихъ и Татарскихъ выкрестовъ. Затѣмъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой,

къ Астраханскому Полку присоединены были три городовыя казачьи команды: Чернаго-Яра, Енотаевска и Краснаго-Яра; а въ 1801 году, еще три такія же команды: Саратовская, Царицынская и Камышинская. Въ 1804 году, въ составъ Астраханскихъ Казаковъ вошли всѣ бывшіе Волжскіе-Казакі, оставшіеся въ своихъ домахъ по рѣкѣ Волгѣ, послѣ переселенія бывшаго Волжскаго-Войска, въ 1777 году, на Кавказскую-Линію. Астраханскій Казачій Полкъ преобразованъ былъ въ Астраханское Казачье Войско, которому, въ послѣдствіи, дано полное устройство, особыми о томъ положеніями.

Въ настоящее время, Астраханское Казачье Войско расположено отъ города Астрахани, вверхъ по Волгѣ, до Саратова включительно. На этомъ протяженіи, составляющемъ 775 верстѣ, оно состоитъ изъ тринадцати Станицъ и шести поименованныхъ выше Командъ: двѣнадцать станицъ лежатъ по правому берегу Волги, а одна, у самой Астрахани, по лѣвому. Войско раздѣляется на три Округа, и содержитъ три Конныхъ Полка и одну Конно-Артиллерійскую Бригаду. Земли перваго округа составляютъ: пять станицъ въ Астраханскомъ уѣздѣ (*Козаче-Буровская, Городофорпостинская, Дурновская, Лебяжновка и Замьянъ*), двѣ въ Енотаевскомъ (*Съроглазинка и Косиха*), и одна команда (*Красноярская*). Во второмъ округѣ заключаются: четыре станицы въ Енотаевскомъ уѣздѣ (*Грачовка, Вътлянинская, Копановка*

и Михайловская), и три команды (Енотаевская, Черноярская и Царицынская). Въ третьемъ округѣ: двѣ станицы въ Царицынскомъ уѣздѣ (Александровка и Пичуга), и двѣ команды (Камышинская и Саратовская).

Форма Астраханскихъ Казаковъ—обыкновенный казачій чекмень, шальвары и казачья шапка, съ выпушками на первыхъ и съ выпускомъ на послѣдней—изъ желтаго сукна. Въ домашнемъ быту, мушкетеры Казаки носятъ ситцевые архалуки, бумажные хивинскіе халаты, также—простые армяки, а зимой—овчинные тулупы. Женщины не сарафаниются.

Войсковое народонаселеніе, въ 1850 году, состояло изъ 15,822 душъ обоюбого пола; въ томъ числѣ 7,696 мужскаго. Между послѣдними значилось:

а. служащихъ:

чиновниковъ (то-есть штабъ и оберъ-офицеровъ) . . .	86
казаковъ и урядниковъ. . .	2,644

б. отставныхъ:

чиновниковъ.	20
казаковъ и урядниковъ. . .	1,174

в. малолѣтковъ:

готовыхъ и неготовыхъ . . .	3,772
-----------------------------	-------

Частной поземельной собственности у казаковъ нѣтъ, а въ личное пользованіе отводится: штабъ-офицерамъ — по 400 десятинъ, оберъ-офицерамъ — по 200, а простымъ казакамъ — по 50 десятинъ изъ общественной войсковой земли.

Войсковыя зѣмли лежатъ по рѣкѣ Волгѣ и ея протокамъ, частью — на нагорной сторонѣ, а частью — и на луговой, по Ахтубинской долинѣ, въ чрезполосномъ владѣнїи съ казенными и помѣщичьими крестьянами, также съ городскими выгонами, и участками, нарѣзаемыми Калмыкамъ для прогона скота ихъ, изъ степи, къ Волгѣ. Въ настоящее время, у Войска считается наличной земли: около 150,000 десятинъ удобной и около 170,000 десятинъ неудобной. Для окончательнаго надѣла и прїобрѣтенїя остальныхъ 167,000 десятинъ, существуетъ въ Астрахани особая Коммиссія.

Земля, принадлежащая Казакамъ Перваго Округа и лежащая по правому берегу Волги, кромѣ Косихинскаго нарѣзка, песчана и совершенно бесплодна; но что касается до луговыхъ дачъ, то мѣста эти богаты превосходными сѣнокосами и пахатными угодьями. У Казаковъ Втораго Округа, равно-какъ и у Косихинской станицы, почва земли глинистая и только отчасти песчаная: хлѣбопашество производится здѣсь весьма успѣшно, если сильныя и проливныя дожди достаточно увлажятъ землю. Казаки Третьяго Округа, занимающіе нѣсколько участковъ отъ Саратова до Царицына, обладаютъ черноземными полями, и исключительно передъ другими съ большимъ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ. Что касается до лѣсовъ, то, въ этомъ отношенїи, войсковая земля раздѣляетъ общую участь края, въ которомъ лѣсу нѣтъ, а есть что-то

въ родѣ рошца съ рѣдко-растущими таловыми деревьями, и то на мѣстностяхъ, наводняемыхъ весенними разливами.

Войско владѣетъ на Волгѣ собственными рыболовными участками. Обширнаго лова рыбы сами Казаки никогда не производили, а всегда отдавали свои воды съ торговь въ аренду, выговаривая впрочемъ у откупщиковъ, кромѣ откупной суммы, право свободнаго и для себя лова рыбы: зимой (съ 15 ноября по 15 марта) — въ самой Волгѣ и въ ея протокахъ, а весной — только по полямъ, затонамъ, ёрикамъ и тому подобнымъ мелкимъ рыболовнымъ угодьямъ. Откупная сумма расходовалась прежде, по усмотрѣнію Войска, на разныя домашнія потребности его по внутреннему устройству, и затѣмъ остатокъ раздѣлялся между чиновниками и казаками; нынѣ воды эти тоже отдаются на откупъ, но выручаемая за нихъ сумма неприкосновенно вносится въ войсковую казну. Правомъ непосредственнаго лова, въ условленное контрактомъ съ откупщиками время, пользуются только Казаки Перваго и отчасти Втораго Округовъ.

Хотя въ устьяхъ Волги принимаются всевозможныя мѣры къ самому успѣшному производству рыболовныхъ операцій крючками, учугами, колѣвами и другими усовершенствованными снастями, на прежнемъ основаніи; не смотря на то, обиліе красной рыбы, идущей выше въ рѣку, такъ громадно, что уловъ рыбы, даже въ Саратов-

ской губерніи, все еще представляет замѣчательную цифру, и казачьи участки, отъ Астрахани вплоть до самаго Чернаго-Яра, считаются, по-прежнему, богатыми. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, рыболовныя воды приносили Войску тысячъ до ста ассигнаціями чистой прибыли; и нынѣ войсковой доходъ отъ нихъ простирается свыше 16,000 руб. сер.

Ловъ рыбы, зимою, производится преимущественно въ самой Волгѣ, и отчасти въ протокѣ ея Бузанѣ, неводами, вентерями и сидѣбками. Ловъ неводами есть общественный войсковой ловъ: въ немъ принимаютъ участіе всѣ служащіе и отставные казаки и чиновники, равно-какъ вдовы ихъ и малолѣтки, отбывающіе повинность; деньги, выручаемыя черезъ продажу неводной добычи, раздѣляются между цѣлымъ Войскомъ. Ловъ остальными орудіями и снарядами составляетъ личный доходъ тѣхъ, кто доброй волей пускается въ этотъ промыселъ, разрѣшаемый безпрекословно всѣмъ и каждому, для чего и мѣста, удобныя для этихъ видовъ рыболовья, раздѣляются каждымъ Казачьимъ Обществомъ на паи. Неводами ловится простая, не красная рыба, или какъ ее обыкновенно на мѣстѣ называютъ — «частиковая», то-есть: стерлядь, лещь, судакъ, сазанъ, тарань и другія; красная же рыба: осетръ, бѣлуга и севрюга, или какъ ее въ низовьяхъ Волги обыкновенно зовутъ — «шеврѣга», попадаетъ рѣдко. Вентеря разставляютъ преимущественно на судака, а ст.

судакомъ добывается иногда и небольшая бѣлуга и бѣлорыбца. Сидѣбками ловится исключительно одна только бѣлорыбца.

Весеннее рыболовье не бываетъ общественнымъ: въ это время всякой рыбачить самъ про себя. Оно производится гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ зимнее. Рыболовные орудія, при этомъ употребляемыя, суть «волокуши» — родъ малаго невода, и «ставы» — или длинныя концы сѣти, которые разставляются на кольяхъ, поперекъ рѣчки или ерика.

Изготовленіе или справа новаго невода, по обширности снасти и значительности всѣхъ ея принадлежностей, обходится не менѣе какъ руб. въ 300 сер.; существованіе же его, при ежегодныхъ починкахъ, можетъ продлиться до трехъ лѣтъ, а иногда и болѣе, что впрочемъ зависитъ отъ болѣе или менѣе благополучной тяги и отъ болѣе или меньшихъ поврежденій отъ кършей, разрывающихъ неводъ. Справа вѣнтера изъ новой сѣтки, или изъ новаго матеріала, равно какъ ставная сѣть, стоитъ отъ 3 до 5 руб. сер. Цѣнность сидѣбки зависитъ отъ болѣе-или-меньшей дороговизны лѣса, на которомъ она устроивается, и, по временамъ, можетъ тоже обойтись рублей въ 5 сер. При такомъ расчетѣ, нельзя не придти къ выводу, что дешевые рыболовные снаряды должны-бы здѣсь быть въ преимущественномъ употребленіи: не всякой казакъ, да

и не всякая даже артель въ складчину, въ силахъ обзавестись неводомъ.

Есть еще отдѣльный видъ рыболовства, составляющій особую мѣстную промышленность: это — ловъ мелкой рыбы: бѣшенки, чехони (она же и «сабля-рыба») и облы, подъ общимъ наименованіемъ «тарани», для вытапливанія изъ ней жира. У Казаковъ, жиротопленіе это производится исключительно жителями станицъ Перваго Полковаго Округа. По значительности издержекъ, сопряженныхъ съ устройствомъ жиротопенныхъ заведеній, они дѣлаютъ для того складчны и составляютъ артели.

Рыба, изъ которой добывается жиръ, подъ общимъ ея названіемъ тарани, появляется изъ моря въ Волгѣ, за Астраханью, постоянно во второй половинѣ апрѣля мѣсяца. Жиротопленіе продолжается только въ теченіе двухъ недѣль, и эти двѣ недѣли обезпечиваютъ всѣ труды и расходы казака за цѣлый годъ. Разумѣется, чѣмъ обширнѣе заведеніе, тѣмъ прибыли бываютъ существеннѣе. Нельзя вообразить себѣ той страшной, ужасающей массы мелкой рыбы, которая стремится, въ эти короткіе дни, по Волгѣ и невчислимыми мѣрами ловится всеми прибрежными жителями, не для употребленія въ пищу, а единственно въ вытопку на жиръ для мыловаренныхъ заводовъ и на другія потребности второстепеннаго значенія. Множество тарани выкидывается волнами на берегъ и гниетъ на воз-

духъ совершенно даромъ; иногда рыба сама собою дохнетъ, даваемая огромностью собственныхъ своихъ косяковъ (стадъ): между-тѣмъ тысячи людей, промышляющихъ рыболовствомъ и жиротопленіемъ, не могутъ придумать средствъ, не могутъ найти возможности осилить тарашку и всю представляющуюся глазу добычу употребить съ пользою. И все таки — изъ тарани вытапливается нѣсколько тысячъ пудовъ жиру.

Казакн Второго и Третьяго Округовъ этому промыслу не предаются, по физическимъ причинамъ: или по тому, что, въ опредѣленный для того періодъ, тарань не успѣла еще появиться въ полковыхъ предѣлахъ; или по тому, что она ихъ уже миновала; или, наконецъ — это относится собственно къ Третьему Округу — по тому, что является она тамъ, проплывъ уже «по подсвѣжью» (когда послѣ таянія льда вода начнетъ «освѣжаться») большое пространство пути и утративъ на ходу всю свою тучность. Вообще, за Царицынымъ, тарань появляется отошалою, исхудалою и вовсе безъ жира.

Заготовленіе вновь всѣхъ необходимыхъ снарядовъ для жиротопки, какъ-то: котловъ, чановъ, «пересѣкъ» или «полубочей», волокушъ и прочаго, обходится, глядя по бѣльшей-или-меньшей обширности затѣй, отъ 450 до 1,000 руб. сер.; ежегодные-же расходы, для поддержки всего заведенія въ порядкѣ, простираются отъ 200 до 500 руб. сер. Изъ этихъ

цифръ можно вывести заключеніе, что бѣднѣйшій классъ населенія не всегда можетъ принимать въ этомъ промыслѣ участіе, не смотря на необъятность по-пусту гибнущей рыбы и на всю кажущуюся легкость и ничтожность труда — накласть тарани въ котелъ, подложить подъ него дровъ и вытопить изъ рыбы жиръ. Впрочемъ, нынѣ, въ краѣ, начали употреблять эту рыбу и не на одинъ жиръ: облу и чехонь — сушатъ и продаютъ вялеными; бѣшенку — солятъ и изготовляютъ на-манеръ сельдей, тѣмъ-болѣе, что она, и въ самомъ дѣлѣ, есть видъ обыкновенной сельди. Общее мнѣніе таково, что, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жиротопни будутъ совершенно оставлены, и древняя система рыбаченія преобразуется повѣйшими усовершенствованіями, которыя понемножку и теперь видимо идутъ въ ходъ.

Засимъ, объ Астраханскихъ Казакахъ очень немного можно прибавить. Интересныхъ сторонъ быта, почему-либо заслуживающихъ любопытства, найти въ нихъ трудно.

Въ слѣдствіе условій мѣстности и почвы, Астраханскіе Казаки предпочтительно предъ другими видами домашняго своего хозяйства, усердно занимаются скотоводствомъ. Въ 1850 году, у нихъ считалось:

лошадей	12,615
рогатаго скота	12,528
простыхъ овецъ	20,259

Многіе изъ лицъ войсковаго сословія, перенявъ отъ сосѣдей своихъ, Калмыковъ, искусство ухаживать за скотомъ, замѣтно сильно развиваютъ на войсковой землѣ эту промышленность и владѣютъ довольно большими конными табунами и стадами овецъ. Сбытъ скота производится, болѣею-частію, по ярманкамъ, въ близъ лежащихъ къ станицамъ уѣздныхъ городахъ: но, болѣе всего, скотомъ торгуютъ на весенней ярманкѣ въ селеніи Ставка (бывшая Ханская - Ставка), что во Внутренней или Букеевской Киргизской-Ордѣ, кочующей въ предѣлахъ Астраханской губерніи, но зависящей не отъ Астраханскаго, а отъ Оренбургскаго Начальства. Впрочемъ, Казаки распродаютъ свой скотъ и на мѣстѣ, то-есть въ станицахъ: пріѣзжимъ гуртовщикамъ, сгонщикамъ и извощикамъ. Послѣдніе пріобрѣтаютъ только лошадей; а первые — рогатый скотъ и овецъ: гуртовщики — для сала, а сгонщики — на убой въ пищу.

III.

АСТРАХАНСКІЕ АРМЯНЕ.

Армяне появились въ Россіи съ весьма давнихъ временъ: о нихъ упоминается въ грамотахъ XV столѣтія; въ концѣ XVI столѣтія у нихъ былъ уже въ Москвѣ свой Гостиный Дворъ. Царь Алексѣй Михайловичъ предоставилъ имъ многія льготы, въ намѣреніи водворить въ Россіи, чрезъ посредство Армянъ, правильный заграничный торгъ съ Востокомъ. Это была главная цѣль призыва ихъ въ наше Отечество, цѣль всѣхъ данныхъ имъ привилегій, чтобы они были купцами и посредниками всѣхъ оборотовъ нашихъ по азіатской торговлѣ. Сверхъ - того, черезъ нихъ

ожидалось развитіе, въ нашей Низовой-Сторонѣ, шелководства и садоводства.

Такимъ - образомъ, Армяне появились у насъ въ качествѣ гостей. Но какъ торговля дѣла требовали постоянного пребыванія ихъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ городахъ, гдѣ они успѣли обзавестись и поземельною собственностью, то дабы положеніе ихъ въ предѣлахъ Имперіи всевозможно оградить и упрочить, изданы были, въ 1744 году, для Астраханскихъ собственно Армянъ, особыя правила, по которымъ: а) дозволялся имъ свободный для торговли пріѣздъ въ Россію; б) въ Астрахани велѣно принимать ихъ на жительство, но только во временное, а не въ вѣчное подданство; в) не велѣно облагать ихъ гильдейскими сборами, но мѣстному Магистрату вмѣнено въ обязанность брать съ нихъ за товары надлежащую пошлину; г) кто не желалъ жить въ Россіи, тотъ отпускался во свояси безъ задержанія; в) судъ и расправу предоставлено чинить имъ по своимъ правамъ и обыкновеніямъ; е) дозволено свободное отправленіе обрядовъ вѣры; ж) они освобождались отъ всякихъ служебъ и никакихъ тягостей не несли; з) дома ихъ, гдѣ жили сами хозяева, освобождались отъ постоя, а поземельныя деньги взыскивались по усмотрѣнію Магистрата; и) селиться велѣно имъ слободами; наконецъ і) дозволено заводить фабрики и заводы съ вѣдома Мануфактуръ - Коллегіи, безъ всякихъ, въ продолженіе льготныхъ лѣтъ, пошлинъ.

На основаніи этого положенія, Армяне разновременно стали прибывать и водворяться въ Астрахани: изъ Турціи и Персидскихъ Провинцій (Карабаха, Ганджи, Джульфы, Нахичевани, Шемахи), также и изъ Царства Грузинскаго. Для разбора дѣлъ и производства между ними суда и расправы, въ 1765 году учрежденъ былъ въ Астрахани особый Судъ, подъ названіемъ Азіатскаго, содержаніе котораго возложено было на Армянское Общество, безъ пособія отъ Правительства, или отъ города. Впрочемъ, такъ-какъ у Армянъ не было никакихъ опредѣленныхъ правилъ для судопроизводства, то дѣла въ этомъ Судѣ рѣшались, какъ выражались сами Армяне, по темнымъ преданіямъ и обычаямъ: посему, въ послѣдствіи времени, существованіе этого Суда признано излишнимъ, и въ 1839 году былъ онъ упраздненъ. Нынѣ судъ и расправу имѣютъ они въ общихъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ.

Первая перепись Армянамъ въ Астрахани произведена была въ 1795 году; ихъ тогда насчитано 390 душъ мужскаго пола. Повинности ихъ въ это время, относительно къ городу, состояли въ назначеніи десятниковъ для Полиціи; въ замѣнъ чего съ Общества взыскивалось по 80 р. асс. въ годъ, и въ отбываніи воинскаго постоя, по которому назначалось съ нихъ къ отводу 13 домовъ для офицеровъ и 659 квартиръ для нижнихъ чиновъ; впрочемъ и эту послѣднюю повинность они отбывали не на-

турою, а, на основаніи Сенатскаго Указа (1 марта 1797 года), деньгами, для чего, по особымъ раскладкамъ и приговорамъ, собиралось съ нихъ отъ 4,500 до 6,000 р. асс. ежегодно. Засявъ, для этихъ Армянъ, прежнія льготы подтверждены были Высочайшею грамотою отъ 28 октября 1799 года.

Въ 1827 году, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы, относительно всѣхъ въ то время находившихся въ Астрахани Армянъ, рѣшенъ былъ вопросъ: «справедливо-ли дать пришельцамъ вѣчныя преимущества предъ коренными Русскими?» Вслѣдствіе сего, положеніемъ Комитета Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 2 іюня 1831 года, постановлено, чтобы при пользованіи льготами, дарованными Астраханскому Армянскому Обществу грамотою 28 октября 1799 года, оставить тѣ только 390 душъ, которыя значились по переписи 1795 года; всѣхъ же остальныхъ изъ того права исключить, предоставивъ имъ на волю, въ теченіе шести мѣсяцевъ, или вступить въ подданство Россіи на общемъ основаніи, или быть въ качествѣ неторгующихъ иностранцевъ. Потомъ, въ 1836 году, повелѣно всѣхъ Армянъ постепенно уравнивать въ платежѣ государственныхъ податей съ прочими подданными Русскими; а въ 1848 году постановлено: тѣхъ изъ нельготныхъ Армянъ, которые поселились въ Астрахани до 1799 года, обложить двухрублевымъ сборомъ съ двора, а тѣхъ, кото-

рые перешли въ Астрахань послѣ 1799 года, ввести въ общую податную систему.

Такимъ-образомъ, нынѣ Астраханскіе Армяне раздѣляются на три класса: въ первомъ состоитъ 187 душъ мужескаго пола, вполне пользующихся привилегіею 1799 года; во второмъ считается 2,192 души мужескаго пола, платящихъ, сверхъ земскихъ и городскихъ повинностей, еще по два р. сер. съ двора; наконецъ, къ третьему принадлежатъ 131 душа мужескаго пола тѣхъ Армянъ, которые введены въ общую податную систему. Цифры, приводимыя здѣсь, относятся къ девятой народной переписи.

Армяне, вышедшіе изъ Персіи и Царства Грузинскаго, слѣдуютъ правиламъ Григоріанскаго Вѣроисповѣданія; ихъ нынѣ въ Астрахани — 2,425 душъ мужескаго и 2,650 женскаго пола. Армяне, вышедшіе изъ предѣловъ Турціи, находятся въ соединеніи (уніи) съ Римскимъ Католицизмомъ; такихъ въ Астрахани всего-на-все — 85 душъ мужескаго и 91 душа женскаго пола. Послѣдніе извѣстны вообще подъ именемъ Армянъ-Католиковъ.

Физиономія Армянъ общеизвѣстна: она чрезвычайно близка къ еврейскому типу. Вообще лица ихъ отличаются весьма правильными очертаніями и бываютъ почти всегда продолговаты; цвѣтъ кожи темноватый; волосы черные, съ снѣватымъ отливомъ; носы прямые, нѣсколько горбоватые, но не безобразные, въ женскихъ-же лицахъ, можно ска-

зять — прекрасные; глаза большіе, черные, блестящіе, а у женщинъ — исполненные необыкновеннаго огня и самой жаркой нѣги.

Въ Астрахани много ходитъ рассказовъ о томъ, что Армянки «красятъ себѣ глаза»: большая-часть этихъ рассказовъ не противорѣчатъ свѣдѣніямъ объ этомъ, которыя сообщены были еще въ прошломъ столѣтіи, на-примѣръ: въ «Описаніи всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ», гдѣ сказано, что «Армянки, для внутренней черноты глазъ, покупаютъ, дорогою цѣною, черный, весьма мелкій порошокъ, который, обрѣзаннымъ перомъ, вдуваютъ себѣ въ глаза», и что «порошокъ сей, по сдѣланнымъ химическимъ опытамъ, состоитъ единственно изъ мелко-встругаго шпигласу, сурмила.» Говорятъ также, что у Армянокъ, собственно у молодыхъ дѣвушекъ, въ недавніе только годы вышелъ изъ употребленія обычай сбивать пушокъ со щекъ при помощи натянутой шелковинки: это, въ прежніе годы, считалось необходимымъ условіемъ армянскихъ приличій и свѣтскости. Между-тѣмъ, и понынѣ, всѣ вообще Армянки, не смотря ни на юность, ни на старость, продолжаютъ бѣлиться, румяниться и сурмить брови: послѣднее дѣлается очень просто — жженымъ миндалемъ, или даже — перегорѣлой свѣтльвей сальной свѣчки; румяна представляютъ родъ кисел, пропитанной пунцовою краской изъ растительныхъ веществъ. Сверхъ-того, по общему обычаю Востока, оба

пола, до-сихъ-поръ, прибѣгаютъ къ извѣстному составу мази, называемой «дару», для вытравливанія волосъ растущихъ на тѣлѣ.

Ростъ у Армянъ средній. Нѣкоторая полнота, но не совершенная тучность, считается за немалое достоинство. Сила тѣлесная развита плохо; особенной ловкости и проворства въ тѣлодвиженіяхъ не замѣтно; да и самая жизнь Армянина не представляетъ ничего, что бы понуждало его къ развитію и укрѣпленію мышцъ.

Языкъ у Армянъ свой собственный, самобытный; письмена тоже свои. Пишутъ они по-нашему, отъ правой руки къ лѣвой. Счетъ ведутъ или нашими цифрами, или буквами своего алфавита. Чтобы представить образецъ гармоничности Армянскаго языка, можно привести слѣдующія географическія названія: Россію, на-примѣръ, Армяне зовутъ — *Русастунз*; своего брата Армянина — *Ххай*; Калмыка — *Скютаци*; всякаго Мухаммеданина — *Тачикз*; Кавказъ — *Кобкасз*; Черное - Море — *Сяцофз*; Каспійское-Море — *Каспиццовз*; Волгу — *Идыль*; Куму — *Гуми*; Терекъ — *Терикз*; Тифлисъ — *Тыпкизз*; Грузію — *Врацтунз*; Грецію — *Хунацтунз*; Персію — *Парскастунз*; Турцію — *Османянз-Терутюнз*; Венецію — *Венеыкз*; Германію — *Керманія*. По Русски Армяне говорятъ бѣгло и хорошо; однако немногіе могутъ одолѣть наше *Ы*, или сладить съ звуками, смягченными приставкою *Ь*.

Въ слѣдствіе всеюду развивающейся цивилизаціи, большая-часть Астраханскихъ Ар-

мянъ стали теперь. (какъ выражаются нѣкоторыя племена, обитающія въ Низовой-Сторонѣ и состоящія подъ вліяніемъ Армянскаго торго) — совершенные «ирансузы»: щеголяютъ по парижскимъ модамъ и живутъ на европейскій манеръ. Впрочемъ, и у такихъ Армянъ, въ домахъ одна лишь половина убирается по столичнымъ обычаямъ, а другая все еще сохраняетъ національный армянскій характеръ. Не найдется семьи, у которой не было-бы хоть одной «парной», то-есть комнаты, вокругъ которой, вмѣсто европейской мебели, устроены широкія деревянныя «пары»; эти пары, равно-какъ и полы, устилаются коврами и обставляются подушками.

Армяне любятъ кофе больше чаю. Гостѣмъ дамъ, хотя-бы посѣщеніе сдѣлано было и вечеромъ, непременно надо подать кофе. Какъ кофе составляетъ любимый напитокъ женщинъ, такъ лучшее наслажденіе мужчинъ есть чихиръ изъ винограда. Армянину не нужно ни лафитовъ, ни рейнвейну, ни шампанскаго, потому что все это, по дороговизнѣ, очень для него невкусно, даже противно и вредно здоровью; а чихиръ, въ Астрахани почти ничего не стоящій, соединяетъ въ себѣ все, что нужно для полнаго удовольствія: и дешево, и пьяно, и, следовательно, здорово.

На кухнѣ Армянской, русскихъ горшковъ почти вовсе не бываетъ: имъ предпочитаютъ кастрюли и мѣдные котлы. Любимыя блюда Армянъ суть такъ-называется

мыя «кабабы» разныхъ родовъ: *шишь-кабабъ*, то-есть баранина, кусками жареная на желѣзномъ прутѣ; *люли-кабабъ* или *шишлыкъ* — мелкорубленая баранина, наминаемая на желѣзный прутъ и обжариваемая на огнѣ; *казанъ-кабабъ* — баранина приготовленная, въ родѣ соуса, въ котлѣ, съ лукомъ или фруктами. Затѣмъ, «*далма*» — рубленая баранина, приправленная пряностями, завернутая въ свѣжій виноградный листъ и сваренная въ кипятокѣ: для этого виноградные листья на зиму солятъ, а потомъ, когда нужно готовить далму, листья эти вымачиваютъ въ водѣ: приготовленная такимъ образомъ далма подается всегда съ простоквашей; иногда далма готовится въ яблокахъ, въ айвѣ, въ маленькой тыквѣ. Известный въ цѣломъ Востокѣ, отъ Египта до Китая и отъ Казани до Калькутты, «*пловъ*», у Армянъ, какъ всякое ихъ блюдо, не обходится безъ шафрана. Прочія народныя кушанья: «*лобья*» — изъ турецкихъ бобовъ, «*баджманъ*» — изъ демьянокъ или бадиджана, «*кайнеръ*» — сладкое блюдо изъ однихъ фруктовъ. Впрочемъ Армяне употребляютъ и русскія блюда. Они очень любятъ всѣ вообще пряности; лукъ, чеснокъ, перецъ, гвоздика, шафранъ, кардамонъ, наполняютъ почти каждое ихъ кушанье. Между-тѣмъ, всякое мясо, даже рыба и раки, считаются скоромнымъ, и потому въ посты въ пищу не употребляются.

Большей частью, Армяне въ Астрахани одѣваются по-вѣмецки: только до Фраковъ

небольшіе охотники; во всемъ прочемъ, особенно женскій полъ, слѣпо слѣдуютъ моднымъ картичкамъ. Впрочемъ, пожилые люди и доселѣ еще сохраняютъ привязанность къ старинѣ, и всегда одѣваются въ національное свое платье; женщины бросаютъ шляпки и мантильи, когда идутъ въ церковь Божью и въ годовые праздники.

Настоящій Армянскій костюмъ, лѣтъ за двадцать или за двадцать-пять бывшій общимъ для всѣхъ, состоитъ изъ слѣдующихъ частей.

а. Въ двѣпчьемъ нарядѣ. «*Шабикъ*» — рубаха, холстинная или шелковая, цвѣтная, гладкая и преимущественно краснаго цвѣта; подолъ и рукава длинные, у кисти рукъ просторные, но не широкіе, по краямъ обшитые снуркомъ; пройма очень вырѣзная, съ разрѣзомъ почти до пояса. Подъ этой рубахой, всѣ вообще носятъ крестъ, а подверженныя болѣзни — кабалистическія письмена и разные талисманы, зашитые въ особую ладонку. Далѣе, «*поханъ*» или «*изаръ*» — шальвары длинныя до пятъ, обшитыя внизу серебрянымъ позументомъ: шальвары эти у Армянокъ уже, чѣмъ у Персіянокъ; онѣ бываютъ, смотря по достатку носящей, или шелковыя, или холстинныя; или изъ простой красной бязи (грубаго бумажнаго полотна). * Обувь: «*абуршуми*» — чулки

* Нынче, и «*поханъ*» и «*шабикъ*» видятъ еще, но рѣдко; они замѣнены европейскимъ бѣльемъ по общей модѣ, при которомъ не позабыты корсетъ и юбки.

шелковые, съ шелковыми-же или нарчевыми подвязками, на которыхъ вышиваются вензеля и полныя имена владѣлицы, и «*машикъ*» — башмаки изъ цвѣтнаго сафьяна, съ очень высокими каблуками. Верхнее платье: «*архалухъ*» — общій азіатскій короткій чекмень: онъ бываетъ шелковый, одноцвѣтный и пестрый, впрочемъ гладкій предпочтительнѣе, и всегда выстегивается разными узорами; грудь въ старину не застегивалась, но была совершенно открыта до самаго пояса: тутъ только архалухъ стягивался подъ серебрянымъ кушакомъ, или суркомъ, булавкою или пуговочкой; «*кала*» — платье съ длинными просторными рукавами и изъ лучшихъ матерій: она тоже не совсѣмъ прикрывала дѣвичью грудь, а оставляла ее открытою на столько, на сколько это дозволялось армянскою скромностію и чистотою нравовъ; «*долома*» — самое верхнее платье, которое накидывалось на плеча какъ епанечка: оно было длинное; рукава, тоже длинные, къ низу постоянно суживались, и, на ходьбѣ, развѣвались по вѣтру; воротничекъ стоячій, маленькій. Голова дѣвушки убиралась особеннымъ образомъ: ей заплетали пять или шесть косъ изъ собственныхъ волосъ, да столько-же подвязывали фальшивыхъ, прикрѣпляя къ концамъ ихъ банты и концы шелковыхъ лентъ; косы эти распускались сзади на спинѣ поверхъ платья, и чѣмъ были длиннѣе, тѣмъ выше цѣнилась дѣвичья красота. Въ уши вдѣвались серги, по-армянски — «*сырга*», дорогія и огром-

ныя, на азіатскій манеръ. Такъ-называемыя «*вѣски*» (золото), то-есть золотыя монеты и медали иностранной отливки, прикрѣпленныя къ ниткѣ, украшали роскошную шею и плечи хорошенькой Армянки. Браслеты или наручни, по-армянски — «*калбахъ*», также перстни и кольца, во множествѣ блестяли на рукахъ. Голова повязывалась чернымъ атласнымъ платкомъ, котораго два длинные и острые конца закидывались назадъ: такъ ходятъ Армянки еще и теперь. «*Чадру*» носили развѣ только очень старыя дѣвы: это родъ простыни, или большой кусокъ бѣлой бумажной ткани, въ которую Армянки закутываются съ головы до ногъ, не закрывая впрочемъ лица; отъ неумѣнья носить чадру и рисоваться въ ней, этотъ нарядъ очень неизящентъ, особенно въ томъ случаѣ, когда идешь не на встрѣчу Армянкѣ, а слѣдуешь за ней позади. Зимой, въ прежнія времена, дѣвушки надѣвали мѣховую долому въ рукава; голову, поверхъ платка, прикрывали, для тепла, персидскою шалью.

б. Въ нарядѣ замужнихъ женщинъ. Основныя части были тѣже, что и у дѣвицъ; но существенныя отличія состояли въ томъ, что *шабикъ* и *поханъ* были не красные, а непременно синіе, обшитые по краямъ толстымъ шнуркомъ. Лѣтомъ, вмѣсто *архалуха*, женщины носили короткій шелковый камзолъ безъ рукавовъ, съ серебряными и вызолоченными крючками, которые застегивались только у пояса; иногда тутъже затыкалась большая се-

ребриная или золотая булавка, украшенная жемчужиной. *Колу* носили съ совершенно оторваннымъ лифомъ, далеко оставлявшимъ за собой балльные костюмы временъ Людовика XV. Вовсе не употребляли ни серегъ, ни браслетъ, ни фальшивыхъ косъ; но зато необходимою принадлежностью женской прически считался «*чавликъ*» — фальшивая накладка, съ волосами, спущенными на щеки близь уха, для того чтобы виски казались пышнѣе, шире и чернѣе. Къ вискамъ прикрѣплялись особенныя украшенія въ родѣ полумѣсяца: онѣ были золотыя, убранныя драгоценными камнями и величиною вершка въ два; пара такихъ вещейъ называлась «*джинансиръ*», и къ каждому виску прикрѣплялось по одному «*джинаху*». Къ подбородку, отъ одного уха до другаго, подвязывалась широкая жемчужная привѣска, называвшаяся «*ужунчи*» (борода), а по верхъ ея — «*силсила*» (набородье), изъ золота и разныхъ драгоценныхъ камней: послѣднее было уже, чѣмъ первое. На шеѣ носили «*жинжилъ*» — золотыя цѣпи разныхъ видовъ, но преимущественно составленныя изъ медальоновъ ли таго золота венеціанской работы, или можетъ быть и собственнаго армянскаго издѣлія съ венеціанскихъ образцовъ; въ среднѣ этихъ медальоновъ припаивались золотыя пластинки, украшенныя жемчугомъ и драгоценными камнями. Всѣ эти драгоценности доселѣ хранятся во многихъ Армянскихъ семействахъ города Астрахани; хотя те-

перь въ дѣло уже и не употребляются; въ такихъ украшеніяхъ написаны и всѣ портреты армянскихъ красавицъ начала нынѣшняго столѣтія. На головѣ замужнія женщины носили и носятъ еще: подъ-низомъ — ситцевую или шелковую косынку, а поверхъ ея навязываютъ «лечикъ» — большой бѣлый платокъ изъ шелку, газа или кисеи, который стягиваютъ позади булавками, распуская концы не углами, а тупыми сторонами; сверхъ же лечика, спереди подвязываютъ налобникъ или повязку — «чака-тъялухъ», или собственно по-армянски — «ташкинакъ».

в. Въ мужскомъ нарядѣ. Верхнее платье состоитъ изъ суконной «чухи», у пожилыхъ людей — темныхъ, а у молодыхъ — свѣтлыхъ цвѣтовъ: это родъ казакина съ крѣпками на груди и съ разрѣзными рукавами, закидываемыми назадъ. Подъ чухой, *архалухъ* цвѣтной, изъ шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта; *копа* — нижнее платье. На головѣ: у молодежи — фуражки или картузы, а у пожилыхъ, особенно у стариковъ — высокая, широкая, ровная, мерлушчатая шапка; въ родѣ хивинской, но нѣсколько уже. При такой шапкѣ, необходимъ красный кушакъ поверхъ чухи. Всѣ мужчины носятъ усы; но бороды — и у стариковъ въ рѣдкость.

По примѣру всѣхъ восточныхъ жителей, Армяне любятъ, перебирать чотки: — «теръ-огормя»: это у нихъ замѣняетъ и книги, и журналы, и газеты. Последняго способа пре-

провожденія времени не знаетъ и молодежь; но она развлекаетъ себя — преферансомъ и ералашью.

Армяне очень любятъ музыку. Гдѣ только соберется у нихъ своя компанія, безъ музыки и пѣсенъ дѣло не обойдется. Но у человека, привыкшаго къ европейской музыкѣ, не достанетъ силъ прослушать самую хорошенькую ихъ пѣсенку. Они поютъ обыкновенно въ носъ, гнуся ужасно, заливаются неистово-тоскливымъ образомъ, и вообще услаждаются чрезвычайно дикою, на европейское ухо, гармонією. Настоящіе армянскіе музыкальные инструменты, въ нынѣшнее время, мало-по-малу выводятся изъ употребленія. Уцѣлѣли только немногіе, именно: «*чун-гургъ*» — чтò-то въ родѣ балайки съ пятью металлическими струнами, и «*нагара*» — простые глиняные горшки, обтянутые кожей. Этихъ послѣднихъ всегда бываетъ пара; пришедшій въ умиленіе Армянинъ колотитъ въ нихъ особыми барабанными палочками.

Что касается до танцевъ, то Астраханскіе Армяне, предаваясь французскому кадрилию и даже разнообразнымъ полькамъ, не забываютъ и родныхъ своихъ плясокъ. Нынче они помнятъ двѣ такія старинки: «*хиркуокофъ*» и «*гасми*». Первый есть родъ нашего казачка; его выплясываютъ вдвоемъ, или мушкетеръ съ мушкетеромъ, или женщина съ женщиной, или оба пола вмѣстѣ. Въ послѣдняго-рода пляскѣ участвуютъ четверо, или все мужчины, или все

женщины, или два кавалера и двѣ дамы: танцующіе легонечко переступаютъ съ мѣста на мѣсто, въ родѣ какъ это дѣлается въ русской народной пляскѣ, и выдѣлываютъ при этомъ разныя фигуры руками: то граціозно поднимаютъ ихъ къ верху, то подбоченятся, то разводять ихъ въ стороны.

Вообще, сходясь постоянно все ближе и ближе съ Русскими, Армяне, изъ множества старинныхъ обычаевъ, сохранили теперь очень немногое, оставшееся необрусьлымъ да и то въ такихъ преимущественно случаяхъ, гдѣ это касается религіозныхъ ихъ обрядовъ.

Сватовство у Армянъ происходитъ также, какъ и вездѣ въ Россіи: чрезъ посредство свахъ — «*хнамазосъ*». Смотрѣны бываютъ рѣдко, потому что всѣ Армяне другъ-другу знаютъ. Обрученье совершается въ домѣ невѣсты; пирушекъ при этомъ не бываетъ. Свадьбы вѣнчаются большей-частью по вечерамъ, днемъ — рѣдко. При свадьбахъ, и для жениха, и для невѣсты, нуженъ только одинъ «посажонный отецъ»; «матери посажонной» не бываетъ вовсе. При вѣнчаньѣ въ церкви, священникъ на каждого изъ супруговъ надѣваетъ по шелковому снурку, скрѣпляетъ концы его воскомъ и кладетъ на воскъ печать церковнымъ крестомъ: снурки эти снимаются съ молодыхъ, тоже священникомъ, съ приличными молитвами, не прежде какъ чрезъ двое сутокъ по совершеніи таинства; до истеченія же этого срока, сестры и подружки оберегаютъ молодую, днюя

и ночуя съ ней. Шабикъ новобрачной выносятся къ предъявленію только наличнымъ родственницамъ.

На крестинахъ, бываетъ одинъ воспріемникъ; кумы нѣтъ. Крещеніе совершается до обѣда, и въ самой церкви.

Трауръ по умершимъ больше замѣтенъ на женщинахъ: онѣ надѣваютъ тогда черное платье и бѣлые платки на голову. Мушцины носятъ черную чуху.

Въ день Преображенія, празднуемый Армянами не всегда въ одно и тоже число, потому-что праздникъ этотъ принадлежитъ у нихъ къ переходнымъ, у Армянъ въ обычаѣ опрыскивать другъ-друга водой, пзъ шутки, для потѣхи; это стараются они дѣлать невзначай: изъ оконъ, изъ-за угла, при встрѣчахъ между-собой, и т. п.

Въ настоящее время, Астраханскіе Армяне вовсе не производятъ заграничной торговли; нѣтъ у нихъ также ни шелководства, ни садоводства, ни даже хлѣбопашества. Люди самые зажиточные, владельцы огромныхъ капиталовъ, съ успѣхомъ занимаются любимымъ армянскимъ промысломъ: ссудой другихъ деньгами подъ закладъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Армяне, менѣе капитальные, занимаются: или торговлею въ Калмыцкихъ Улусахъ и частію во Внутренней-Киргизской-Ордѣ, или коммисіонерствомъ по разнымъ городамъ, или, наконецъ, различнымъ торгомъ въ самой Астрахани и продажею товаровъ до-

ставляемыхъ туда изъ С.-Петербурга, изъ Москвы и съ Нижегородской-Ярманки; нѣкоторые имѣютъ красильныя фабрики и небольшіе свѣчные, мыльные и кожевенные заводы. Люди несостоятельные занимаются «маклерствомъ», то-есть факторствомъ и самымъ мелкимъ торговашествомъ.

Общій характеръ Астраханскихъ Армякъ — миролюбіе и ласковость, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — угодливость, въ нѣкоторыхъ — гордость и заносчивость, вообще — веселость, расторопность и крайняя изворотливость. Есть въ нихъ пріемлемость къ виѣшнему образованію, но незамѣтно особаго расположенія къ наукамъ и высшимъ умственнымъ занятіямъ.

IV.

ЮРТОВСКІЕ - ТАТАРЫ.

Юртовскіе - Татары составляютъ особый отдѣлъ государственныхъ крестьянъ, обитающихъ въ Низовой-Сторонѣ. Сами себя они называютъ *Ногами* и считаются потомками Золотоордынскихъ Ногаевъ, первыхъ основателей Астрахани. Слово «юртз», у здѣшнихъ - Татаръ, вообще значитъ — «мѣсто»; а потому выраженіе «Юртовскіе - Татары» значитъ просто — «Мѣстные - Татары».

Настоящая численность Юртовскихъ - Татаръ невелика; ихъ всего только 5,293 души мужескаго и 4,576 душъ женскаго пола, по

девятой ревизіи. Населеніе это распредѣлено, въ окрестностяхъ Астрахани, такимъ образомъ:

	ж. п.	ж. п.	
слобода Царёво или Тіскъ (юго-западное предмѣстіе Астрахани).	591	541	
селенія: Зацарёво	731	715	
Каргалъ, Каргалыкъ, или Каргалинское	246	222	
Казанъ, или Башмаковка	483	370	
Яксайтъ, или Майлегуль	149	129	
Осыпной-Бугоръ	179	182	
Семиковское	76	50	
Кулаково, или Бугдамгуль	77	89	
Джеменё, или Трехъ-Промыское	206	170	
Машайкъ, или Машадкъ	185	137	
Келечі	388	355	
Бобровское	} подь общимъ названіемъ Таовганскаго или Тулуганскаго	268	231
Есаульское			
Биш-Тюбя, или Биштубинское	156	129	
Соляника	870	729	

Къ послѣднему селенію приписано еще около ста кибитокъ, именно 688 душъ мужскаго и 524 женскаго пола, зиму и лѣто кочующихъ въ такъ-называемыхъ «Мочагахъ», то-есть въ сѣверо-западномъ, топкомъ и густо-поросшемъ камышами, прибрежьѣ Каспійскаго-Моря, по Ливейному-Трактѣ, въ окрестностяхъ станцій *Алабугской* и *Тернековской*: тутъ Юртовскіе-Татары кочевали еще во времена Царя Алексѣя Михайловича.

За исключеніемъ сихъ-послѣднихъ, всѣ Юртошцы ведутъ жизнь съ давнихъ временъ осѣдлую, въ своихъ селеніяхъ. Только Тулуганскіе жители, съ весны, отправляются въ кочевку на земли Кундровскихъ-Татаръ, по той необходимой и настоятельной надобности, что все ихъ селеніе совершенно заливадается весенними разливами Волги. Татары, живущіе селеніями, называются, въ противоположность кочевымъ, «аульными».

Нынѣшній Юртовскій Голова изъ Царева, Абубекръ Джанъ-Аліевъ, и Келечинскій житель Исхакъ Дюсеевъ, по преданіямъ предковъ, рассказываютъ, что родоначальникомъ той отрасли Ногаевъ, отъ которой произошли Юртовскіе-Татары, былъ нѣкто *Исламъ*, по званію своему «Кайя», нѣчто среднее между «Хаджі» и «Сейдомъ». У *Исламъ-Кайи* былъ сынъ *Караки*; у него сынъ *Баба-Туклесъ*, а у этого *Кыдыръ-Кайя*. Праправнукъ *Кыдыръ-Кайи*, сынъ *Терме-Кайи* и внукъ *Кутлу-Кайи*, сына *Кыдыра-Кайи*, по имени *Эдигей*, провозгласилъ себя «Біемъ» надъ Ногаями. У *Эдигей* было два сына, получившихъ отъ отца званіе «Мурзъ»: старшій *Нуръ-Адилъ* и младшій *Мансуръ*. Въ то время, когда въ Ховарезмѣ властвовалъ *Баракъ-Ханъ*, *Мансуръ-Мурза* сдѣлалъ набѣгъ на *Хиву*, гдѣ и умеръ насильственною смертію, будучи осѣпленъ по повелѣнію *Баракъ*. У *Нуръ-Адилъ-Мурзы* было двое сыновей; *Оказъ* и *Акасъ*. Последний умеръ бездѣтнымъ; а у *Оказа* преемникомъ

власти надъ Ногаями сдѣлался сынъ *Муса-Бій*. У Мусы-Бія было тридцать сыновъ; девятый изъ нихъ, *Альчесмайль*, перессоривъ всѣхъ братьевъ между-собою, лишилъ ихъ вліянія на народъ, и самъ сдѣлался главою надъ Ногаями. У Альчесмайля былъ сынъ *Урусъ*, и отъ него два внука *Акъ-Саті* и *Джанъ-Арсланъ*: послѣдній умеръ не оставивъ послѣ себя потомства, а у Акъ-Саті, чрезъ сына его *Али* и внука *Казы*, было потомство, котораго отрасли частью перешли въ Христіанство и вполнѣ усыновившись Россіи въ соотвѣтственномъ происхожденію ихъ благородномъ достоинствѣ, частью-же остаются донынѣ между Юртовцами.

Что касается до родословной Астраханскаго Царя *Ямгурчей*, то, по мѣстнымъ преданіямъ, онъ происходилъ отъ другой отрасли Ногайскихъ Мурзъ. Воспользовавшись внутренними беспорядками Астраханскихъ Татаръ, тѣснимыхъ Казанцами, онъ успѣлъ захватить владычество надъ Устьволжскими Ногаями и усвоилъ себѣ титулъ Хана. По преданіямъ Юртовцевъ, Ямгурчей или Ямгурчи былъ первымъ и послѣднимъ Ханомъ такъ-называемаго Астраханскаго-Царства. Впрочемъ, во многихъ современныхъ актахъ, прежніе Астраханскіе владѣтели именовются просто Ногайскими Мурзами.

Юртовскіе старики рассказываютъ, что когда Золотая-Орда стала не то, что была когда-то прежде, и поколѣнія, составлявшія ее,

немногими только остатками разсыпались по стенамъ низовьевъ Волги и по Каспійскому прибрежью; то Ногаи, предки Юртовскихъ-Татаръ, стали кочевать въ лѣтнее время по рѣкѣ Уралу (но - татарски — *Джайакъ*, нашъ — *Яикъ*) и только изрѣдка заходили на Эмбу (*Джемъ*, *Емъ* или *Зецъ*). Въ низовьяхъ Урала была укрѣпленная ставка другой отрасли Ногаевъ; эта ставка, «орда» или «сарай», называлась *Сарайчикъ*. Юртовцы не были подвластны Сарайчику, также-какъ не были они подвластны и Казани, хотя нельзя не сказать, что и Казанскіе-Татары, и Сарайчиковцы, дѣлали на ихъ панаденія и разными вымогательствами заставляли ихъ платить себѣ дань въ то или въ другое мѣсто. Берега рѣкѣ Урала, и иногда Эмбы, были лѣтнимъ кочевьемъ Юртовскихъ-Татаръ: на зиму они подкочевывали къ Волгѣ, гдѣ, на Луговой-Сторонѣ, выстроили себѣ маленькое укрѣпленіе.

У всякаго кочеваго племени бываетъ непременно два кочевья: зимнее и лѣтнее. Русскія слова «городокъ» и «городъ», подобно-какъ татарскія «сарай» и «орда», или калмыцкія «урія» и «куря» (изъ котораго наши Казаки сдѣлали свой «курень»), означаютъ собственно главную ставку въ угожемъ мѣстѣ, гдѣ было постоянное становище или обиталище: предводителя племени, его свиты и дружицы. Въ зимнее время, становища предводителей, по-большой-части, какъ мы видимъ это и теперь, бывали постоянныя, и съ одного мѣста на дру-

гое не переносились, какъ бываетъ то лѣтомъ; стало-быть, сосредоточивая въ себѣ главные богатства племени, онѣ могли служить заманчивою цѣлью для внезапныхъ хищническихъ нападений враждебныхъ племенъ. Отсюда происходила естественная необходимость въ ихъ «оградѣ»; являлись городьба, вазы, рвы, ворота, глиняные загоны для скота, глиняныя стѣны, ограды, потомъ кирпичныя стѣны, кирпичные караванъ-сарай для торговцевъ и каменная мечеть: такая каменная усадьба, по-татарски «кала», по-русски должна была носить названіе «города». Въ Низовой - Сторонѣ деревянныхъ строеній быть не могло, по отсутствію строеваго лѣса; а потому естественно, что, въ стѣнныхъ мѣстахъ, городъ были не рубленые, но каменные, изъ жженого кирпича и битой глины, налѣпленной на камышевыя стѣны. Остатки такихъ городовъ мы находимъ всюду, и въ Башкиріи, и въ Киргизской-Стенѣ, и въ Калмыцкихъ-Кочевьяхъ; а если повнимательнѣе посмотримъ вокругъ себя, то увидимъ, что такіеже усадьбы и нынѣ, на нашихъ глазахъ, строятся у кочевыхъ народовъ: Подобныхъ укрѣпленныхъ ставокъ, и у Юртовскихъ-Татаръ, существовало нѣсколько.

Первый и, какъ говорятъ, главный Ногайскій городъ былъ *Джиддѣ*; стоявшій почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшнее селеніе *Селитряный-Городокъ*. Здѣсь, въ старыя времена, была главная зимняя ставка Юртовцевъ. Что тутъ были каменные

стронія и существовала торговля, доказательствомъ тому служатъ остатки старинныхъ стѣнъ и понынѣ, безъ всякаго затрудненія, отрываемыя на поляхъ, старинныя татарскія деньги, и серебряныя, и преимущественно мѣдныя. Нынѣшній Селитряный-Городокъ лежитъ почти во 100 верстахъ выше Астрахани; а въ актахъ историческихъ, относящихся ко временамъ Царя Алексѣя Михайловича, есть прямое указаніе, что въ 80 верстахъ отъ Астрахани лежали *Ближніе-Сараи*, а на 20 верстъ еще выше *Дальніе-Сараи*. Вѣроятно, послѣднее названіе принадлежало тому мѣсту, которое понынѣ называется Поволжскими инородцами — *Джигыдъ*; а названіе *Ближніе-Сараи* — мѣсту, понынѣ именуемому *Давлють-Ханъ*.

Кромѣ Джигыда и Давлють-Хана, былъ еще городокъ по правому берегу Волги, на седьмой верстѣ выше селенія *Солянки*, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь такъ называемая *Стрѣлецкая-Ватага* («ватага» — значитъ рыболовное заведеніе «на рѣкѣ», въ противоположность слову «промыселъ», или «промыслъ», что означаетъ рыболовное заведеніе «на морѣ»). Татарское названіе этого мѣста — *Куюкз-Кала*, что значитъ *Горькій-Городокъ*. Говорятъ, что Ямгурчей имѣлъ здѣсь свое лѣтнее пребываніе. И нынче, когда случится, что Волга смоетъ и оторветъ отъ берега часть яра, то въ свѣжей стѣнѣ берега находятъ человѣческія кости, старинныя кирпичи и татарскія монеты.

Быль еще городокъ *Чунгуръ*, въ полуверстѣ отъ селенія *Машайкъ*, въ семи верстахъ отъ Астрахани, за *Казацымъ-Бувромъ*. Гмелинъ рассказываетъ, что еще въ его время тутъ находили серебряныя и золотыя татарскія монеты, кольца, серьги, зарукавья и разную мелочь.

Важнѣйшимъ, впрочемъ, мѣстомъ была сама *Астрахань*, которую мѣстные инородцы называютъ *Хайдаръ-Ханъ*, а еще чаще *Хаджи-Тарханъ*. Если вѣрить рассказамъ Юртовцевъ, то на острову, гдѣ стоитъ Астрахань, всегда было зимнее становище Ногаевъ. Одинъ Хаджи Алиева колѣна, по имени Тарханъ, вздумалъ укрѣпить эту зимовку валомъ и кирпичными стѣнами, и съ тѣхъ поръ островокъ началъ все болѣе и болѣе приманивать къ себѣ жителей; по географическому положенію и по мѣстнымъ удобствамъ, ему охотно стали отдавать предпочтеніе передъ Джигыдомъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что здѣсь наконецъ утвердилась главная зимняя ставка Ногаевъ. Мѣсто прежней крѣпостцы въ Хаджи-Тарханъ, переименованномъ Русскими въ Астрахань, было именно въ одномъ изъ ближайшихъ къ Волгѣ угловъ нынѣшняго Астраханскаго - Кремля; прямо подъ стѣнами кремлевскаго холма въ то время протекала еще Волга, далеко теперь отбѣжавшая отъ города. Татарскія «мазарки», или кладбища, были и въ предѣлахъ нынѣшняго кремля, и въ полуверстѣ оттуда, на

круглой площадкѣ главной улицы, гдѣ теперь выстроены храмъ Рождества-Богородицы. Порывистые вѣтры и дождевыя лужи сносятъ здѣсь слои песку и высохшей глины, и глазамъ наблюдателя, въ центрѣ города, является, площадка, усыпанная бѣлыми черепами и высунувшимися костями.

Въ прежнія времена, Юртовскіе-Татары раздѣлялись на Улусы или Табуны, и каждымъ изъ нихъ начальствовалъ Старшина, носившій у Русскихъ званіе Табуннаго-Головы: званіе, сколько судить можно, совершенно тождественное съ тѣмъ, которое, въ старинныхъ грамотахъ, относящихся до посольства къ Калмыцкому Алтыну-Хану, называлось у насъ Табунарь. Каждый Улусъ имѣлъ собственное свое отдѣльное названіе, и прозывался, кромѣ-того, по имени своего Табуннаго-Головы: такъ, на-примѣръ, Улусъ или Табунъ Келечинскій, онъже и Чигирлыинскій, носилъ официальное названіе «Улуса Нуръ-Адиль Урусова».

Табунныхъ - Головъ было всего девять. Изъ нихъ семеро имѣли титуль Агъ, а двое звались Мурзами. Девять Табуновъ носили слѣдующія имена своихъ Головъ, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе:

1. *Нуръ-Адиль (Нурродинъ) Урусовъ;*
2. *Бій-Мурза Урусовъ* (Бій-Мурза былъ троюродный братъ Нуръ-Адиль);
3. *Каспулатъ Еешеевъ;*
4. *Османъ Каспулатовъ;*
5. *Аджугуль Каспулатовъ;*

6. *Кедеи Исмаиловъ;*
7. *Семекъ Арслановъ;*
8. *Магомметджанъ* (*Мухаммеджанъ,*
Мамбетджанъ) *Темирчеевъ;* и
9. *Болотой (Буланъ) Бековъ.*

Каждый родъ этихъ улусниковъ имѣлъ собственную свою «тамгу», которая употреблялась вмѣсто клейма, печати или герба. Но у Юртовскихъ-Татаръ она не замѣняла тавра, которымъ скотъ пятаютъ; для этой цѣли у нихъ существуютъ особыя примѣты: ухо, напримѣръ, рѣзанное или поротое, лысыя на лбу и другія отмѣтины.

Такимъ образомъ, Улусъ *Нуръ-Адила Урусови* состоялъ изъ двухъ родовъ или колѣнъ; поэтому у него было и двѣ тамги. Одна состояла изъ трехъ перекрещивающихся одна-другую чертъ, въ родѣ буквы X, еще разъ пересѣченной чертою поперекъ (✕): такая фигура похожа на колесо; она и въ самомъ дѣлѣ выражаетъ собою «мельничное колесо» (по-татарски — «*чишире*»); почему самая тамга эта называется «*чиширь-тамга*». Другая тамга представляетъ двѣ черты, соединенныя подъ угломъ въ фигурѣ, похожей на букву V: этой фигурой кочевыя племена выражаютъ «кнутавище» и «конецъ плети»; а потому и самое клеймо называется «*каши-тамга*» (*каши* — по-русски «ногайка»). Для отличія между-собою родовъ, у которыхъ тамгой тоже служатъ ногайка, одни имѣютъ простую ногайку, а иные на кнутавищѣ обозначаютъ и темлячокъ, то-

есть ремешокъ, которымъ погайка надѣвается на кисть руки. Улусы *Каспулата Еешеева*, равно-какъ *Османа* и *Аджугуля Каспулатовыхъ*, составляли одинъ общій родъ, а потому и тамга у нихъ была общая, съ виду походившая на букву Н, съ тою лишь разницею, что двѣ продольныя черты были одинаковой длины съ поперечною: тамга эта выражаетъ два кола или двѣ жерди, приколоченыя къ третьей, то-есть «рѣшотку» (по-татарски — «эргенекъ»), которою зашираютъ заговы для скота; а потому она называется «эргенекъ-тамга». Улусъ *Бій-Мурзы Урусова* состоялъ изъ двухъ отраслей одного и тогоже рода, а потому и тамга у нихъ была одна и таже: палочка съ кружкомъ на верху (Ф), что выражаетъ «ковшъ» (по-татарски — «шемышъ»); но для отличія одной отрасли отъ другой, ковши эти были разные: у однихъ — просто палочка съ кружочкомъ на верху, что выражаетъ «простой ковшъ», а у другихъ — кружокъ на палочкѣ съ загнутымъ концомъ, что означаетъ «ковшъ съ загнутой ручкой». Затѣмъ, у иныхъ, тамгой служило изображеніе «копыта» (по-татарски — «туякъ»), въ родѣ буквы О безъ верхушки, которая у однихъ ставилась концами вверхъ, а у другихъ концами внизъ. Другіе роды имѣли тамгой полумѣсяцъ (по-татарски — «ай»), котораго фигура сходствуетъ съ буквою С, опрокинутою вверхъ концами. Три продольныя черты, покрытыя четвертою поперечною, на манеръ буквы П, составляютъ собою фигуру,

напоминающую простой гребень, которым степные жители расчесывают стриженную овечью шерсть: «гребень» называется по-татарски «*таракъ*», а потому и тамга эта называется «*таракъ-тамга*». Сверхъ-того, какъ эта тамга присвоена была только «Бѣлой-Кости», то-есть благороднымъ Ногаймъ, то ее называли и «*хан-тамга*» (ханская тамга).

Очень естественно можетъ родиться вопросъ: съ чего взяты эти тамги и что именно улусники хотѣли ими выразить? —

Если позволить себѣ произвольное толкованіе, то можно навести себя на такую мысль: не хотѣли-ли кочевники выразить ими, что, на-примѣръ, «чигирь» принадлежалъ роду, который преимущественно предъ другими принужденъ былъ завѣяться хлѣбопашествомъ, употребляя для ирригаціи полей понынѣ существующія чигирѣ, или водоподъемныя мельницы; «рѣшотка» была гербомъ улусниковъ, разводившихъ преимущественно мягкой рогатый скотъ, и потому занимавшихъ хорошія луговыя мѣста; «плетъ» и «копыто» принадлежали можетъ-быть тѣмъ улусамъ, которыхъ богатство заключалось въ конныхъ, а не конскихъ табунахъ; «ковшъ», или черпакъ для кумыза и молока, выражалъ вѣроятно, что улусъ богатъ больше всего рогатымъ скотомъ; «полумѣсяцъ» могъ принадлежать тому улусу, на кочевьяхъ котораго выстроена была мечеть, или родоначальникъ котораго принад-

лежалъ къ сословіямъ Кайи, Хаджи или тому подобнымъ; «гребень» указывалъ можетъ-быть на то, что богатое прислужникамъ семейство представителя Бѣлой-Кости, Мурзы, богато издѣліямъ и занимается торгомъ и мѣною кошмъ, армячинъ, ковровъ, аркановъ и различнойности на товары, провозимые заѣзжими купцами. Иначе объяснить значеніе тамогъ трудно; а быть не можетъ, чтобы тотъ или другой родъ принялъ добровольно себѣ въ гербъ такую или другую тамгу совершенно безсознательно, случайно и безъ всякаго разумнаго повода.

Въ то время, когда у Юртовцевъ существовало еще во всей силѣ раздѣленіе народа на Улусы, существовало и раздѣленіе его на людей «улусныхъ» и людей «эмешныхъ» (отъ слова «эмекъ» или «джемекъ»). Улусными людьми назывались Татары, составлявшіе собою Табуны; а эмешными тѣ, которые находились при Табунныхъ-Головахъ въ качествѣ личной ихъ прислуги, для нуждъ самого Аги и управляемаго имъ Табуна. Стало-быть, эмешные люди были именно то, что у Киргизовъ Дальней Степи Зауральской называется «тюленю», а у Калмыковъ — «кѣтѣчинеръ».

Земли Юртовскихъ-Татаръ расположены разными участками по самой рѣкѣ Волгѣ и по ея протокамъ. Всей земли, по официальнымъ свѣдѣніямъ, числится у нихъ съ небольшимъ 80,000 дес., изъ которыхъ одна треть (27,400 дес.) признана способною и удобною для разработки или для сѣнокосовъ, а двѣ трети

(52,600 дес.) считаются совершенно неудобными. Хотя участки многихъ татарскихъ дачъ и примыкаютъ къ Волгѣ, однакожь Юртовцы никакихъ рыболовныхъ водъ въ собственномъ пользованіи не имѣютъ, а если принимаютъ участіе въ рыболовныхъ занятіяхъ, въ рѣкѣ или въ морѣ, то не иначе, какъ на правахъ чернорабочихъ.

Коснувшись занятій и промышленности Юртовскихъ-Татаръ, мы должны вообще замѣтить, что жители селеній Бобровскаго и Есаульскаго, точно также, какъ и кочующіе по Линейному-Тракту Юртовцы, занимаются исключительно однимъ скотоводствомъ. Обитатели ближайшихъ къ Астрахани девяти селеній, предпочтительно предъ другими промыслами, занимаются произращеніемъ огородныхъ овощей и зелени, сбываемыхъ на городскихъ рынкахъ: эти занятія представляютъ, въ Низовой-Сторонѣ, исключительный примѣръ употребленія въ дѣло навоза. Татары изъ Солянки, Биш-Тюбя и Келечи, занимаются бахчевничествомъ, то-есть сѣяніемъ арбузовъ, дынь и тыквъ; также разводятъ виноградъ и продаютъ его ягодами, но вина изъ него не готовятъ; сверхъ-того, часть Келечинскихъ крестьянъ живетъ отъ скотоводства. Бѣльшая же часть мѣстныхъ обитателей ходитъ въ заработки на-сторону, рѣдко въ рыболовныя ватаги и на промысла, а чаще въ «музұры» (бурлаки) на мореходныя суда.

Изъ того, что Юртовскіе-Татары въ маломъ числѣ отправляются на работы въ ры-

боловныхъ заведеніяхъ, а по-большой-части предаются занятіямъ въ мѣстахъ постояннаго жительства, надо вывести то заключеніе, что они живутъ въ довольствѣ и мало испытываютъ нужды.

Зажиточные люди, изъ общества Юртовскихъ-Татаръ, промышляютъ судоходствомъ. Они содержатъ у себя: дощаники—для перевозки соли съ мѣстныхъ соляныхъ пристаней въ Бертѳольскіе магазины, и мореходныя расшивы—для транспортировки разныхъ товаровъ на Каспійскія пристани и гавани. Люди съ меньшимъ достаткомъ служатъ на этихъ судахъ въ качествѣ работниковъ и составляютъ экинажъ.

Корабельщики, изъ Юртовскихъ-Татаръ, отправляютъ свои суда на Западный-Берегъ Каспійскаго-Моря, въ Серебряковскую-Пристань, въ Кизляръ (то-есть въ Шандруковскую-Пристань) и въ Тарки или Тарху (то-есть въ Укрѣпленіе Петровское). Чѣмъ крѣпи въ суднѣ прочнѣе, тѣмъ въ дальнѣйшій путь оно отправляется; совершенно-прочное судно беретъ грузъ даже въ Астрабатъ. Но если крѣпи не совсѣмъ прочны и надежны, то рейсы ограничиваются ближайшими пунктами, съ одной стороны — Серебряковскою - Пристанью, а съ другой — Гурьевымъ - Городкомъ.

За провозъ казеннаго провіанта, который еще со временъ Царя Алексѣя Михайловича составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ Астраханскаго судоходства, а въ наше время, въ огромномъ количествѣ перево-

зится подрядчиками, чрезъ посредство судохозяевъ-Татаръ, на западный берегъ Каспія, на лѣвый флангъ Кавказской-Линіи, цѣны нынѣ очень упали, тогда-какъ цѣны на жизненные потребности вздорожали. Прежде, съ мѣшка (то-есть—съ куля) хлѣба, платили по рублю мѣди — за доставку изъ Астрахани въ Серебряковку, и два съ полтиной — за доставку въ Тарки; нынче въ Серебряковку берутъ копѣекъ 40, 45, и уже никакъ не дороже полтины асс., а въ Тарки не болѣе рубля съ четвертью тоже на асс. Тутъ уже и крючвики должны быть судовщиконы; то-есть: судовщикъ самъ долженъ выставить подрядчику собственную прислугу для переноски кулей съ провіантомъ съ судна на берегъ. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ про тѣ дѣйствительныя цѣны, которыя платятся судовщикамъ подрядчиками.

Въ Гурьевъ-Городокъ суда нанимаются Уральцами, тоже для перевозки на Уралъ хлѣба, котораго тамъ, по бесплодію почвы, не растеть. Здѣсь условія дѣлаются не съ пуда груза, или не съ куля муки, а — общей уплатой за цѣлое судно, смотря по его вмѣстимости. Въ настоящее время, перевозка эта, круглымъ числомъ, обходится копѣекъ 75 съ куля, тогда-какъ лѣтъ за десять надо было платить полтора рубля асс.

На маломъ дощаникѣ-расшивѣ, поднимающемъ отъ 300 до 500 четв., работниковъ на суднѣ бываетъ человекъ два или три; на расшивѣ средняго размѣра, поднимающей около 700

или 800 четв., экипажъ состоитъ изъ трехъ-четырехъ человекъ музуровъ; а на расшивѣ, поднимающей отъ 1,000 до 2,000 четв., бываетъ шесть, восемь и до четырнадцати человекъ народа. Юртовскіе-Татары, нанимаясь на мореходныя суда, берутъ плату сообразную съ продолжительностью рейса, съ бѣльшею или меньшею утомительностью трудовъ, съ бѣльшею или меньшею крайностью въ наличныхъ деньгахъ для содержанія своихъ семействъ: минимумъ этой платы—10 р., максимум—30 р. сер. Лоцманá бываютъ или годовые, или нанимаются на одну извѣстную путину. Годовые лоцманы изъ Юртовцевъ берутъ въ годъ—отъ 70 до 100 р. сер.; а на путину: въ Серебряковку—18 р., въ Гурьевъ-Городокъ—20 р. сер. Носовой, то-есть помощникъ лоцмана, получаетъ въ годъ отъ 50 до 80 р. сер.; за путину прикидываютъ ему отъ 3 до 5 р. сер. выше обыкновенной платы музурамъ.

Немногіе изъ Юртовскихъ-Татаръ занимаются мелкимъ торгомъ въ кочевьяхъ у Кундровскихъ-Татаръ, также у мѣстныхъ Туркменовъ и Калмыковъ, въ качествѣ хозяевъ и ихъ прикащиковъ. Отъ частаго сближенія съ Калмыками, многіе Юртовцы бѣгло говорятъ по-калмыцки.

Въ прежнія времена, даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, Юртовскіе-Татары занимались изготовленіемъ савровыхъ кожъ, или того, что вообще называется «шагреномъ». Нынѣ производство это прекратилось:

перенявшіе его отъ насъ Бухарцы и Персіане, которымъ мы сбывали прежде свои савры, теперь сама къ намъ ихъ привозятъ.

Юртовскіе - Татары живутъ въ рубленыхъ избахъ, съ крышами на четыре ската, съ маленькими въ нихъ окошечками. Татарскій дворъ представляетъ правильную четырех-угольную площадь. Вправо отъ въѣзда въ ворота, помѣщается стоящая особнякомъ жилая изба, съ двухъ сторонъ обнесенная небольшою оградою, или загономъ для мелкаго скота. По лѣвой сторонѣ большаго забора тянутся: особая изба для младшихъ членовъ семейства и домовоі прислуги; за этой избой — особая мазанка для кухни, которая отдѣляется отъ жилого строенія въ предупрежденіе отъ пожарныхъ случаевъ; за кухней, въ самомъ углу двора — кладовыя и амбары. Въ противоположномъ углу, по правой сторонѣ забора, идетъ рядъ службъ, хлѣва, конюшни, сарай для арбъ и прочая принадлежность хозяйства.

Внутрь избы Юртовскаго Татарина, надо пройти черезъ приступокъ, приставленный къ тесовому крылечку въ видѣ маленькой лѣсенки. Это крыльцо пристроивается къ избѣ, покрывается навѣсомъ, и отдѣляется отъ двора точеными балясинами. Одна половина крыльца приходится противъ двери, ведущей въ сѣни, а другая примыкаетъ къ окну, прорубленному изъ семейной спальни. Въ этой послѣдней части крыльца, ставятся «вары» для

отдыха, когда, въ знойные дни, въ комнатахъ, за духотой и утомительной жарой низенькихъ покосвъ, нельзя высидѣть. Эта вторая половина крыльца замѣняетъ Татарамъ наши балконы, и защищается отъ солнечныхъ лучей камышевыми ковриками, гардинами, или сторами (*Шии*) и ситцевыми занавѣсками (*ѳре*). Иногда тутъ же, а иногда съ внѣшней стороны у крылечка, стоитъ большой мѣдный ярко-вычищенный тазъ и чугунный высокій кувшинъ (*куманъ*), для умовенія при намазахъ. Съ крыльца, двери ведутъ въ сѣни, по стѣнамъ которыхъ развѣшаны: сѣдла, ногайки, узды, ружья, сѣти, хомуты и разныя домашнія принадлежности. Изъ сѣней на лѣво, двери въ комнату.

Въ стѣнахъ, прямо противъ дверей и въ лицевой къ сторонѣ крылечка, пробивается иногда по два небольшія окна съ чистыми стеклами, съ опрятными занавѣсками и съ нѣсколькими горшками цвѣтовъ на подоконникахъ. Комната, съ этихъ двухъ сторонъ, обставляется широкими нарами, покрытыми персидскими и туркменскими коврами. У глухой стѣны выводится большая выбѣленная печь, съ замазаннымъ въ нее котломъ. Въ одномъ изъ переднихъ угловъ помѣщаются часы, въ другомъ — шкафикъ съ посудою. Такъ-какъ фарфоръ и фаянсъ составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ татарскаго щегольства, то полки съ посудою тянутся иногда, въ нѣсколько рядовъ, во всю длину главной стѣны.

Посуду эту составляютъ: чайники, чашки чайныя и полу-полоскательныя, изъ которыхъ обыкновенно Татары чай пьютъ, стаканы и блюда всевозможныхъ видовъ; тарелки и миски не необходимы. Затѣмъ, въ приличныхъ мѣстахъ комнаты развѣшиваются маленькія зеркальца, сундуки съ пожитками, а на столѣ почти всегда раскрытъ коранъ.

Изъ сѣней направо, входъ въ спальню, всю сплошь заставленную нарами, позади которой чуланъ, гдѣ хранится всякая мелочь, въ домашествѣ постоянно необходимая. Впрочемъ, у людей недостаточныхъ, отдѣльной спальни не бываетъ: или все отдѣленіе занимаетъ подъ кладовую, или его вовсе нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, расположеніе избы ограничивается сѣнями, комнатою и чуланчикомъ позади.

Нарядъ Юртовскихъ-Татаръ общій почти всѣмъ Мухаммеданамъ. Онъ состоитъ изъ шальваръ, рубахи, длиною ниже колѣнъ, съ отложными воротничками, и бешмета. Отличительная ихъ разница заключается въ бешметахъ и въ шапкѣ. У Юртовцевъ, бешметъ не сплошной и застегивается не отъ воротника вплоть до пояса, а, сообразно климату, грудь почти вся остается открытою и бешметъ стягивается только у талии, притомъ не крючками или завязками, а маленькими круглыми черными пуговками, вдѣваемыми въ висячія шелковыя петли. Шапки-же у нихъ туркменскія, то-есть овчинныя высокія, къ верху нѣсколько расширяющіяся.

Полный женскій костюмъ составляютъ: шальвары (*штанъ*); онучи и портянки (*шуль-йау*); желтые сафьянные полусапожки (*ату*, *итыкъ*), иногда съ малиновыми бархатными голенищами и съ позументными оторочками; платье (*куйлюкъ* и *кульмякъ*), любимыхъ цвѣтовъ, то-есть желтаго разныхъ оттѣнковъ или краснаго, съ прорѣхой на переди (*изю*), обшиваемой разноцвѣтными полосками: рукава около кисти очень широки; талля стягивается только у дѣвушекъ. Поверхъ платья надѣвается кафтанчикъ (*архалыкъ*), который, смотря по достатку, бываетъ или ситцевый, или бархатный, или парчевой, съ серебряными на груди застежками: *бешметъ* тоже почти, что и архалыкъ, только настегивается на ватъ и бываетъ съ длинными по самую кисть руки рукавами, тогда-какъ у архалыка рукава короткіе; *сайя* есть длинный, ниже колѣнъ, архалыкъ. Въ холодное время года, носятъ шубы съ цвѣтными покрывками изъ разныхъ матерій. Голова у дѣвушекъ повязывается двумя платочками: концы одного изъ нихъ распускаются назадъ, а концы другаго, повязаннаго сверхъ перваго, расправляются изъ-подъ бантика, приходящагося спереди, выше лба; коса выпускается назадъ поверхъ платья, обвѣшенная разными побрякушками; виски распускаются спереди тонкими пасьмами. Женщины, напротивъ, прячутъ волосы отъ постороннихъ взоровъ подъ особую легкую повязку, называемую «*тумаръ*» или «*хасине*». Сверхъ ха-

спинѣ, голова у нихъ накрывается небольшимъ шелковымъ покрываломъ, называемымъ «*бастарткышъ*», которое, не закрывая переда у хасине, спускается назадъ на спину. На бастарткышъ надѣвается «*тастаръ*» — большое бѣлое кисейное покрывало, которымъ обвертываютъ и голову, и шею, и грудь, и которое, закрывая женщину отъ подбородка до талии, растягивается назадъ почти до самаго подола. Затѣмъ слѣдуютъ шапка — «*буркъ*». Шапка эта бываетъ или простая, или парадная; всѣдневная шапка, низенькая, сдѣланная выпукло въ родѣ полушарія, съ виду походитъ на черкесскую папаху, но мѣхъ ея соболій, или другой какой-нибудь, а верхушка бархатная; праздничная шапка, нынче очень у немногихъ уцѣлѣвшая, бываетъ высокая, четверти въ полторы; она дѣлается изъ кожи съ выпуклымъ круглымъ верхомъ, обкладывается фольгой и чрезвычайно роскошно и съ большимъ вкусомъ вышивается подъ узоръ золотыми и серебряными блестками, жемчугомъ, бирюзой, мелкими серебряными монетами въ зигзагъ, а въ пустыя пространства вѣльваются драгоценные камни, или золотые полумперіалы. Условія мѣстныхъ приличій требуютъ, чтобы женщины являлись въ собраніе не иначе, какъ съ носовымъ платкомъ въ рукахъ: для храненія ихъ, онѣ надѣваютъ черезъ плечо бархатныя сумочки, застегиваемыя блестящими металлическими пуговками. Прочія украшенія, употребляемыя женщинами,

состоятъ изъ занястій и браслетовъ (*блязыкъ*), перстней и колець (*чузюкъ*), серегъ (*сыриа*), вдѣваемыхъ въ оба уха, и, наконецъ такъ-называемой «*алка*», то-есть перстенька, или круглой сережки, или довольно большаго кольца, украшеннаго цвѣтнымъ камнемъ, которое молодыя женщины привѣшиваютъ себѣ къ правой ноздрѣ, что безъ сомнѣнія очень плохо красить ихъ физиономію. Ноздря для этого не прокалывается, но такъ-какъ алка не сплошное кольцо, то имъ прихватываютъ ноздю, которая, отъ большей или меньшей тяжести, больше или меньше оттягивается. Румяна, бѣлила и сурьма, у Татарокъ, какъ вездѣ, предметъ тоже необходимый. Въ Низовой-Сторонѣ нѣтъ богатыхъ, то-есть съ большими капиталами татарскихъ семействъ; а потому врядъ-ли здѣсь удастся встрѣтить Татарку во французскихъ лайковыхъ перчаткахъ, съ батистовымъ платкомъ, благоухающимъ модными духами, и съ роскошнымъ парасолемъ, какихъ намъ неоднократно случалось видать въ другихъ областяхъ нашего Отечества.

Лица Юртовскихъ-Татаръ чрезвычайно чисты и правильны. Въ особенности женщины попадаются у нихъ очень хорошенькія; но сильное употребленіе разныхъ притираний, жеваніе извѣстной смолки (*сакызъ*), знойный климатъ и домашнія заботы старятъ ихъ очень скоро.

Юртовцы славятся примѣрнымъ трудолюбіемъ, безукоризненною честностью и твердымъ и прямымъ характеромъ. Наружность

ихъ спокойная и величавая, осанка горделивая. Они хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ, и сами ввели у себя, вмѣсто обыкновенныхъ, вездѣ въ татарскихъ деревняхъ существующихъ «медресѣ» при мечетяхъ, обыкновенныя сельскія школы, гдѣ дѣти должны обучаться и русской грамотѣ. Не смотри, однакожь, на эти прекрасныя качества, они, какъ и всѣ дѣти Адама, могутъ похвастаться порядочнымъ запасомъ мнительности и излишней довѣрчивости къ разнымъ сказкамъ.

Вообще любятъ они очень музыку и игры. Напѣвы ихъ чрезвычайно пріятны и гармоничны; пѣсень у нихъ, и богатырскихъ и эротическихъ, множество. Нынѣшнія музыкальныя орудія: у мужчинъ — скрипки и балалайки, у женщинъ — варганы и гармоники. Пляской занимаются только одни молоденькія дѣвушки, и то не при постороннихъ мужчинахъ. Игры мужчинъ состоятъ изъ борьбы на кушакъ и изъ поединковъ, или ратоборства одинъ-на-одинъ, что называется — «*быргебыргъ*».

V.

КУНДРОВСКІЕ - ТАТАРЫ.

Кундровскіе-Татары составляютъ отдѣльное племя кочевыхъ инородцевъ Низовой-Стороны и особое общество государственныхъ крестьянъ, управляемое на общихъ со всѣми крестьянскими обществами основаніяхъ.

Кундровскіе-Татары зиму проводятъ, по примѣру осѣдлыхъ жителей, въ двухъ обширныхъ селеніяхъ Красноярскаго уѣзда, Сейтовкѣ и Хожегаевкѣ, на рѣкѣ Ахтубѣ и на протокѣ или рукавѣ ея, рѣчкѣ Берекѣтъ, выходящей изъ Ахтубы и въ Ахтубу же впадающей.

Лѣтомъ выходятъ они на кочевку и занимаютъ неплодородныя степи лѣваго берега Волги, имѣя сосѣдями съ одной стороны — Калмыковъ, съ другой — Киргизовъ Внутренней-Орды; съ рѣчной стороны сосѣди у нихъ — Казаки и Русскіе новосельцы, а со стороны Каспійскаго-Моря примыкаютъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ и къ землямъ береговыхъ владѣльцевъ Князя Юсупова и Безбородко.

Площадь дачи, отведенной Кундровскимъ-Татарамъ, содержитъ въ себѣ: 400,000 десятинъ годной и 120,000 негодной земли.

Кундровскіе-Татары сами-себя называютъ Карагашъ. Присименованіе это объясняютъ они тѣмъ, что между двумя предводителями одной отрасли Ногаевъ, Мирзами Касаями, зятемъ и тестемъ, произошли разныя несогласія и молодой Касай откочевалъ отъ своего племени, съ подвѣдомственными ему поколѣніями, съ рѣки Кубани в изъ окрестностей Бишъ-Тау (Пяти-Горья) въ сосѣдніе къ Россіи лѣса, изобилующіе извѣстнаго рода породою деревъ *кара-агацъ* (черный-лѣсъ): имя это они и усвоили себѣ отъ долговременнаго здѣсь пребыванія.

Вѣроятность такого отдѣленія можетъ имѣть подтвержденіе въ томъ, что подъ Бишъ-Тау, у тамошнихъ Беймурзинскихъ Ногайцевъ, понынѣ есть семьи родственныя Кундровцамъ.

Такимъ образомъ, изъ этого разказа открывается то различіе между Татарамъ-Юр-

товскими и Кундровскими, что первые постоянно жили на лѣвой сторонѣ Волги и принадлежали къ такъ-называемому въ старинныхъ грамотахъ Заволжскому или Большому - Ногаю, а послѣдніе кочевали на Крымской-Сторонѣ и были отраслью такъ-называвшагося Малаго-Ногаю.

Во второй четверти прошлаго столѣтія, въ низовыхъ нашихъ степяхъ было большое броженіе кочевыхъ племенъ и, независимо отъ обыкновенныхъ перекочевокъ, готовилось настоящее переселеніе народовъ: въ-слѣдствіе особыхъ причинъ, разъясненіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, одни племена изъ-за Кумы и изъ-за Кубани стремились на Волгу, другія изъ-за Волги и даже изъ-за Урала — на Куму и на Кубань.

Въ это время предводители кочевыхъ племенъ удерживали еще за собой право воевать противъ Государевыхъ недруговъ, а подъ этимъ предлогомъ — съ оружіемъ въ рукахъ враждовать съ тѣми изъ богатыхъ сосѣдей, отъ которыхъ надѣялись они хорошей поживы. На этомъ основаніи, по свѣдому могущественный Калмыцкій Тайша Дундукъ-Омбо, сдѣлавъ набѣгъ на Кундровскихъ-Татаръ, обложилъ ихъ данью, то-есть ограбилъ ихъ и подчинилъ своему владычеству, присоединивъ къ своимъ улусамъ.

Вмѣстѣ съ Калмыками Дундука-Омбо, Кундровцы кочевали по рѣкѣ Кумѣ. Дунду-

ку-Омбо преемствовалъ Дундукъ-Даша, за которымъ послѣдовалъ Убуши.

На рѣкѣ Кумѣ и въ Мочагахъ, Кундровцы проводили только зиму; лѣтняя же ихъ кочевка была тамъ же, гдѣ кочевали и Калмыки, именно по Ахтубѣ и въ Нарынъ-Пескахъ, нынѣ занятыхъ кочевьями Киргизовъ Внутренней-Орды.

Убуши, какъ извѣстно, при Императрицѣ Екатеринѣ II, съ подвѣдомственными ему улусами, съ Волги откочевалъ черезъ Киргизскую-Степь, къ Китаю; но Кундровцы за нимъ не послѣдовали, вѣроятно потому, что были еще на Кумѣ въ то время, когда приняты уже были дѣятельныя мѣры предосторожности противъ послѣдствій неблагопріятнаго примѣра.

Когда непосредственное вліяніе Русскаго Начальства упрочилось надъ Кундровскими-Татарами, тогда обложены они были повинностію почтовой гоньбы на пространствѣ четырехъ перегоновъ между Астраханью и Кизлярюмъ, отъ чего и назывались они въ актахъ «подводными-Татарами».

Около 1785 года, Кундровцевъ поставила въ зависимость отъ уѣзднаго начальства города Краснаго-Яра, обязали платить земскую повинность, отвели имъ землю за Волгой для кочевокъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ и, въ видахъ устройства зимовокъ и приюта на зиму для людей и для скота, надоумили положить начало двумъ нынѣшнимъ селеніямъ, Сейтовкѣ и Хожедаевкѣ.

Съ 1815 года Кундровцы каждые два года, а иногда и черезъ два года въ третій, выставляютъ рекрутовъ, въ послѣднее время по пяти или и по семи человекъ съ тысячи. Въ-место поставки рекрутъ натурою, Кундровцы собираютъ съ міра по тысячѣ рублей ассигнаціями; въ-слѣдствіе сего, сумма рекрутскаго сбора нерѣдко, въ годы рекрутчины, доходитъ до 35,000 р. асс.

Чтобы уяснить племенное различіе Кундровскихъ-Татаръ отъ другихъ отраслей Ногайцевъ, нельзя избѣжать того, чтобъ не обратиться къ устнымъ преданіямъ самихъ Карагашей.

Они рассказываютъ, что родоначальникомъ своимъ они считаютъ одного изъ Мурзъ Малаго-Ногая, по имени Измаила, у котораго былъ сынъ Едигей, а сыновья этого Едигея, Касай и Каспулатъ, сдѣлались родоначальниками нѣсколькихъ нынѣшнихъ родовъ или поколѣній Кундровцевъ.

А. Отъ Каспулата произошли слѣдующіе три рода:

І. Асъ. — Аскіе-Кундровцы живутъ въ селеніи Хожеѣевкѣ или Кочетаевкѣ, или какъ сами Татары выговариваютъ — Ходжетай. Круглымъ счетомъ полагается ихъ до 600 душъ мужескаго пола. Тамга этого рода — прямая черта направленная отъ лѣвой стороны къ правой: Кундровцы называютъ ее *кусуй*, «палецъ».

Родъ Асъ подраздѣляется на два отдѣленія: 1. Шотукъ, 2. Култасъ.

II. Найманъ. Этотъ родъ живетъ въ селеніи Сейтовкѣ; общее ихъ число полагаютъ до 500 душъ мужескаго пола.

Найманскій родъ раздѣляется на три отрасли, или отдѣленія:

1. Джагалбайлъ; его тамга состоитъ изъ двухъ чертъ (съ одного конца тупыхъ, съ другаго заостренныхъ), положенныхъ одна на другую въ видѣ буквы Т, что довольно близко воходитъ на молотокъ, какъ она и дѣйствительно называется: *шугуш-тамга*, а *шугуш*, или по другому выговору *чокуш*, означаетъ «молотокъ».

2. Багаайлѣ; тамга этого отдѣленія есть черта сверху нѣсколько раздвоенная (Г): она представляетъ собою родъ подпорки или сучковатой жерди, а потому и называется *баганай*, «столбъ».

3. Шобалачй; тамга его — «палецъ», *илипъ*; для различія этой тамги съ тамгой Аскагорода, она кладется не слѣва на право, а отъ правой стороны къ лѣвой.

III. Тюбетпёсъ, иначе называемый Джангынайманъ или Янгинайманъ, то есть «Новые-Найманы». Этотъ родъ живетъ въ Хожедæвкѣ; численность его полагается душъ въ 600 мужескаго пола. Этотъ родъ употребляетъ извѣстную уже намъ ханскую тамгу, *таракъ*, «гребень».

Б. Отъ Касая произошелъ только одинъ родъ Мангытъ, подраздѣлившійся на шесть отраслей:

1. Мангытъ. Кундровцы этого отдѣленія живутъ и въ Сейтовкѣ и въ Хоже-таевкѣ; въ каждомъ изъ нихъ численность Мангытовъ доходитъ до тысячи душъ мужескаго пола. Тамга ихъ — «ковшъ», *шемыш*.

2. Кугюссъ; они живутъ въ Хоже-таевкѣ; ихъ считается около 400 душъ мужескаго пола; тамга ихъ — или «ковшъ», или «полумѣсяцъ», *ай*.

3. Эргенекли; они живутъ тоже въ Хоже-таевкѣ, въ числѣ непревышающемъ 400 душъ мужескаго пола. Одна половина Кундровцевъ изъ отдѣленія Эргенекли имѣетъ тамгой ковшъ, другая — известную намъ «рѣшотку для ограды», *эргенекъ*.

4. Алтайкъ: мѣсто жительства, численность и тамга тѣ же, что и у Эргенекли.

5. Байгундà: Татары этого отдѣленія живутъ въ Сейтовкѣ; населеніе ихъ полагаютъ душъ въ тысячу; тамга ихъ — «ковшъ». Отдѣленіе Байгунда развѣтвляется на пять подотдѣленій: Байгундà, Ютугүль, Джальмамбетъ, Аджимбетъ и Аннай.

6. Темирходжа; они живутъ въ Сейтовкѣ; общее число ихъ около 400 душъ мужескаго пола. У Темирходжи три подотдѣленія:

а) Темирходжа; его тамга — «сабля», *кльшз*, кривая черта, съ одного конца нѣсколько перечеркнутая, для обозначенія клинка и эфеса.

б) Кярэнтъ и в) Тойёрмалы: тамга у нихъ—«ковшъ съ кривой ручкой», называемый *тойёрмалё*.

В. У Кундровскихъ-Татаръ есть еще два рода, или двѣ отрасли, неизвѣстныя по происхожденію: это —

1. Сальджугутъ, въ числѣ около ста душъ мужескаго пола, обитающіе въ Сейтовкѣ; тамга ихъ четырехъ-угольникъ, составленный изъ прямыхъ чертъ (II), что означаетъ «домъ», *юй*, отъ чего и тамга эта называется *юй-тамга*.

и 2. Токъ: оны, всего душъ полтора ста мужескаго пола, живутъ тоже въ Сейтовкѣ; въ тамгѣ у нихъ родъ треугольника, обозначающій тотъ ключекъ бумаги съ писаннымъ текстомъ изъ Корана, который благочестивые мухаммедане носятъ на шеѣ. Тамга эта (Δ) называется *дуа-тамга*.

Впрочемъ, въ послѣднее время отрасли Сальджугутъ и Токъ тамги эти замѣнили «ковшемъ съ кривою ручкой».

При исчисленіи этихъ отраслей, нельзя не обратить вниманія на собственные ихъ названія. Такъ, на-примѣръ, Байгунда, составленное изъ словъ *бай* и *кунды*, слово-въ-слово означаетъ «ставку богача»; Баганалё, Эргене-кль, Тойёрмалы получили свое прозваніе отъ тамги, взятой ими себѣ для родоваго клейма.

То обстоятельство, что сами Татары не сумѣли объяснить происхожденія и родственности съ прочими колѣнами отраслей Токъ и Сальджугутъ, должно наводить на мысль, что

исъ нынѣ отдѣленныя одна отъ другой Татарскія отрасли происхожденіемъ своимъ обязаны прежнему смѣшенію разнородныхъ колѣвъ Ногаевъ и другихъ кочевниковъ. Какъ нынѣ между Татарами разныхъ уголковъ Россіи мы видимъ во многихъ случаяхъ совершенное слитіе во-едино Ногайцевъ, Киргизовъ, Туркменъ и Казанскихъ-Татаръ и даже Калмыковъ, даже наконецъ коренныхъ Русскихъ, такъ и въ прежнее время подобныя слитія не представляли исключительнаго случая.

Изъ актовъ историческихъ мы узнаемъ, что между Астраханскими-Татарами существовало въ старинныя времена до тридцати отдѣльныхъ поколѣній или родовъ. Пробѣгая только одни ихъ названія, нельзя не замѣтить страннаго смѣшенія тѣхъ осколковъ разныхъ племенъ, которыя окружали Астрахань въ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ роды:

Трюкмень — названіе котораго явно указываетъ на Туркменовъ;

Кунратъ — на Киргизовъ Средней-Орды (Кунградъ).

Кыти — на Киргизовъ Малой-Орды (Кіти).

Наймаъ — на Киргизовъ и на Кундровскихъ-Татаръ.

Асъ — на Кундровскихъ-Татаръ.

Капчакъ — на Киргизовъ Средней-Орды рода Кыпчакъ.

Келечинскій — на Юртовскихъ-Татаръ, и т. д.

Точно такъ и теперь, во многихъ мѣстахъ, старинныя Чуды или Чудья обратились въ Русскихъ; Русскіе и Казанскіе-Татары въ Киргизовъ; Киргизы и Калмыки — въ Башкирцевъ; Татары — въ Калмыковъ; отродья Финновъ — въ Татаръ.

Кромѣ тамога, Кундровскіе-Татары имѣютъ у себя еще особыя условныя восклицанія, такъ-называемые «ура́ны» или воинскіе клики, на которые отзываются и собираются все однородцы, согласившіеся въ томъ или другомъ постоянномъ и никогда не измѣняемомъ паролѣ, или окликѣ. Ураны эти у каждаго рода въ племени разные: Кундровцы Аскаго-рода кричатъ: *коксарай!*, а у Мангытовъ воинскій кликъ: *алашь!*

По свѣдѣніямъ девятой народнои переписи, Кундровскихъ-Татаръ считается:

въ Сейтовкѣ	2,803 души мужеск. пола.
	2,424 — женск. —
— Хожетаевкѣ	3,178 — мужеск. —
	2,752 — женск. —

Всего 11,457 душъ, изъ которыхъ 6,281 душа мужескаго, а 4,876 душъ женскаго пола.

Темнымъ воспоминаніемъ о когда-то бывшихъ родовыхъ властяхъ, у Кундровскихъ-Татаръ остались теперь одни только акъ-сакалы (бѣлая-борода) или аульные старцы, «старшины».

Аксакалы бываютъ не только въ каждой деревнѣ, но и въ каждомъ родѣ и въ его отдѣленіяхъ, въ иномъ по одному, въ иномъ и

по два, смотря по бѣльшей или мевьшей численности родовичей, составляющихъ отдѣленіе. Чтобы достигнуть званія аксакала и подчинить своему вліянію родовичей, нужно имѣть порядочный запасъ денегъ, значительные табуны скота, и нѣсколько личныхъ достоинствъ, значительно выдвигающихъ Татарина изъ ряда обыкновенныхъ людей.

Изъ толкованій самими Карагашами выраженія «Кундровскій-Татаринъ» выходитъ, что если его перифразировать и примѣнить къ существующимъ въ нашемъ быту понятіямъ, то мы получимъ другое равносильное ему выраженіе — «Ногаецъ-припущенникъ».

Кундровцы, до начала нынѣшняго столѣтія, жили неразлучно съ Калмыками; цѣлое полустолѣтіе теперь живутъ они рядомъ съ Киргизами Внутренней-Орды; прежде женились они на Калмычкахъ, теперь — на Киргизкахъ, которыя сами произошли отъ частой помѣси Киргизовъ съ Калмычками — же: стало — быть, очень понятно, что общая характеристическая черта поличья у Карагашей — калмыковатость, то-есть выдавшіяся скулы, широкій нѣсколько приплюснутый носъ, узкіе, косые глаза и прочія атрибуты чисто-Калмыцкаго типа. Ноги у нихъ, въ-слѣдствіе особой, замѣстованной отъ Калмыковъ, манеры пеленать дѣтей въ зыбкахъ, кривыя и по самой натурѣ своей неспособныя къ общепринятой кавалерійской выправкѣ.

Но и прежнее сосѣдство съ горскими племенами не могло не наложить на вѣкоторыя семейства Кундровцевъ особенной печати: между ними насчитываютъ до десяти семей, гдѣ каждый Татаринъ напоминаетъ собой чистаго Кабардинца, съ чистымъ, открытымъ, продолговатымъ лицомъ, прямымъ носомъ, черными глазами, статнымъ ростомъ, широкими плечами, выдавшеюся грудью, прекрасной таліей и манерами, съ перваго же раза обличающими ловкость и проворство.

У Юртовскихъ-Татаръ кровнаго родства между семьями, составляющими тотъ или другой улусъ, тотъ или другой родъ, теперь уже не существуетъ; у Кундровскихъ-Татаръ, напротивъ, родство это еще очень близко, если не въ цѣломъ родѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ его отдѣленіяхъ и малыхъ отрасляхъ. Поэтому, у нихъ члены одного отдѣленія или подотдѣленія рода не ходятъ въ мечеть другаго отдѣленія или подотдѣленія того-же рода; равномѣрно женихи не берутъ невѣсть изъ своего отдѣленія, а брачное сочтаніе, для избѣжанія кровнаго родства, совершается только между лицами разныхъ отдѣленій или подотдѣленій одного или и разныхъ родовъ. На-примѣръ, Боганайлѣ не пойдетъ въ мечеть къ Джагалбайлы, точно такъ какъ Шотукъ не пойдетъ въ мечеть къ Джальмамбетамъ; но Тоёрмалы женятся на Ютугуль и дѣвца отрасли Шоболачи пойдетъ за-мужъ за молодого человека отдѣленія Боганайлѣ.

Селенія Кундровцевъ, Сейтовка и Хоже-таевка — двѣ обширныя деревни; въ нихъ круглымъ числомъ полагается до восьми сотъ дворовъ, выстроенныхъ на Русскій ладъ и Русскими плотниками.

Каждый дворъ представляетъ обширное четырехъ-угольное пространство, окруженное камышовымъ заборомъ. Съ одного угла представлена изба, окнами во дворъ, глухою стѣной на улицу. Рамы въ окнахъ одинакія; въ нихъ вставляется по шести и по восьми стеколъ.

Четырехъ-угольная изба раздѣляется продольными стѣнами на два отдѣленія, изъ которыхъ каждое досчатыми перегородками снова раздѣляется на два отдѣльные покойчика. Въ каждомъ отдѣленіи первая со входа комната имѣетъ только шага два-три пустаго пространства; вся остальная пустота занята широкими парами, покрытыми у бѣдныхъ — кошами, а у болѣе достаточныхъ — коврами лучшаго или худшаго качества, смотря по достатку хозяина.

Первая принадлежность второй комнаты — массивная бѣлая печь съ трубой; печь эта въ родѣ плиты, но не похожа ни на русскую, ни на голландскую, хотя и близко подходитъ къ сей послѣдней; съ одного конца у нея съ-боку заслонка для топки; надъ мѣстомъ, гдѣ разводится огонь, вмазываютъ сверху печи котелокъ. Такія печи въ Низовой-Сторонѣ приняты бѣльшею частію осѣдлаго простонаро-

дія; онѣ заведены и у Приволжскихъ Нѣмецкихъ колонистовъ. Печь эта заднею стороною выходитъ и въ сосѣднюю комнату. Часть печи со вмазаннымъ котломъ, въ которомъ хозяева готовятъ и кирпичный чай и разное вариво, всегда приходится во второй комнатѣ. Печи топятся камышомъ или скотскимъ пометомъ: иное топливо дорого и Татарамъ не подѣ силу.

Полы вездѣ тонкіе, изъ досокъ, положенныхъ въ одинъ рядъ, и всегда очень грязны, потому что ихъ почти никогда не моютъ.

По стѣнамъ комнаты развѣшано носильное платье, а на полкахъ разставлена посуда изъ бѣлой глины; въ углахъ помѣщены сундуки съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, а иногда и пустые; они покрываются, тоже смотря по достатку, кошмами или ковриками.

Рядомъ съ избой ставятся ворота; остальные части двора обнесены разными пристройками.

Какъ только снѣгъ со стени сойдетъ, Татары посемейно выходятъ на кочевку. Это случается около половины марта и сопровождается слѣдующими обстоятельствами:

Къ воротамъ двора выкатываютъ арбы и впрягаютъ въ нихъ по парѣ воловъ или по верблюду. На арбы накладываютъ: на переднюю — кибитку и котлы, на вторую — другую кибитку, если она случится у семьянистаго Татарина; на третью, четвертую и пятую, и такъ далѣе, иногда штукъ до десяти — разныхъ

домашній скарбъ, утварь, сундуки и прочія принадлежности домовитаго хозяйства.

По данному отъ главы семьи знаку, поѣздъ двигается въ путь. Впереди гонять весь скотъ — сначала лошадей, потомъ рогатую скотину, за ними — козъ и овецъ. Каждое отдѣленіе замыкають погонщики. За ними слѣдуютъ визгивыя арбы, въ которыя сажаютъ ребятишекъ; бабы и дѣвки садятся тоже всегда въ арбы, бабы-же и погоняють упряжку. Шествіе замыкають мушны верхомъ на лошадяхъ, а у кого нѣтъ лошади, тотъ и пѣшкомъ идетъ; бѣдные люди впрягають въ арбы, вмѣсто воловъ, послѣднюю коровенку.

Надо самому испытать всю прелесть лѣтнихъ перекочевокъ по степи и узнать цѣну благотѣтельнаго вліянія ихъ на здоровье челоуѣка, чтобы вполне понять ту истину, что только крайняя бѣдность и нищета могутъ заставить номада отказаться отъ этого счастья и, изъ одной только нужды, искать хлѣба на чужой сторонѣ. Пока есть у него ветхая, еле-держающаяся кибитка, пока есть головъ десятокъ или полтора мелкаго скота, степной житель не станетъ добровольно лишать себя отрадной кочевки и насильно отвыкать отъ того, съ чѣмъ сроднилъ его и обычаи предковъ, и ограниченность житейскихъ потребностей, и условія климата, и характеръ общественныхъ занятій его племени, и насущная необходимость самому спастись отъ духоты жилыхъ покоевъ, раскаленныхъ зной-

нымъ солнцемъ, и откормить немногочисленные табуны и стада—единственный источникъ его благосостоянія.

Выходъ на кочевку хотя и составляетъ радостное событіе, однакожь у Карагашей онъ не сопровождается особеннымъ празднествомъ. Все ограничивается только тѣмъ, что семья зарѣжетъ лишняго бараана, мушны побольше напьются айрына, ребятишки поплотнѣе набьютъ себѣ желудки, дѣвки и молодыя бабы покрасивѣе приодѣнутся; но ни пѣсень, ни плясокъ тутъ не бываетъ и переселеніе производится тихо и спокойно.

Кундровцы кочуютъ по степи лѣвой стороны Ахтубы. Во время кочевокъ, они, болшею-частію, стоятъ на одномъ мѣстѣ недѣли по двѣ, по три и по четыре, пока далеко кругомъ не истравятъ всей травы; поэтому, пока кибитки стоятъ неподвижно, Кундровцы скотъ свой пасутъ постоянно все далѣе и далѣе: эти-то отдаленныя отъ становища мѣста и именуется общимъ названіемъ «отгонныя поля». Когда на одномъ урочищѣ вся луга будутъ истравлены, кочевники «поднимаются», складываютъ кибитки и переносятся на новое мѣсто. Если, во время пути изъ селенія на кочевку, нужно переплыть черезъ воду, то арба вѣзжается въ рѣку и запряженный въ нее быкъ спокойно совершаетъ переправу вплавь. Домашній скарбъ, по устройству самой арбы, подмокнуть въ водѣ не можетъ.

Внутренность кибитки Кундровскаго или угаго кочеваго Татарина представляется обыкновенно въ слѣдующемъ видѣ. Среди черваго, травянаго и обугленнаго пола — таганъ; подъ нимъ небольшой огонь сожигаетъ пометъ или камышъ; надъ таганомъ дымится грязный и черный чугунный котелъ съ деревянною крышкою.

Прямо противъ дверей кибитки стоитъ кровать на низенькихъ ножкахъ; тюфякъ на ней набитъ овечьей, или коровьей, а иногда и верблюжьей шерстью, у бѣдныхъ же людей вмѣсто тюфяка — простая кошма, или воловьѣя шкура. Покрышка для тюфяка дѣлается изъ выбойки или изъ бязи; простынь Татары не употребляютъ, но подушки закрываютъ наволочками: у людей небольшого достатка онѣ бываютъ китайчатая; у того, кто посправнѣе — ситцевыя, а у богатыхъ людей — шелковыя, изъ цвѣтныхъ узорчатыхъ тканей. Вмѣсто одѣялъ, люди на ночь покрываются халатами и шубами, и всегда довольно тепло, потому что Кундровскіе-Татары, какъ мужчины, такъ и женщины, ложатся спать, какъ сами увѣряютъ, раздѣвшись до чиста, нагіе.

Кибитка по сторонамъ убирается простыми сундуками, выкрашенными обыкновенно красною краскою и обитыми жестью; въ приличныхъ мѣстахъ, по обѣ стороны кровати, разставлены бурдюки изъ кобыльей кожи и высокія узенькія кадки для кумыза. Для сохраненія въ кумызѣ настоящаго его букета,

хозяева изъ всѣхъ силъ бьются приобрѣсти себѣ непременно дубовыя кадочки. По стѣнамъ кибитки, на шестахъ и концахъ жердей кибиточной рѣшотки, развѣшиваются яркія платья и блестящіе уборы, сѣдла, кривыя сабли, у которыхъ ножны украшаются разными камнями, винтовки и другія вещи.

Не всѣ однакожь Кундровцы на зиму удаляются съ кочевьевъ въ селенія: насчитываютъ до сотни семей такихъ, которыя круглый годъ кочуютъ въ кибиткахъ подъ открытымъ небомъ. Зимой впрочемъ они не переходятъ съ урочища на урочище, а держатся болѣе къ взморью, постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ, преимущественно въ таловыхъ «лѣсахъ», откупая нужные для себя лоскутки земли, отъ осени до весны, у помѣщика Безбородко и у государственныхъ крестьянъ.

Кортомную плату Кундровскіе-Татары производятъ со штуки зимующаго на чужихъ дачахъ скота; именно: за овцу и барана платятъ они по 2 к. сер., за верблюда по 5 к. сер.; а за лошадь и за крупный рогатый скотъ по 10 к. сер. съ головы. Владѣльцы дачъ предоставляютъ за это Кундровцамъ право жечь камышу сколько угодно и кормить скотъ чѣмъ тутъ попадется; но разумѣется, бѣдняки, нуждаясь въ лѣсѣ, котораго въ ихъ собственной дачѣ нѣтъ, какъ говорятъ они «ни палки» и плата не дешевую плату за тѣнистое для зи-

мы укрытіе, не упускаютъ случая наверстать свои убытки тайною порубкою тальника; изъ-за чего выходятъ новые не совсѣмъ-то выгодные расчеты. Тому, у кого всего-на-все пять лошадей, головъ десять рогатаго скота, да штукъ двадцать пять овецъ, по приведеннымъ цѣнамъ приходится заплатить полтора цѣлковыхъ или и шесть рублей ассигнаціями въ такомъ случаѣ, когда для скорости счета и для лучшаго округленія его, гривенникъ будутъ считать за сорокъ копѣекъ мѣди, а пятакъ серебра за двадцать копѣекъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ обвинить всемъ самихъ кочевниковъ и поставить имъ въ укоръ ихъ недѣтельность и нежеланіе, или неумѣніе засѣвать поля клеверомъ и другими кормовыми травами или съ любовію предаться хлѣбонашеству. Но, съ другой стороны, нельзя не войти въ положеніе этихъ полудикарей и не разобрать причинъ, побуждающихъ нашихъ степняковъ вести такой, а не иной образъ жизни.

Если обратить вниманіе на одни только степные жары, которые совершенно истомляютъ даже привыкшаго къ нимъ жителя до такой степени, что человѣку становится тяжело произнести слово; то уже въ этомъ одномъ мы найдемъ оправданіе противъ того, что называется отчаянною лѣтнію. Говоря о кочевомъ человѣкѣ, нельзя не обратить вниманія и на то, что все его прошедшее, приучивъ его только къ скотоводству и сроднивъ съ однимъ

этимъ промысломъ, не открыло еще ему тайны давать дѣлу времени. Съ другой стороны, лѣтній зной и нестерпимыя жары, начинающіеся съ мая мѣсяца, уничтожаютъ почти все, что земля въ силахъ была произвести съ весны. Всякое растеніе, всякая былинка на степи сжигается совершенно; всюду видны только раскаленный песокъ и бѣлые, растрескавшіеся отъ жгучаго солнца солончаки. Въ-слѣдствіе этихъ-то климатическихъ условій, въ поземельномъ участкѣ, принадлежащемъ обществу Кундровскихъ-Татаръ, всѣ попытки ихъ къ хлѣбопашеству оказались тщетными. Тѣ оазисы, которые, казалось-бы, и были для того удобны, нужны для скотоводства; его тоже невозможно съ одного раза принести въ жертву дѣлу еще невзвѣданному и притомъ такому, которое, судя по недалкимъ примѣрамъ, далеко не можетъ принести тѣхъ выгодъ, которыя доставляются скотоводствомъ. Огородничества у Кундровскихъ-Татаръ тоже нѣтъ: двоимъ только Карагашамъ удалось завести у себя бахчи съ просомъ, дынями и арбузами, но на эти исключительные случаи и не слѣдуетъ смотрѣть иначе, какъ на исключенія.

Сѣна Кундровцы не могутъ запастись столько, сколько нужно бы его было для содержанія всего скота на зиму въ теплѣ: и дальность кочевьевъ, и тяжкіе жары, и многочисленность табуновъ — все этому причиной. Поэтому хотя и представляются частные случаи,

что нѣкоторые изъ семьянистыхъ Карагашей улучаютъ возможность даже торговать сѣномъ, однакожь, вообще говоря, они запасаютъ его на зиму для себя только въ томъ количествѣ, какое нужно для откормленія части стадъ, сберегаемыхъ въ самыхъ селеніяхъ, потому что остальной скотъ «тебеніуетъ» и пасется на степи. На potravу зеленей, какъ извѣстно, пускаютъ сперва лошадей, а потомъ уже рогатый скотъ и барановъ: это отъ того, что лошадь легче разрываетъ снѣгъ и расчищаетъ корма; крупный рогатый скотъ только срываетъ верхушки растеній; а бараны, проходя уже разбитымъ путемъ и не подвергаясь, какъ слабосильное животное, этому легкому для лошадиныхъ копытъ труду, спокойно выѣдаютъ всѣ былинки дочиста, безъ остатка.

Пища Кундровцевъ, какъ и самый образъ ихъ жизни, одинаковая со всѣми другими кочевыми племенами — мясо и молоко. Изъ коровьяго молока они приготовляютъ масло, имѣющее одинаковое назначеніе съ бараньимъ жиромъ; квашеное коровье молоко разбавляютъ они водой и употребляютъ въ питье подъ именемъ «ай рѣна.» Изъ овечьяго молока выдѣлываютъ они «крутъ», или комки кислотатаго сыра, служащаго имъ и вмѣсто пищи, и, въ иныхъ случаяхъ, на - примѣръ въ дальнемъ пути по безводнымъ мѣстамъ, для утоленія жажды; изъ кобыльяго молока приготовляютъ «кумызь», который бываетъ болѣе или менѣе

вкусенъ и ароматеиъ, смотря по пахучести и сочности травъ, которыми скотъ кормится. Главную-же пищу Кундровцевъ составляетъ сытный кирпичный чай. Бѣдные люди ѣдятъ преимущественно просяныя прѣсныя лепешки; зажиточные — варятъ пловъ; богатые рѣжутъ барановъ и покупаютъ, не изъ своихъ табуновъ, старыхъ, негодныхъ въ работу, но жирныхъ лошадей. Извѣстно, что кочевыя племена чистой воды никогда не пьютъ, хлѣба ѣдятъ мало и не употребляютъ никакого масла, кромѣ коровьяго.

Одежда Кундровцевъ почти такая же, какъ и у всѣхъ Татаръ; но въ иныхъ частяхъ она болѣе упрощена, въ иныхъ заимствована отъ прежнихъ горскихъ сосѣдей.

Мушны носятъ шальвары или нанковые, или китайчатые; сверхъ нихъ длинная бѣлая бумажная рубаха съ отложнымъ воротникомъ; зиму и лѣто носятъ портянки; сапоги изъ конской кожи безъ подошвъ, сверхъ нихъ галоши или толстые башмаки съ закаблучьями изъ шагреновой кожи ярко-бирюзоваго цвѣта.

Верхняя одежда состоитъ изъ бешмета, или коротенькаго полукафтаныя; на него надѣваютъ куртё, тотъ же почти бешметъ, только подлиннѣе перваго; за нимъ слѣдуетъ архалакъ или родъ узкаго и коротенькаго халата съ завязками и длинными отложными воротничками; а сверхъ его обыкновенно хивинскій полупшелковый халатъ, лѣтомъ на легкой

подкладкѣ, зимой на овчинномъ, а больше на лисьемъ мѣху, или по-крайней-мѣрѣ съ лисьей опушкой по краямъ рукавовъ и подола, хоть лисица въ Низовой-Сторонѣ и недорога и ловится улусниками въ замѣчательномъ количествѣ, но въ какомъ именно — совершенно неизвестно. Въмѣсто халата надѣваютъ и суконовый чапанъ.

Каждая принадлежность верхняго платья, по принятымъ обычаямъ, должна имѣть особый отъ другихъ частей цвѣтъ: бешметъ, на-примѣръ, зеленовато-желтый, куртё — синий, архалакъ — зеленый, чапанъ — вишневаго цвѣта, и т. д.

Тюбетей у Кундровцевъ простые Татарскіе, пестрые и полушаріемъ. Лѣтняя шапка, заимствованная отъ горцевъ, имѣетъ очень широкую выпуклую обшивку изъ сѣрыхъ или черныхъ овчинъ, съ небольшимъ суконнымъ эллиптическимъ выпускомъ, который прошивается шелкомъ; нутро подкладывается простой овчинкой. Зимняя шапка, малахай, нѣсколько напоминающій своею формою змѣнія шапки Петербургскихъ Финновъ; перёдъ, то-есть надлобникъ и уша у него поднимаются и подвязываются къ суконной покрывкѣ малахая. Въ вѣтеръ и холодъ, малахай распускается, въ тепло — принимаетъ другую форму.

Карагаши не богаты нижнимъ платьемъ; обыкновенно у каждаго только пара рубахъ, а у бѣднаго — всего одна: онъ ее моетъ или су-

шить, а самъ сидитъ нагишомъ. Шитьемъ всѣхъ нарядовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и всѣхъ домашнихъ принадлежностей, занимаются однѣ женщины; покупаются только матеріалъ, а изъ готоваго платья — одни Хивинскіе халаты.

Женскій нарядъ почти такой же, какъ и у Юртовскихъ-Татарокъ.

Въ старые годы всѣ женщины Кундровскія носили высокія шапки, обложенныя фольгой, и снаружи, сверхъ фольги, обшитыя серебрянными и даже золотыми монетами; около лба тоже навѣшивались мелкія монеты и въ нѣсколько рядовъ жемчугъ. Высокія шапки и нынче существуютъ, но на мѣсто прежнихъ монетъ вставлены оловянные и жестяныя кружки; изрѣдка двугривенчики, а вмѣсто жемчуга нашиваются стеклянныя прѣнизки. Женскія шапки — родъ цилиндра, къ-верху немного суживающагося; сверхъ шапки накидывается широкая и длинная чадра.

Шапки дѣвокъ похожи на мужскія лѣтнія шапки, только поминіатюрнѣе ихъ; верхъ обшивается бархатомъ или шелковою матерією, а околышъ — лисьямъ мѣхомъ. Изъ-подъ этихъ шапокъ дѣвушки выпускаютъ поверхъ бешмета косы, обременяемыя на концахъ серебрянными и мѣдными привѣсками. У женщинъ волосы подбираются подъ шапку.

Торжественные дни, празднуемые Татарами, суть: окончаніе уразы, обрѣзаніе малолѣтнихъ сыновей, свадьбы и похороны.

При сватовствѣ и у Кундровцевъ, какъ и у всѣхъ мухаммеданъ, главное вниманіе обращается на калымъ; бѣдный платитъ за невѣсту около пятидесяти рублей серебромъ, а богатый — вноситъ и тысячу цѣлковыхъ; даютъ и дороже и, вмѣсто наличныхъ денегъ, вмѣсто калыма гонятъ въ домъ невѣсты лошадей цѣлыми табунами, а барановъ — огромными стадами.

Калымъ вносится не весь разомъ, а частями; но, говорятъ, что стоитъ внести первую его часть, чтобъ имѣть всѣ права на невѣсту и посѣщать ее не въ урѣченное время, хотя посѣщенія эти и прикрываются кажушеюся таинственностію отъ родныхъ. Внесенный женихомъ калымъ невѣста приноситъ съ собою въ домъ молодого мужа въ качествѣ приданого; на эти именно деньги, для будущаго хозяйства, пріобрѣтаются покупкою новая кибитка изъ бѣлыхъ кошемъ, пара или штуки три воловъ, изъ которыхъ каждый виригается въ особую арбу съ приданнымъ скарбомъ, платьемъ, посудой и всѣми принадлежностями хозяйства.

Похороны совершаются съ одинаковыми обрядами, какъ и у всѣхъ мухаммеданъ: покойника обвертываютъ бѣлымъ бумажнымъ полотномъ и опускаютъ въ яму, съ боку которой, въ самомъ низу, подрываютъ особое отдѣленіе; нишу эту, по вмѣщеніи туда трупа, закладываютъ жердочками, а самую яму зарываютъ и накидываютъ на нее невысокую кучку земли, въ срединѣ которой ставятъ или

коротенькую жердь или, впрочемъ рѣдко, маленькій деревянный столбикъ. Соединеніе такихъ могилъ и называется мазарки. Могилу подрываютъ въ такомъ только случаѣ, когда грунтъ земли довольно твердъ, такъ что не рухнется на подрытую съ боку ямы ниша: если-же грунтъ песчаный, то этой ниши не дѣлаютъ.

Музыкальныя орудія Кундровскихъ-Татаръ не многочисленны: это — кѣбызь и варганъ: кѣбызь есть родъ скрипки, состоящей изъ выдолбленнаго деревяннаго полушарія, прикрѣпленнаго къ грифу; струны на немъ и смычокъ изъ конскихъ волосъ. Пѣсня тоже поютъ Кундровцы, по примѣру другихъ кочевниковъ, сами ихъ импровизируютъ, воспѣвая въ нихъ степь, коня и молодую Татарку или Калмычку.

Въ пляскѣ принимаютъ участіе и дѣвцы, и молодые парни, но не вмѣстѣ, а порознь. Пляску Кундровцевъ нельзя назвать граціозною и увлекательною: танцовщица, напримѣръ, потупивъ глаза въ землю, стоитъ на одномъ мѣстѣ, потопыиваетъ ножками, поводитъ на стороны головкой и выдѣмываетъ руками движенія, которыхъ тайнаго смысла рѣшительно нѣтъ возможности доискаться; характеръ этихъ тѣлодвиженій есть, кажется, извращенность того, что въ Русской пляскѣ носятъ характеръ приманиванья. Мужская пляска состоитъ въ тяжелыхъ скачкахъ, въ необходимомъ притомъ вскидываніи руками, въ отдуваніи щекъ, въ прикрикиваніи и въ

выбалтываніи языкомъ довольно непріятныхъ звуковъ.

При всей простотѣ нравовъ и невзыскательности касательно житейскихъ удобствъ, жизнь кочевника, даже въ глуши Низовыхъ-Степей обходится не дешево: семья, состоящая изъ мужа и жены, старика-отца или старухи-матери и изъ двоихъ дѣтей сына или дочери, безъ пяти сотъ рублей ассигнаціями цѣлаго года просуществовать невозможно, и то не богато, а безнужно.

Возьмемъ для примѣра такую семью съ двумя душами мужескаго пола и средняго, даже ниже средняго, достатка. Вотъ что на годъ времени нужно имъ израсходовать:

А. Казенный сборъ:

	руб.	коп.	сер.
подушныя подати, по 4 р. 43 к. съ души.	2		86
въ капиталъ продовольствія, по 5 к. сер.			10
общіе земскіе сборы, по 95 к. сер.	1		90
общественный сборъ на управленіе, по 66¼ к. сер.	1		32¼
	<hr/>		
итого	6		18¼

Б. Мірской сборъ:

на наемъ подводъ.

— наемъ лодокъ.

— пожарные случаи.
сотскимъ на жалованье,
десятскимъ на жало-
ванье.

на наемъ лѣсныхъ сторожей.

— постройку домовъ для лѣсной стражи.

Все это, вмѣстѣ съ непредвидимыми расходами, обойдется около 1 рубля серебромъ на душу, а всего . . . . . 2 р.

В. Домашнія издержки, рассчитывая въ обрѣзъ:

	серебромъ.
муки, кулей шесть или семь	20 р.
соли пуда два	— 80
чаю двадцать кирпичей	20 —
на пищу полдюжины барановъ, которые при- несли бы чистаго дохода	12 —
десятокъ кургашковъ на угощеніе	10 —
сапоговъ по двѣ пары на человѣка	7 — 15 —
рубахи, каждому по парѣ на годъ	8 р.
шальваръ, по тому же расчету	6 —
бешметы, на два года каждый	5 —
архалаки тоже	5 —
халаты, одинъ на три года	5 —
чапаны, каждый на пять лѣтъ	10 —
шубы безъ покрывки, каждая на семь лѣтъ	5 —
на необходимыя прихоти	6 —
— непредвидимые расходы по хозяйству	7 —
<hr/>	
итого . 126 р. 95 к.	

А всего, по самому строгому и слишкомъ
сжатому расчету. . . . . 135 — 13½ —

Кундровцы занимаются исключительно скотоводствомъ, разводя въ своихъ стадахъ верблюдовъ, лошадей, рогатый скотъ, крупный и мелкій, козъ и барановъ, которые здѣсь общей степной породы, то-есть съ курдюками.

Два раза въ годъ Кундровцы сами гоняютъ скотъ свой на продажу; одинъ разъ продаютъ его на Калмыцкомъ-Базарѣ: такъ называется одно мѣстечко, родъ селенія близости Астрахани, а въ другой разъ — на ярманкѣ въ Ханской-Ставкѣ, какъ называет-

ся большое селеніе въ центрѣ Нарынъ-Песковъ, во Внутренней Киргизской-Ордѣ. Сверхъ того, ежегодно въ сентябрѣ, въ селенія Кундровцевъ пріѣзжаютъ прасолы изъ Мурома и покупаютъ здѣсь быковъ, которыхъ они нагуливаютъ, нажировываютъ, отпасываютъ, то-есть откармливаютъ здѣсь же въ степи, на земляхъ самихъ Кундровцевъ, а весной, въ началѣ апрѣля, скотъ этотъ гонять и отправляютъ въ Москву.

Продажная цѣна скота на ярманкахъ бываетъ такая:

Кургашекъ, то-есть молоденькій барашекъ—1 р. сер., двухгодовалый баранъ, тохоло — 1½ и 2 р. сер., старый баранъ до 3 р. сер., лошадь отъ 15 до 30 р. сер.; въ 40 р. сер. лошадь уже исключеніе; лучшая корова 15 р. сер.; лучший быкъ 25 р. сер.; коза отъ 85 к. до 1½ р. сер. не выше; верблюды продаются рѣдко и не дороже 25 р. сер.

Такимъ образомъ выходитъ, что, для выручки 135 р. сер., Карагашъ долженъ продать одного верблюда, двухъ лошадей, быка съ двумя коровами, пять козъ и пять барановъ. У кого нѣтъ верблюда, тотъ замѣнитъ его конемъ; кому жаль быка, тотъ пуститъ въ торгъ остальныхъ барановъ, а у кого нѣтъ ни козы, ни барана — тотъ идетъ въ заработки, на рыболовныя ватаги и промыслѣ.

Карагаша, какъ уже замѣчено, живутъ по Ахтубѣ и по Берекету. Эта послѣдняя рѣчка, протекающая на пространствѣ всего

какихъ-нибудь двѣнадцати верстѣ, только одна и составляетъ собственность общества Кундровскихъ-Татаръ. Когда настанетъ половодье, Берекетъ зальетъ берега и образуетъ лужи и озерки, то эти-то лужи, озерки, вмѣстѣ съ русломъ самой рѣки, составляютъ мірскую оброчную статью и отдаются на откупъ постороннимъ лицамъ, которыя за право рыболовья въ нихъ платятъ ежегодно 440 р. сер.; одна половина этихъ денегъ поступаетъ въ общество на мірскіе расходы, а другая причисляется къ мірскому капиталу.

На Ахтубѣ, гдѣ стоитъ селеніе Хожеетаевка, Кундровцы права ловли не имѣютъ и потому отправляются въ чернорабочіе или къ Берекетскому откупщику, или въ казачьи участки, или къ владѣльцамъ морскихъ водъ: Безбородкѣ и Юсупову. Полагаютъ, что на морское рыболовство ходитъ до трехъ-сотъ человѣкъ Кундровскихъ-Татаръ, но на рѣчное — до тысячи человѣкъ.

Господствующая болѣзнь у Кундровскихъ-Татаръ — чахотка; оспа не производитъ опустошеній: Карагаша охотно прививаютъ ее дѣтямъ, прибѣгая за этимъ къ помощи степныхъ Калмыцкихъ врачей изъ сословія ихъ жрецовъ. О сифилитической болѣзни между Кундровцами не слыхать.

Грамотность незначительна: мужчинъ, вмѣстѣ съ муллами, не наберется грамотныхъ больше полутора ста или много-много двухъ-

сотъ, а грамотной женщины нѣтъ ни одной. Учатся только Татарской грамотѣ.

Племена, пребывающія въ первобытныхъ формахъ патріархальнаго управленія, обыкновенно славятся гостепріимствомъ. Кундровскіе-Татары тоже гостепріимны. Добродѣтель эта выражается у нихъ тѣмъ, что вошедшаго въ кибитку гостя, хозяинъ непременно приглашаетъ сѣсть и напоить его или накормить. Если гость бѣденъ—ему дадутъ чашку айрына; если онъ близкій знакомецъ — нальютъ кирпичнаго чая, а если онъ и не коротко знакомъ, но человекъ или богатый, или нужный, на-примѣръ чиновникъ своего вѣдомства—для него непременно зарѣжутъ кургашка.

У Татарина мало свнсходительности къ бѣдному и данный въ займы пятакъ скоро возвращается въ кошель богатаго гривной.

Молодежь Кундровцевъ не тверда въ вѣрѣ Магомета: рѣдко ходятъ они въ мечеть и не хлопчутъ о соблюденіи предписанной Кораномъ чистоты тѣлесной; они даже пятого намаза не исполняютъ. Къ мулламъ своимъ, которыхъ всего шестнадцать, въ каждомъ селеніи по восьми, Кундровцы мало имѣютъ уваженія; полагаютъ, что еслибъ само начальство не назначало къ нимъ мулла, то Кундровцы и позабыли бы объ нихъ.

Въ старые годы существовали у нихъ обычаи, которые все больше и больше предаются у народа забвенію. Прежде, на-примѣръ, за прелюбодѣяніе съ замужнею жен-

щиной, особенно если преступленіе было совершено съ насиліемъ, виноватаго закапывали въ землю и закидывали камнями. Правда, это водилось въ очень-старыя времена; но нынче выводится и то, что было на недавней памяти. Такъ, на-примѣръ, за ложь, за обманъ, за непочтеніе къ старикамъ, за неповиновеніе родительской власти, за мелкое плутовство и за неважные проступки, родовичи, или члены одной и той-же вѣтви рода, а иногда и просто сами аксакалы, наказывали виноватаго, смотря по мѣрѣ его вины, розгами, плетью и ногойками. За воровство скота у правовѣрнаго, или за похищеніе чужой собственности у кого-бы-то ни было изъ дому, вора, по приговору міра, разбиравашаго и судившаго дѣло на основаніи представленныхъ ему уликъ и доказательствъ, сажали на черную корову, лицомъ къ хвосту, навѣшивали ему на шею чугунный таганъ и, въ такомъ видѣ, возили по улицамъ деревни, или около кибитокъ.

Но по мѣрѣ того, какъ народъ сталъ болѣе и болѣе развиваться, прежняя система патріархальнаго судопроизводства начала клониться къ упадку и, наконецъ, признана несоотвѣтственною настоящимъ обстоятельствамъ. Теперь всѣхъ, безъ различія въ племени, виноватыхъ въ проступкахъ и преступленіяхъ вѣрно отдавать подъ форменный судъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ слѣдственнаго и уголовного дѣлопроизводства.

Чтожь касается до гражданскихъ исковъ, то обоюдные споры по имуществу кончаются домашнимъ образомъ, или личными мировыми сдѣлками, или частнымъ разборомъ муллъ по Шаріату, или на основаніи извѣстныхъ положеній Корана. Истець и отвѣтчикъ стараются все повершить домашнею присягой. При лживости присяги, напрасно проигравшій дѣло рассчитываетъ на угрызеніе совѣсти клятвопреступника.

Кундровскіе - Татары не много сохранили преданій касательно тѣхъ мѣстъ, которыя они теперь занимаютъ.

Выше Сейтовки, версть на десять, есть урочище съ тремя курганами. Урочище это называется Акъ-Месджидъ, «Бѣлая-Мечеть». Народъ рассказываетъ, что здѣсь стояла каменная выбѣленная мечеть, въ которой молились всѣ знаменитые завоеватели—Чингисъ, Джанибекъ, Мамай.

Между Сейтовкою и Бѣлою-Мечетью есть по Ахтубѣ бродъ, называемый Ханскій-Бродъ: здѣсь, какъ говорятъ Татары, полчища этихъ завоевателей переходили черезъ рѣку. Мѣсто это и нынѣ считается самымъ выгоднымъ бродомъ для прогона скота съ одного берега рѣки на другой.

Знаменитыя развалины Сарая, близъ города Царева, тамошніе Русскіе крестьяне зовутъ Мамаевой-Землянкой. Кундровцы тоже переняли это прозвище.

ТАТАРЫ БУХАРСКАГО, ГИЛЯНСКАГО И АГРЖАНСКАГО ДВОРОВЪ.

Общество Татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго Дворовъ представляетъ смѣсь разнородныхъ племенъ, любопытную не столько по настоящему своему образу жизни, сколько по своему историческому происхожденію.

Опираясь на преданія, передаваемыя о себѣ Татарами и свѣряя ихъ, сколько это возможно, съ дошедшими до насъ несомнѣнными историческими актами, мы придемъ къ ниже-слѣдующему.

Съ увеличеніемъ населенія присоединенной къ Россіи Астрахани, съ расширеніемъ

сферы дѣятельности этого населенія, и съ распространеніемъ объема нуждъ обитателей Низовой-Стороны, явилась необходимость въ торговлѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова, необходимость въ товарахъ, необходимость въ капиталахъ.

Москва, утвердивъ свое вліяніе на устьяхъ Волги, а въ-слѣдъ за-тѣмъ пріобрѣтя опорные пункты на сѣверо-западномъ и западномъ прибрежьи Каспія, гдѣ еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ предприняты были разныя гидротехническія сооруженія, имѣла настоятельную надобность содержать, и тутъ и тамъ, небольшіе отряды войска и, силою оружія, держать въ покорности окрестные народы.

Излишне было бы входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого предмета: достаточно напомнить о сношеніяхъ съ Крымцами, Ногаями и съ Шафкальскимъ владѣльцемъ, какъ у насъ Русскій народъ еще и понынѣ именуеть бывшихъ Шамхаловъ Тарковскихъ.

Сухопутная перевозка разныхъ товаровъ въ Астрахань и на западное прибрежье Каспія была и затруднительна, и опасна; «польской стороной», «полемъ», то-есть степью, караваны не отправлялись, кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ; слѣдовательно, все необходимое для Низовой-Стороны отсылалось туда изъ Россіи Волгой на судахъ.

Перевозка провіанта, рыбная промышленность на рѣкѣ и въ морѣ, торги съ сосѣдственными племенами должны были развить

внутреннюю торговлю, положить основаніе торговлѣ заграничной и привлечь въ Астрахань иноземныхъ купцовъ странъ Восточныхъ.

Дѣйствительно, уже въ началѣ XVII столѣтія, даже во времена еще Бориса Годунова, мы видимъ въ Астрахани торговыхъ людей разныхъ націй и отправленіе Русскихъ судовъ на Мангышлакъ, къ Тюпъ-Караганской пристани, гдѣ теперь находится Ново-Петровское Укрѣпленіе на полуостровѣ, нынѣ называемомъ и «Мангышлакомъ», тогда какъ прежде это названіе придавалось известной только его части, и «Бузачі», вѣроятно отъ того, что въ прежнія времена здѣсь были постоянныя кочевья Туркменовъ племени Бозаджі; собственное-же названіе всего западнаго побережья, начиная отъ устьевъ Урала, и названіе степи, къ побережью этому прилегающей, и у Киргизовъ и у Туркменовъ есть одно—Атрау.

Иноземные купцы—Бухарскіе, Хивискіе и Персидскіе, сами стали появляться въ Астрахани и останавливались въ караванъ-сараяхъ, но торговлю вели на «базарѣ». Къ намъ въ Астрахань не допускались только «Тезики, Турскіе люди, торговые люди Турскаго Салтана», всѣ же другіе «Тезики, торговые люди, Бухарцы, Юргевцы (изъ Ургенча, Ховарезма или Хивы), также изъ Шемахи, Баки, Дербени и иныхъ Шаховыхъ городовъ» — имѣли право свободнаго туда пріѣзда.

При Царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ мы видимъ въ Астрахани «два Тезичьи двора: Бухарскій

и Гилянскій». Но что дворы эти были или караванъ-сарай, или слободы, а не гостиные-дворы, то на это указываютъ подлинныя слова одного документа, въ которомъ сказано: «Тезиковъ, которые учнутъ прѣзжать въ Астрахань со всякими товары, ставити на Гилянскомъ и на Бухарскомъ-Дворѣ, а торговати имъ велѣти съ Русскими людьми и съ Юртовскими-Татарами на Татарскомъ-Базарѣ, противъ прежняго обычая».

Иноземныхъ купцовъ изъ Бухары и изъ Гиляни явилось въ Астрахани столько, что открылась необходимость сдѣлать имъ поголовную перепись и отдѣлить временно-наѣзжихъ Тезиковъ отъ живущихъ въ Астрахани безъ сѣзду; скопленіе это подало Правительству мысль образовать ориенталистовъ въ Астрахани, изъ природныхъ Русскихъ, «которымъ бы однолично выучиться грамотѣ и языкамъ Татарскому, Арабскому и Фарсовскому», или языку которымъ говорятъ Персіяне и часть Бухарцевъ (потому, что другая часть Бухарцевъ говорятъ нарѣчіемъ Тюркскаго языка).

Въ грамотахъ, относящихся ко временамъ Царя Алексѣя Михайловича, упоминается уже о торгующихъ въ Астрахани Индѣйцахъ.

Гмелинъ рассказываетъ, что въ его время однимъ изъ предмѣстій Астрахани (въ длину около полуверсты, а въ ширину 50—60 сажень) были три слободки, называемыя «Дворами»: одна слободка называлась Бухарскій-Дворъ, другая — Гилянскій-Дворъ, а третья — Агржан-

скій-Дворъ. «Агржанъ» (Agrischan), говоритъ Гмелинъ, есть слово Татарское и выражаетъ собою идею «отродья», «выродка» (ein Bastart). Поселившіеся въ Астрахани. Индѣйцы переженплись на мѣстныхъ Татарскихъ женщинахъ, прижили съ ними дѣтей и потомство это такъ размножилось, что населило собою цѣлую слободку. Такъ какъ эта помѣсь Индѣйцевъ съ Татарками произвела новое отродье Татаръ, Агржанъ, то и слободка, ими заселенная, названа Агржанскимъ-Дворомъ. Нынѣ Дворовъ этихъ, какъ отдѣльныхъ кварталовъ, не существуетъ и они слились вмѣстѣ съ другими въ такъ вообще-называемой Татарской-Слободѣ, сопредѣльной слободѣ Армянской. Въ городѣ Астрахани существуютъ два каменные корпуса, изъ которыхъ одинъ называется Персидскимъ-Дворомъ, а другой Индѣйскимъ-Дворомъ; но между этими Дворами и тѣми, о которыхъ мы начали рѣчь, общаго ничего нѣтъ: они выстроены въ позднѣйшее время для пріѣзжихъ купцовъ.

Бухарцы и наши Татары суть мухаммедане Суннитскаго толка (Сюнии); Гпяльцы, обитатели провинціи Гпяль, были, какъ и теперь всѣ Персіане, Шитскаго толка; Индѣйцы были огнепоклонники. Нынѣ всякая тѣнь прежнихъ религіозныхъ отличій исчезла: и вѣра, и языкъ, и нравы, и обычаи у Татаръ этихъ трехъ Дворовъ рѣшительно тѣже самые, какъ и у всѣхъ вообще по городамъ живущихъ Татаръ Юртовскихъ, Казанскихъ,

или Касимовскихъ. Въ-слѣдствіе этой-то одинаковости и тожественности обычаевъ, одежды и образа жизни этого общества, мы и ограничиваемъ настоящую бесѣду краткими свѣдѣніями.

До 1836 года общество Татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго Дворовъ представляло отдѣльное привилегированное сословіе, пользовавшееся правомъ свободной торговли, безъ всякаго взноса гильдейскихъ пошлинъ и участвовавшее въ однихъ только земскихъ и городскихъ повинностяхъ.

Съ 1836 года Татары этого общества, впредь до совершеннаго уравниенія ихъ съ коренными Русскими во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ, обложены особымъ сборомъ въ 5 руб. асс. съ души и рекрутчиной; мелочной торгъ разными товарами дозволенъ имъ на общихъ со всѣми мѣщанами основаніяхъ, а болѣе обширная торговля разрѣшена не иначе, какъ подъ условіемъ записки въ гильдію.

Численность Татаръ этого общества въ разные періоды была такова:

По Гмелину:

	душъ
Бухарскаго-Двора	374
Гилянскаго —	178
Агржанскаго —	405
	всего 657

По VII ревизіи:

Бухарскаго-Двора	393
Гилянскаго —	437
Агржанскаго —	417
	всего 647

По VIII ревизіи:

Бухарскаго-Двора	454
Гилянскаго —	123
Агржанскаго --	110
	<hr/>
	всего 687

По IX ревизіи:

Бухарскаго-Двора	392
Гилянскаго —	124
Агржанскаго --	107
	<hr/>
	всего 623

Цифра эта, столь рѣзко свидѣтельствующая о плохомъ увеличеніи народонаселенія, объясняется очень просто: не вымираніемъ племени, а переходомъ зажиточныхъ Татаръ въ купеческое сословіе и выбытіемъ ихъ изъ общественныхъ списковъ, единственно по одной этой причинѣ.

Изъ числа приведенныхъ выше 392 душъ, только 313 мужескаго пола живутъ въ Астрахани домами: остальные — Татары, собственно одного только Бухарскаго-Двора, въ числѣ 25 кибитокъ, то-есть 25 семействъ, или 79 душъ мужескаго пола ведутъ жизнь кочевую и кочуютъ нераздѣльно съ указанными уже прежде сего ста кибитками, или 688 душъ мужескаго пола Юртовскихъ-Татаръ, въ сосѣдствѣ станцій Алабужской и Тернекъ.

Образъ жизни этихъ кочевыхъ отдѣловъ совершенно сходенъ съ образомъ жизни всѣхъ кочевыхъ племенъ.

Наряды у нихъ тѣ-же, что и у Юртовцевъ, а что касается до поличья, то отъ разнороднаго смѣшенія мушинъ, и съ Татарками, и съ Калмычками, лица ихъ не имѣютъ никакого опредѣленнаго характера; нельзя однакожь не прибавить, что гораздо больше можно встрѣтить калмыковатости, чѣмъ чистаго Татарскаго обличія.

VII.

АСТРАХАНСКІЕ-КАРАКАЛПАКИ.

Въ Низовой-Сторонѣ, на земляхъ, примыкающихъ къ городу Черному-Яру, существуетъ небольшое общество Мухаммеданъ, именующихъ себя Каракалпаками.

Кара-Калпаки, слово въ слово «Черные-Колпаки» — можетъ быть, потомки того народа, который въ лѣтописяхъ нашихъ называется «Черными - Клобуками» — составляютъ въ настоящее время племя, кочующее по высотамъ Устюрта, а также по юго-восточному и по юго-западному побережьямъ Аральскаго-Моря. Каракалпаки говорятъ тѣмъ же нарѣчіемъ

Тюркскаго языка, которымъ говорятъ наши Киргизы западной части Степи Оренбургскаго Вѣдомства и Хивинцы. Лица у нихъ, какъ и у Хивинцевъ — правильныхъ очертаній; кожа очень смуглая; нарядъ и образъ жизни такой же, какъ и у Киргизовъ, отъ которыхъ, въ этомъ отношеніи, они разнятся одними только шапками. Шапки эти у Каракалпаковъ точно такія же, какъ и у Хивинцевъ — высокія, изъ черныхъ мерлушекъ, цилиндрическія, къверху нѣсколько расширяющіяся, съ чернымъ, а иногда и съ краснымъ суконнымъ выпускомъ.

Племя это имѣло когда-то собственныхъ своихъ хановъ; въ прошломъ столѣтіи, оно признало власть Россіи, которая одна предоставила себѣ право назначать и утверждать избранныхъ ими себѣ предводителей. Но съ теченіемъ времени измѣнялись обстоятельства, и у Каракалпаковъ хановъ нынѣ не существуетъ.

Все, что доселѣ говорили объ этомъ племени, относится только къ Каракалпакамъ дальнихъ степей, а не къ тѣмъ, которыхъ находимъ мы въ Приволжьѣ.

Здѣсь, въ Приволжьѣ, Каракалпаки появились около 1817 года, а существованіе и пребываніе ихъ сдѣлалось гласнымъ всѣмъ съ 1827 года, когда «нѣкто, именующійся Киргизцемъ, по имени Мухаммедъ Бектемировъ, отъ имени четырехъ семей, состоявшихъ изъ шестидесяти одной души, просилъ о записаніи ихъ въ Кундровскіе-Татары».

О происхожденіи этихъ Каракалпаковъ мнѣнія были разные, потому-что объясненія самихъ Каракалпаковъ различивались одно съ другимъ. Одни называли себя выходцами изъ Бухаріи: этому не вѣрили потому, что въ нихъ не было ничего Бухарскаго; другіе именовали себя Киргизами Каракалпакова рода: этому не вѣрили потому, что между различными отраслями или родами Киргизовъ нѣтъ ни одного, который бы усвоивалъ себѣ это названіе.

Есть еще два показанія, по-видимому, весьма много между собою разногласящія, но въ существѣ своемъ чрезвычайно какъ точно между собой сходствующія.

Въ одномъ изъ нихъ нѣкоторые Каракалпаки говорили:

«Мы Каракалпаки; жили мы въ Бухарской-Степѣ, кочевали съ Карсаками, съ Китайскими, и стали сами Карсаками Каракалпацкаго рода; потомъ пришли въ Меньшую - Орду къ Жангеру, въ Нарынъ, платили ему закятъ, а теперь не хотимъ; мы не его ясырь; хотимъ просить землю, у Царя жить».

Это свѣдѣніе, написанное со словъ Каракалпаковъ, какъ видно, кореннымъ Русскимъ и добытое нами изъ старыхъ частныхъ бумагъ частнаго же человѣка, требуетъ необходимаго поясненія словъ: «Бухарская-Степь», «Карсаки», «Китайскіе», «Меньшая-Орда», «Нарынъ», «закятъ», и «ясырь».

Рѣка Уралъ раздѣляетъ орошаемую имъ часть Оренбургскаго - Края на-двое: правый берегъ, прилежащій къ землѣ Уральскаго-Казачьяго-Войска и именующійся «Самарскою-Стороною», и лѣвый берегъ, составляющій окравну такъ-называемой Киргизской-Степи и именующійся у Уральцевъ «Бухарскою-Степью». Названія эти въ Астрахани неизвѣстны, и потому очень понятно, что Бухарская-Степь превратилась въ Бухарию.

Карсаками, въ Низовой-Сторонѣ, называютъ Киргизовъ, Кайсаковъ или, какъ Киргизы сами себя называютъ, «Казакъ». Слово Карсакъ незнакомо въ Оренбургскомъ-Краѣ.

Китайскіе, то-есть Карсаки-Китайскіе, означаетъ Киргизовъ изъ рода Кити, бывшей Малой или Зауральской-Орды; родъ Кити или Кита обыкновенно именуется Китинскимъ, рѣдко Китайскимъ, и то по незнанію.

Меньшая-Орда здѣсь неправильно названа такъ, вмѣсто «Внутренняя-Орда», которою управлялъ послѣдній жалованный ея ханъ Джавгеръ; иногда эта же самая Внутренняя-Орда, кочующая по-сю-сторону Урала ближе къ Ахтубѣ, называется, тоже неправильно, «Среднею-Ордою», потому-что она находится середь степи между Волгой и Ураломъ и повсюду окружена Русскими.

Нарынъ — есть именно то, что на нѣкоторыхъ картахъ новѣйшаго времени называется Рынъ-Пески и что доселѣ въ народѣ и встарину всегда въ официальныхъ документахъ

называлось «Пески Нарынъ или Нарымъ»: здѣсь была главная лѣтняя ставка хана Джангера; потомъ, въ 1826 году, ханъ Джангеръ выстроилъ здѣсь первую избу, а потомъ и нѣсколько домовъ; мѣсто это сдѣлалось постоянною его ставкою, лѣтнею и зимнею. Татары называли ее Ханъ-Калà и Джангеръ-Калà, Русскіе — Ханскою-Ставкой. Примѣру Джангера послѣдовали другіе; здѣсь начали строиться Русскіе торговцы, Армяне, Татары, Уральскіе-Казакі, даже сами Киргизы, и ставка превратилась въ маленькій городокъ: нынѣ это поселеніе называется «селеніе Ставка» или «селеніе Ханская-Ставка».

Закятъ — есть посемейная подать съ имущества, деньгами или скотомъ, которою покойный Джангеръ облагалъ ввѣренный его управленію народъ.

Ясырь имѣетъ значеніе, близкое къ значенію раба, плѣнника, побѣжденнаго или купленнаго человѣка къ его владѣтелю.

Сообразивъ, послѣ такихъ объясненій, подлинный смыслъ приведеннаго выше показанія, мы найдемъ, что оно совершенно равносильно слѣдующему передѣланному на Русскій ладъ разсказу другихъ Каракалпаковъ:

«Предки наши были Каракалпаки. Въ очень давнее время, дѣды наши, всего два семейства, отдѣлились отъ своихъ сородичей и пристали къ Киргизамъ, именно къ Китинскому ихъ роду. Поколѣніе нашихъ предковъ разрослось и отъ постояннаго сожительства съ Киргизами —

окиргвизилось. Но войти въ составъ Китинцевъ, сродниться съ ними кровными узами, мы не успѣли; а такъ какъ мы долгое время съ ними кочевали, то и сами сдѣлались Киргизами Каракалпацкаго отродья, или Каракалпацкаго рода. Когда въ тысяча осьми-сотомъ году Царь далъ милость Киргизамъ и, допустивъ ихъ за Уралъ къ Ахтубѣ, образовалъ новую, Внутреннюю-Орду, по имени даннаго ей тогда въ ханы, Султана Букея, названную Букеевскою, то и мы, отродье Каракалпаковъ, пришли тоже въ Нарынъ-Пески. Но Букей и сынъ его Жангеръ поступали съ нами, какъ съ ясырями и брали большой *закятъ*; отъ этого, а еще больше отъ падежей скота, мы обѣднѣли; притомъ еще и Жангеръ, раздавъ хорошую землю своимъ близкимъ пріятелямъ да султанамъ, намъ отвелъ самыя тощія кочевки. Сосѣди наши были Кундровскіе-Татары, около ихъ были наши зимовки; мы ввдѣли, какъ имъ хорошо жить: Русскіе ихъ не обижали и поступали равно; Татары живутъ безъ нужды и въ довольствѣ. Мы подумали, потолковали промежь себя и рѣшили бросить Жангера и просить себѣ Царской земли для кочевья: будемъ платить подати, нести службу и жить какъ всѣ Русскіе подданные.»

Нѣкоторые не вѣрятъ этому объясненію, полагая, что наши Каракалпаки сплели эту исторію для сокрытія того, что они были бѣглые Татары, и что между Киргизами никогда не могло образоваться рода Каракалпацка-

го. Но въ опроверженіе этого послѣдняго возраженія, такъ какъ противъ перваго, по голословности его, и возражать нечего, мы укажемъ только на то, что султаны, а послѣ ханы Букей и Джангеръ и ихъ предки, по рассказамъ, принимали къ себѣ всѣхъ, кто укрывался къ нимъ по какимъ-бы то ни было причинамъ, и что на это ясно указываютъ:

1. Отрасль Ямгурчи рода Берчь — напоминающая Юртовскихъ-Татаръ;

2. Отрасль Кулакъ-Урусъ
рода Адаи, { напоминающая
3. Отрасль Ульджа-Урусъ { Русскихъ,
рода Байбакты, { Урусъ.

4. Отрасль Истекъ или Иштякъ рода Кити — напоминающая сѣверныхъ Башкирцевъ;

5. Отрасль Казанкулакъ рода Ногай — напоминающая Казанскихъ-Татаръ;

6. Отрасль Абдалъ рода Тазъ — напоминающая Туркменовъ;

Наконецъ цѣлый родъ Ногай — напоминающая собою разныя Ногайскія отрасли Низовой-Стороны.

Когда о намѣреніяхъ Каракалпаковъ заявлено было мѣстнымъ Татарскимъ обществамъ, то Кундровскіе-Татары отказались принять ихъ къ себѣ, по невѣдѣнію ихъ нравственныхъ достоинствъ.

Въ 1830 году, Едисанскіе и Джембулукскіе-Ногайцы, кочующіе въ близости пред-

горій Кавказа, согласились-было принять Каракалпаковъ къ себѣ на кочевки; но Каракалпаки отозвались, что теперь имъ кочевать нельзя, потому - что нѣтъ ни лошадей, ни барановъ; а такъ какъ по симъ уваженіямъ имъ осталось только приняться за земледѣліе, то они и начали ходатайствовать объ обращеніи ихъ въ крестьянское сословіе.

Въ 1847 году, Каракалпаковъ считалось, по точнымъ свѣдѣніямъ—67 душъ мужскаго и 66 душъ женскаго пола; засѣяно у нихъ было полей хлѣбомъ—116 $\frac{1}{2}$ десятинъ, да подъ бакчами—25 $\frac{1}{2}$ десятинъ.

Въ 1851 году, Каракалпаки кочевали и на Калмыцкихъ земляхъ около Чернаго-Яра и на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ, изъ небольшой платы за право кочевать на чужой землѣ; нѣкоторые жили по деревнямъ и занимали поля подъ разные посѣвы.

Поземельной дачи у Каракалпаковъ нѣтъ; податей они не платятъ и повинностей не отбываютъ никакихъ.

По наружному виду ихъ нельзя ничѣмъ отличить отъ Казанскихъ-Татаръ, съ давнихъ временъ поселившихся очень немногими деревнями въ Низовой-Сторонѣ, начиная отъ Сарепты, пониже которой есть село Чапурники, гдѣ цѣлая половина населенія состоитъ изъ Казанскихъ-Татаръ, и до самыхъ Мочаговъ, гдѣ ими заселено селеніе Зинзили.

Такъ какъ Казанскіе-Татары никакихъ особенностей не представляютъ, а новыхъ сторонъ въ образѣ ихъ быта намъ подмѣтить не удалось, то и распространяться о нихъ, также какъ и длить рассказъ о Каракалпакахъ, мы не имѣемъ основанія.

VIII.

ТУРКМЕНЫ.

По всей Низовой-Сторонѣ и сѣверо-западному прибрежью Каспійскаго-Моря и далѣе на западъ оттуда, разбросаны кочевья Туркменовъ. По рассказамъ ихъ самихъ, численность ихъ достигаетъ до двухъ тысячъ кибитокъ или семействъ, изъ которыхъ полторы тысячи кибитокъ составляютъ численность старыхъ переселенцевъ, или такъ-называемыхъ «Туркменовъ Кавказскаго Вѣдомства», а пятьсотъ кибитокъ принадлежатъ новымъ поселенцамъ — «Туркменамъ Астраханскаго Вѣдомства», въ официальныхъ бумагахъ именуемымъ

«Мангышлацкими - Туркменами», по мѣсту прежняго ихъ пребыванія.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ передачѣ краткихъ частныхъ своихъ наблюденій объ этомъ племени, мы постараемся словами самихъ Туркменъ передать собственный ихъ взглядъ на свое происхожденіе и на отношенія кровнаго родства, долженствующія существовать между этими Русскими Туркменами и соплеменными имъ родичами восточнаго и юго-восточнаго прибрежій Каспія. Намъ лично удалось бесѣдовать съ Туркменами: въ 1851 году, въ Астрахани — съ Кавказскими и Мангышлацкими, и въ 1850 году, въ Оренбургѣ — съ подвластными Хивѣ, появившимися здѣсь въ качествѣ вощиковъ Хивинскаго каравана на Оренбургскую-Линію. Если свести все ихъ рассказы вмѣстѣ, то получится слѣдующее повѣствованіе, не совсѣмъ сходствующее съ свѣдѣніями, переданными гг. Блабрамбергомъ и Барономъ Боде, и бывшими у насъ въ виду при распросахъ Туркменовъ.

Туркмены или, какъ ихъ у насъ зовутъ, Трухмяне, Трухменцы, совершенно увѣрены, что они происходятъ отъ одного общаго родоначальника, Турка; жившаго во времена Мухаммеда въ Аравійскихъ степяхъ и переселившагося оттуда на Аму-Дарью. Здѣсь, отъ неизвѣстнаго кочевавшаго тутъ племени, приобрѣлъ онъ себѣ жену, съ которою и прижилъ сына Сююць - Хана, а отъ Сююць - Хана

произошли восемь сыновей, сдѣлавшіеся главами осьми отдѣльныхъ колѣвъ.

По имени Турка, народъ всѣхъ этихъ осьми колѣвъ именуютъ себя Туркменами, а по другому выговору Туркманами, что означаетъ *Туркз - менз*, то-есть, по - Русски: «я Туркъ», «потомокъ Турка»; а по имени сына Турка, Сююнъ-Хана, тѣ же восемь Туркменскихъ колѣвъ, и преимущественно первыя шесть, именуютъ себя Сююнханами, Сениханами, или Сенильханами.

Восемь Туркменскихъ колѣвъ доселѣ носятъ на себѣ имена своихъ родоначальниковъ, сыновей Сююнъ-Хана, которые назывались: I. Салыръ-Сарыкъ, изъ котораго одинъ писатель сдѣлалъ двоихъ родоначальниковъ, Салыра и Сарыка, — II. Ерсары, — III. Коклѣнъ, или Гокланъ, — IV. Эмыръ, — V. Текѣ, — VI. Юмудъ, или Юмудъ, — VII. Кайы, и VIII. Баядъ.

Два послѣднія колѣва суть тѣже, что и прочія, Сююнханы; но какъ Баядъ остался бездѣтенъ и его кровные родные подпали управленію Кайы, то оба эти колѣва и слились воедино, образовавъ изъ себя сложное колѣво Кайы-Баядъ. Сынъ и преемникъ власти Кайы, по имени Хасанъ-Ханъ, увеличивъ свое потомство, и управляемые имъ семьи раздѣлились на новыя отрасли по числу сыновей Хасана-Хана, которыхъ у него было шестеро, а между прочими и слѣдующіе пять: Абдалъ, Игдыръ, Чаудуръ, Бозаджы и Бурунд-

жукъ (а шестой Мангышлу, о которомъ мы распространяться не станемъ, потому-что до нашего предмета онъ не близко касается).

По имени этого Хасанъ-Хана, всѣ Туркмены племени Кайи-Балды и всѣхъ его отраслей исключительно называются Хасянами, или «Хасяевскими-людьми».

Пять поименованныхъ нами сыновей Хасанъ-Хана сдѣлались родоначальниками слѣдующихъ Туркменскихъ отраслей, отчасти пребывающихъ нынѣ въ Россіи и отдѣлвшихся отъ цѣлаго Туркменскаго народа, занимающаго степи между сѣверными границами Персіи, восточнымъ берегомъ Каспія и Хивинскимъ владѣніемъ, а также на пустыняхъ, отдѣляющихъ Хиву отъ Бухары и, наконецъ, въ восточныхъ предѣлахъ Персіи и въ сѣверо-западномъ Афганістанѣ. Всѣхъ же Туркменскихъ колѣнъ считается двѣнадцать: шесть колѣнъ Сеяльхановъ и шесть колѣнъ Хасяновъ.

А. Первый родъ — Абдалъскій, принявшій себѣ въ тамгу *ай*, то-есть «полумѣсяцъ». Родъ этотъ развѣтвился на четыре отдѣленія: 1. Далъ, 2. Курбанъ, 3. Угры или Огры, и 4. Менглиходжа.

Туркмены этихъ четырехъ отдѣленій, по исчисленію, сдѣланному въ 1849 году, состояли изъ 1,065 душъ обоюга пола, 574 мушьянъ и 491 женщины. Восемьдесятъ кибитокъ ихъ живутъ постоянно въ самой Астрахани и около нея; а остальные, по неизвѣстности собствен-

ныхъ дачь, нанимають землю у Кундровскихъ-Татарь и у береговыхъ владѣльцевъ.

Б. Вторая отрасль «Хасянскихъ - людей» носятъ названіе Игдырь; тамга Игдыровъ нѣсколько схожа съ Греческою буквою ξ и выражаетъ собою змѣя, а потому и называется *джиланъ*, «змѣй».

Родъ этотъ развѣтвился на четыре отдѣленія:

1. Махмудъ, въ свою очередь, развѣтвившееся на пять подотдѣленій: а) Махмудъ, б) Тебѣрь или Тебырь, в) Кулдаглы, г) Дѣзмышъ и д) Казайяклы.

Отдѣленія Дѣзмышъ и Кулдаглы усвоили себѣ особенную тамгу, схожую съ буквою П, именуемую *босай*, по-Русски «порогъ»; а отдѣленіе Казайяклы имѣетъ свою собственную тамгу, называющуюся *казайяклы*, что значитъ «гусиная лапа». Тамга эта чертится такъ, какъ ее начертилъ бы каждый неумѣющій рисовать: двѣ черты приставленныя къ третьей длинной чертѣ съ двухъ ея боковъ (Л). Тамга первыхъ двухъ подотдѣленій — *джиланъ*.

2. Кѣкъ. Принадлежащіе къ этой вѣтви Туркмены называются Коклѣръ; тамга ихъ Татарская буква *далъ*, по начертанію нѣсколько схожая съ нижнею половиною буквы З, въ скорописи.

3. Яхшыходжа; тамга его также — *далъ*.

4. Кыргызъ — вновь образовавшееся отдѣленіе, чрезъ присоединеніе къ Игдырамъ добровольно примкнувшихъ къ нимъ Кыргызовъ.

Части отраслей Коклеръ и Яхшыходжа, и вѣтвей Махмудъ и Тебырь, въ числѣ 264 душъ мужскаго и 251 души женскаго пола (по счисленію 1849 года), кочуютъ вмѣстѣ съ Кундровскими-Татарами, за исключеніемъ пяти семей, постоянно живущихъ въ самой Астрахани. Другіе же Игдырскіе родовичи, какъ-то—Махмудъ, Тебырь, Кулдаглы, Дёзмышъ, Казайяклы, Коклёръ, Яхшыходжа и Киргызъ, принадлежатъ къ старымъ переселенцамъ, и въ количествѣ, не приведенномъ еще въ совершенную точность, кочуютъ по рѣкѣ Кумѣ.

В. Третій родъ потомковъ Хасанъ-Хана называется Чаудуръ. Онъ самый многочисленный; кочуетъ непосредственно по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, гдѣ и Игдырь, предшествуя сему послѣднему на разстояніи верстъ двадцати. Лѣтомъ Чаудуры пребываютъ по самому Калаусу, на Курбунъ-Джилгà, Мекё и другимъ и достигаютъ до возвышенностей Эргенё; а зимуютъ на правомъ берегу Кумы, откуда къ веснѣ и идутъ на Калаусъ, черезъ Манычъ. На самой Кумѣ, на лѣто они не остаются, потому — что оводъ и комары водятся здѣсь въ такомъ страшномъ количествѣ, что вытерпѣть ихъ нападенія нѣтъ силъ ни человеку, ни животному.

Нѣкоторая часть Чаудуровъ, состоявшая, по счету, сдѣланному въ 1851 году, изъ 122 кибитокъ, или изъ 581 души мужскаго и 252 душъ женскаго пола, съ давнихъ временъ разбрелась по разнымъ мѣстамъ Низовой-Сторо-

ны: такъ, на-примѣръ, 23 кибитки живутъ въ самой Астрахани и въ Царевской слободѣ Юртовскихъ-Татаръ; 37 кибитокъ расположились на Калмыцкомъ-Базарѣ; 14 кибитокъ близъ селенія Юртовскихъ - Татаръ — Солянки; 34 кибитки расположились близъ Кучерганскаго селенія Казанскихъ - Татаръ вокругъ ауля, то-есть могилы Татарскаго святоши; 7 кибитокъ нашли приютъ у Карагашей; такое-же число разбрелось по разнымъ урочищамъ къ самой Волгѣ.

Всѣ Чаудуры принадлежатъ къ старымъ переселенцамъ и между такъ-называемыми «Мавгышлацкими-Туркменами» нѣтъ ни одного Чаудура.

Отрасль эта развѣтвилась на шесть отдѣленій:

1. Себѣ, усвоившая себѣ тамгой *камши*, «плеть», которая обозначается простою чертою;

2. Шакшакъ; его тамга — *чѣмышъ*, «ковшъ» съ прямой ручкой;

3. Секѣ или Сокѣ; одна половина этого отдѣленія имѣетъ тамгой — «ковшъ», безъ ручки, обозначаемый простымъ кружкомъ (O); у другой половины, тамга — *чагаракъ*, «крестъ», изображающій перекрестную кибиточныхъ жердей (+);

4. Калымъ; его тамга — «плеть»;

5. Алабашъ }
и 6. Егѣтъ } тамга — «крестъ».

Г. Четвертый родъ есть Бозаджй, или какъ Русскіе по-просту ихъ называютъ Безошницы;

ихъ всего 140 душъ обоого пола, каждаго поровну, по численію, произведенному въ 1849 году. Бозаджі принадлежатъ къ новымъ переселенцамъ, то-есть собственно къ «Мангышлацкимъ-Туркменамъ»; почти всѣ они кочуютъ на дачахъ Кундровскихъ-Татаръ и только семей пять живетъ въ самой Астрахани.

У Бозаджи два отдѣленія: 1. Кумечі и 2. Керсенчі; общая тамга ихъ — ай, «полумѣсяць».

Въ настоящее время, между «Туркменами Кавказскаго Вѣдомства» названія этого рода нѣтъ; но оно было прежде, и родичи Бозаджи были въ числѣ старыхъ Туркменскихъ переселенцевъ. Дѣло въ томъ, что они уже въ Россіи, по необъясненной пока причинѣ, сами переименовали себя именемъ, котораго не встрѣчается у коренныхъ, дальнихъ Туркменовъ. Они назвались Сююнджіаджі, оставивъ неизмѣнною прежнюю тамгу — «полумѣсяць».

Кавказскіе-Туркмены рода Сююнджіаджи имѣютъ шесть отдѣленій: 1. Дурдакъ, 2. Абліяминъ, 3. Токузуюль, 4. Суюндукъ, 5. Гаппаръ и 6. Дезмышъ.

Д. Пятый родъ «Хасянскихъ-людей» есть Бурунджукъ, весьма немногочисленный, примкнувшій къ Абдальцамъ, состоящій съ ними въ общемъ счетѣ, съ общей тамгой и вмѣстѣ съ ними кочующій на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ.

Прежніе переселенцы, то-есть «Туркмены Кавказскаго Вѣдомства», о поводахъ прибытія

своего въ Россію, въ одномъ изъ документовъ, относящихся къ 1829 году, рассказываютъ такъ образомъ, разумѣется съ нѣкоторыми прикрасами о своемъ могуществѣ и съ замѣною именъ пресмнищъ Петра-Великаго, именемъ самаго Петра—что надобно отнести къ лицу Русскаго сочинителя этого документа:

«Поколѣніе Туркменъ происходитъ отъ сильнѣйшаго народа, кочевавшаго въ первой половинѣ XVII столѣтія около Бухары и Хивы. Обитаніе ихъ въ семь мѣствъ конечно бы упрочилось на долгія времена, ежели бы въ то время имя Персидскаго шаха, Надира, не устрашало нашихъ предковъ. Турьменскій народъ, сколько ни былъ онъ въ то время силенъ и многолюденъ, имѣя у себя непобѣдимую конницу и многочисленное войско, однакожь, не желая сопротивляться Надиру-Шаху, удалился съ 300,000 (!) кибитокъ въ степь Мавгышлацкую, почитая эти мѣста древнимъ своимъ кочевьемъ.

«Прибывъ сюда, Туркмены «просили пособія въ хлѣбѣ изъ Астрахани», откуда и былъ въ то время отправленъ съ мукою корабль (въ Астрахани, подъ «кораблемъ» разумѣютъ всякое большое торговое мореходное судно, большую расшиву). Пособіе это Русскаго Начальства вселило въ сердцахъ Туркменовъ такую благодарность къ Русской Державѣ, что они рѣшились отдѣлаться отъ своихъ соплеменниковъ и отдаться въ подданство Петра-Великаго.

«Двѣсти кибитокъ Игдыровъ, Чаудуровъ и Безошиновъ перешли съ Мангышлака въ Астрахань, гдѣ, по Царскому указу, и подпали власти Аюки-Хана.»

По новѣйшимъ рассказамъ Туркменскихъ стариковъ, происшествіе это объясняется нѣсколько проще. Они говорятъ, что торговцы Туркменскіе часто бывали въ Астрахани и сами по себѣ, и съ Хивинскими караванами. Однажды прибыли они въ Астрахань въ то самое время, когда здѣсь былъ Петръ-Великій и готовился къ морской кампаніи 1722 года. Прогуливаясь въ окрестностяхъ Астрахани, Государь посѣтилъ кибитки Мангышлацкихъ купцовъ, самъ спрашивалъ ихъ о восточномъ побережьи Каспія и, принявъ отъ нихъ небольшое угощеніе, состоявшее изъ плова и баранины, записалъ себѣ на память имена тѣхъ, кто оказалъ ему знаки гостепріимства. Когда купцы отбыли обратно на Мангышлакъ, Петръ-Великій велѣлъ, слѣдующей весной, отправить на суднѣ на Мангышлакъ двѣсти кулей пшеничной муки и раздать ихъ именно тѣмъ извѣстнымъ лицамъ, которые въ Астрахани раздѣлили свой обѣдъ съ Русскимъ Царемъ. Царская милость такъ подѣйствовала на мирныхъ пастырей, что они стали разсуждать объ Россіи, которая, вѣрно, очень богата, если Царь ея даже къ чужимъ народамъ такъ милостивъ, и рѣшили тѣмъ, чтобъ съ бесплодныхъ береговъ Каспійскаго-Прибрежья пере-

кочевать на зеленые Волжскіе луга. [Здѣсь ихъ подчинили власти Аюки-Хана.

Иные рассказываютъ еще проще и еще правдоподобнѣе. По ихъ словамъ, Аюкинны Калмыки, по Царскому указу, служили прикрытіемъ отряду, сопровождавшему Бековича въ Хиву. Аюка, отличавшійся воинственнымъ духомъ и непопулярнымъ самолюбіемъ, старался заводить ссоры со всеми окружными племенами и, подъ видомъ услугъ Россіи, обвинялъ ихъ въ непокорности, дѣлалъ на нихъ нападенія, отнималъ скотъ и налагалъ дань для собственной своей казны и, между прочимъ, старался перемѣшать разныя иноплеменные поколѣнія съ подвластными себѣ Калмыками. Аюкинскіе Калмыки, возвращаясь ни съ чѣмъ съ береговъ Аму-Дарьи и претерпѣвая нужду, зашли на Мангышлакъ, сдѣлали нападеніе на тамошнихъ Туркменовъ, заповоили у нихъ 380 кибитокъ, увлекли съ собою и, черезъ Эмбу и Уралъ, пригнали ихъ въ Нарынъ-Пески, гдѣ была лѣтняя Аюки - Ханова ставка.

Что здѣсь именно была главная лѣтняя ставка Аюки, въ томъ свидѣтельствуютъ слова одного Китайца, бывшаго лѣтомъ у Аюки въ качествѣ посланника отъ Богдохана. Китайецъ этотъ, по переводу Россохина, говоритъ, что ставка Аюки, въ отношеніи къ Саратову, приходилась на юго-востокъ; съ запада и съ сѣвера течетъ Болга или Эдзиль (Волга), съ востока Дзай (Джайякъ, Якъ, Уралъ), съ юга

Тенгисъ (море); на другомъ берегу Эдзила за Саратовомъ, города — Сира-Камуси, Сарицы, Гарасъ-нойоръ, Шоръ-нойоръ и Астрахань, въ которыхъ немудрено узнать Камышинъ, Царицынъ, Красный-Яръ, Черный-Яръ и Астрахань.

Проводя лѣто въ Нарынъ-Пескахъ, Туркмены на зиму перекочевывали на рѣку Куму. Когда Калмыки замыслили, въ 1770 году, откочевку въ Монголію и стали перебираться за Уралъ, то Туркмены, пребывая на Кумѣ, тамъ и остались въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ тѣхъ только 80 кибитокъ, которыя, черезъ семь лѣтъ послѣ прибытія своего съ Калмыками въ Нарынъ-Пески, снова перебрались на Мангышлакъ.

Съ 1825 года, Туркмены эти совершенно отдѣлены отъ Калмыковъ и подчинены, вмѣстѣ съ другими народами, говорящими Тюркскимъ нарѣчіемъ, особому учрежденію — такъ-называемому Главному Управленію Мухаммеданскихъ Народовъ.

Вотъ все, что мы, въ настоящихъ обстоятельствахъ, можемъ сказать о старыхъ Туркменскихъ переселенцахъ. Что касается до новыхъ переселенцевъ, то изъ собственныхъ ихъ рассказовъ и обнародованныхъ грамотъ можно вывести слѣдующее:

Когда Киргизы, придвигаясь все далѣе и далѣе къ западу и распространяя свои ючевья по степи, достигли Устюрта и спустились съ него въ Атрау, то, естественнымъ

образомъ, положеніе Туркменовъ не могло не казаться стѣсненнымъ; стѣсненіе это еще болѣе сдѣлалось чувствительнымъ, когда, кромѣ нападокъ со стороны Киргизовъ, Туркменовъ стали преслѣдовать и Хивинцы, и налагать на нихъ «закятъ».

Кочевавшіе по Мангышлаку «Хасянскіе-люди» и отъ своей братьи, возвратившихся изъ Россіи Туркменъ, и отъ Русскихъ торговцевъ набрались разныхъ слуховъ о той цѣнѣ, какую должно имѣть въ нашихъ глазахъ восточное побережье Каспія; слухи эти поддерживались и паническимъ страхомъ Хивинцевъ, чтобы Русскіе не овладѣли здѣсь какимъ-нибудь твердымъ опорнымъ пунктомъ.

Такимъ образомъ, терпя невзгону отъ Киргизовъ, негодуя на Хивинцевъ, имѣя въ Россіи кровныхъ родичей, видя обезпеченное у насъ положеніе Мухаммеданъ и стараясь совершенно предаться Россіи, Туркмены воспользовались всѣми носившимися слухами, избрали изъ среды себя депутатовъ, по одному старшинѣ отъ каждаго рода — Далі, Курбанъ, Огры, Менглиходжа, кочевавшихъ отъ залива Сарыташъ до залива Карабугазъ.

Четыре старшины — Мулла Давлетъ-Муратъ-Ніязъ Багадуровъ, Тугунчи Кара Багадуровъ, Бегенджи Муратъ-Бесевъ и Ирали Дурды Муратовъ прибыли, въ 1801 году, въ Астрахань, при Военномъ Губернаторѣ Кноррингѣ; въ февралѣ 1802 года отправлены въ Петербургъ и здѣсь, 16 апрѣля 1803 года, получили:

1) милостивую царскую грамоту, которой мы здѣсь впрочемъ не выписываемъ, 2) увѣдомленіе, что Киргизскому Хану Циръ-Гали, повелѣно «Туркменовъ оставить въ покоѣ и отнюдь непріязненности имъ никакой не оказывать», и 3) Царскіе подарки—60 аршинъ сукна разныхъ цвѣтовъ на платье, 30 аршинъ алаго сукна и 156 аршинъ атласу на бешмети, 50 аршинъ тафты на опушь и 30 аршинъ парчи на кушакъ.

Послѣ этого, Туркмены возвратились въ Астрахань, а оттуда ихъ перевезли на казенный счетъ снова на Мангышлакъ, вмѣстѣ съ инженеръ-поручикомъ Лашкаревымъ, которому дано было особое порученіе касательно обозрѣнія Мангышлака и избранія мѣста, удобнаго для возведенія на немъ крѣпости, о которой Туркмены сами ходатайствовали.

Далѣе о Туркменахъ мѣстные документы не говорятъ ничего вплоть до 1814 года, когда явилось отъ Туркменъ нѣсколько депутатовъ съ просьбою дозволить имъ переселиться въ Астрахань.

При обширности скотоводства у Туркменъ, этого нельзя было иначе сдѣлать, какъ сухопутною перекочевкою ихъ съ Мангышлака на берега Ахтубы, кругомъ Мертваго-Култука; но такъ какъ подобное передвиженіе возможно въ наши времена только для немногочисленныхъ ауловъ, а не для цѣлаго племени, переселеніе же его посредствомъ перевозки во все несообразно съ логикой, то дѣло опять окончилось ничѣмъ.

Однакожь, въ 1813 году, почти нечаянно появилось въ Астрахани около шести-сотъ душъ Туркменовъ обоего пола: они доставлены были сюда на двухъ мореходныхъ расшивахъ, нанятыхъ ими у купца Герасимова, производившаго на Туркменскихъ берегахъ кой-какую торговлю.

Въ 1815 году, Туркменскій старшина Ирали Дурды Муратовъ объявилъ Губернскому Начальству, что Туркмень съ Мангышлака переселилось 220 семействъ, что всё они хотятъ быть подданными Россіи, и что, за неимѣніемъ собственной земли, они частію пріютились у Кундровскихъ-Татаръ, съ платою имъ за это 50 рублей асс.

Въ настоящее время эти такъ-называемые «Мангышлацкіе-Туркмены» земли не имѣютъ и никакихъ податей и повинностей въ казну не платятъ.

За кортому чужой земли Туркмены платятъ оброкъ съ каждой скотины, выпускаемой на потраву луговъ или камышей. Лѣтомъ скотъ ихъ пасется на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ, зимой — на земляхъ Кушелева-Безбородко; плата за это обокмъ по 15 к. сер. за крупную скотину и по 3 к. сер. за мелкую, итого въ годъ — 30 к. сер. съ рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ и 6 к. сер. съ козы и овцы. Само собой понятно, что подъ скотоводство Туркменамъ никто не станетъ отводить лучшихъ небезплодныхъ участковъ.

Въ 1849 году, по собраннымъ оффиціальнымъ путемъ свѣдѣніямъ, у Туркменовъ оказалось: верблюдовъ 560 головъ, лошадей 547, крупнаго рогатаго скота 667, овецъ 2,000, козъ 1,634.

По частнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, число Туркменовъ полагалось въ 500 кибитокъ; по исчисленію же, произведенному въ 1849 году, ихъ считалось 525 семействъ, въ 1,699 душъ обоего пола, 907 душъ мужскихъ и 792 женщины. Если цифры эти окажутся несомнительными, то мы получимъ слѣдующіе выводы:

1) За перепускъ своего скота на земли постороннихъ владѣльцевъ, Туркмены платятъ 850 р. 24 к. сер., что составляетъ по 2 р. 92 к. сер. съ семьи, или по 94 к. сер. съ души мужскаго пола—расходъ, какъ видно, весьма не тяжелый.

2) Изъ общей сложности скота, на каждое Туркменское семейство приходится по двѣ коровы, по пяти козъ и по шести овецъ и, наконецъ, по семи лошадей и по семи верблюдовъ на каждыя четыре семьи. Впрочемъ, извѣстно, что 85 Туркменскихъ семействъ рѣшительно не имѣютъ никакого скотоводства, пускаются въ музуры, въ носильщики, въ крющники, весельщики и занимаются по городамъ иными черными работами, мелочнымъ барышничествомъ и, изрѣдка, разведеніемъ бахчей, поступаая за это въ половники къ Татарамъ, а иногда и изъ оброка въ 9, 10 и до 15 р. сер., смотря по степени отдаленія участка отъ города.

Въ прежнее время, Туркмены большею частию занимались торговлею; но въ-слѣдствіе неудавшихся спекуляцій, они впали въ долги, которыхъ на нихъ и считается болѣе 5,000 р. сер., подлежащихъ взысканію.

Туркмены — роста средняго, сложенія крѣпкаго. Лица ихъ, отъ смѣшенія съ Калмыками, утратили правильность очертаній: они скуласты; загаръ лица еще больше усиливаетъ темный цвѣтъ его кожи. Бороды у нихъ короткія, волосы черные; глаза черные, открытые и быстрые.

Въ отношенія суда и расправы, Астраханскіе-Туркмены вѣрны своимъ патріархальнымъ началамъ и управляются по числу родовъ и главнѣйшихъ ихъ отдѣленій, шестью старшинами, которые судятъ своихъ сородичей въ малыхъ винахъ — по согласію общества, въ большихъ — по Корану, а за повтореніе проступка — строже и чувствительнѣе. Старшины эти никакихъ исключительныхъ политическихъ правъ предъ другими не имѣютъ, кромѣ права на почтеніе и уваженіе ихъ сѣдинъ, опытности и мудрыхъ рѣшеній; но поборами не пользуются никакими.

Туркмены, во все время пребыванія въ Россіи, съ честію поддерживаютъ репутацію народа кроткаго и правдиваго; по тщательно собранному за послѣднія десять лѣтъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, о Туркменахъ не возникло никакихъ дѣлъ ни по преступленіямъ, ни даже по проступкамъ.

Всѣ Туркмены—Сунниты; мечетей у нихъ нѣтъ, но муллы, какъ и вездѣ, есть; правиламъ вѣры они наставляются у муллы Киргизовъ Внутренней-Орды; грамотность между Туркменами развита весьма мало.

Мушныны волосы бръютъ; на головахъ носятъ Астраханскіе—Туркмены остроконечные «тюбетей», а Кавказскіе—тюбетей полушаріемъ изъ пестрыхъ шелковыхъ матерій. Шапки у нихъ высокія, мерлушчатая, съ раструбомъ наверху и съ небольшимъ темнымъ, а иногда цвѣтнымъ суконнымъ выпускомъ; зимою шапки замѣняются Киргизскими малахаями.

На ноги сверхъ *чулау*, или онучь, Туркмены надѣваютъ конѣвья ичиги безъ подошвъ; а на нихъ—остроконечные башмаки съ савровыми задками.

Кульмякз, или рубаха, у нихъ, какъ у всѣхъ коренныхъ степняковъ, отличается отъ обыкновенной длинной Татарской рубахи тѣмъ: 1) что она коротка и едва доходитъ за три пальца ниже пояса; 2) она шьется на-манеръ халата, съ полами, которыя и запахиваются одна на другую; 3) бываетъ исключительно бѣлаго цвѣта и 4) изрѣдка длинныя и отложныя воротнички ея обшиваются по краямъ разноцвѣтными шелками.

Поверхъ рубахи надѣваютъ Туркмены полукафтанья—нанковья, китайчатая, шелковыя, а зимой и суконныя; полукафтанья эти не прикрываютъ груди, а стягиваются только почти у пояса маленькими шелковыми круглыми пу-

говкамн. На полукафтанье надѣвается простой Хивинскій бумажный халатъ, стягиваемый кушакомъ, за который непременно затыкается съ правой стороны носовой платокъ; сверхъ него надѣвается другой халатъ, получше перваго, въ торжественные случаи — полущелковый. Въ зимнее время надѣваютъ: богатые — суконный *чапанъ*, подбитый мѣхомъ, а люди обыкновеннаго достатка — бараній полущубокъ домашней работы.

Воинскій нарядъ Туркменовъ совершенно вывелся у нихъ изъ употребленія; его составляли, въ старые годы, слѣдующія принадлежности: 1) *туля* — желѣзный или стальной шишакъ, схожій съ Башкирскимъ, безъ забрала и съ мягкими козырькомъ, задкомъ и наушниками; 2) *чарайна* — металлическій нагрудникъ; 3) *саутъ* — обыкновенная кольчуга съ короткими рукавами; 4) *клышъ* — сабля; 5) *салдакъ* — сайдакъ, то-есть лукъ и колчанъ со стрѣлами, и 6) *найза* — длинное копье съ четырехграннымъ желѣзомъ на обоихъ концахъ, съ одного — острое, съ другаго — тупое.

Женскій полъ у Туркменовъ пользуется тою же свободою обращенія, какою отличаются женщины у Киргизовъ и Калмыковъ: онѣ не прячутся отъ мужчинъ, не скрываютъ лицъ подъ чадрами и не уклоняются отъ разговоровъ и даже отъ шутокъ съ посторонними.

Нарядъ женщинъ, кромѣ широкихъ синихъ или красныхъ шальваръ, онучь и мяг-

кихъ безъ подошвъ сапоговъ, состоитъ изъ простой полушелковой, краснаго или желтаго цвѣта, рубахи (*куйлякъ*) и бумажнаго Хивинскаго халата, полы котораго ставиваются иногда вмѣстѣ. Халатъ этотъ у пожилыхъ женщинъ, но не у дѣвицъ или у молодыхъ бабъ, обвязывается бѣлымъ кушакомъ изъ грубаго бумажнаго полотна.

Волосы убираются различно. Дѣвицы поверхъ платя въпускаютъ три длинныя плетенныя косы, украшенныя разными блестящими привѣсками; молодыя бабы, не имѣвшія еще дѣтей, а иногда и такія, у которыхъ есть одинъ ребенокъ, но которыхъ за красоту свою не принуждены заниматься исключительно только однимъ хозяйствомъ, распускаютъ, по примѣру Калмычекъ, двѣ косы не на спину, а напередъ, черезъ плечи, по одной косѣ на сторону; у женщинъ, отжившихъ время заботиться только о нарядахъ, волосы не заплетаются, а просто распускаются подъ «тастаромъ».

Тастаръ есть бѣлое кисейное покрывало, которое надѣвается на голову и, окутывая шею и верхнюю половину стана, спускается сзади почти до самаго подола.

Сверхъ «тастара», женщины носятъ на головѣ *салаучи*: это небольшой закругленный со всѣхъ сторонъ лоскутъ краснаго сукна, вышитый разноцвѣтными шелками подъ прихотливые узоры, отороченный желтымъ или синимъ сукномъ, или полоскою мѣха и, посред-

ствомъ подшитыхъ къ нему цвѣтныхъ тесемокъ, подвязываемый у подбородка.

Сверхъ «селауча» надѣвается *буркэ* или *бюркэ*, «шапка». Шапка эта миниатюрная, круглая, обшита выдровымъ мѣхомъ съ такими же наушниками, которые, глядя по погодѣ, могутъ быть подвязаны къ задку. Шапка эта, какъ и «селаучь», дѣлается изъ краснаго сукна и украшается различными узорами изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ шнурковъ.

Дѣвцы этихъ двухъ головныхъ уборовъ не надѣваютъ, а вмѣсто ихъ употребляютъ калпаки, или легкіе бѣлые, изъ самой тонкой и чистой кошмы, или обыкновенные Татарскіе шелковые, которые носятъ на такой же образецъ, какъ носятъ Испанцы свои длинныя сѣтки.

Въ послѣднее время, Туркменскія женщины переняли отъ Астраханскихъ Татарокъ обычай накрываться халатомъ, для чего и просовываютъ голову въ одинъ рукавъ; впрочемъ, лицъ своихъ отъ неправовѣрныхъ онѣ полой не застѣняютъ.

Въ зимнее время, Туркменки носятъ шубы, крытыя шелковой матеріей.

Носовой бумажный платокъ въ рукахъ есть необходимая принадлежность каждой, понимающей приличія, Туркменки.

Дѣвцамъ, или очень еще молодымъ женщинамъ, предоставляется придавать своей красотѣ блескъ разными средствами; но сурьмой и румянами натираются всѣ безъ исключенія.

Серьги въ ушахъ, въ одномъ или въ обо-
ихъ, носятъ однѣ только дѣвѣнцы; кольцо или
серьгу въ ноздрѣ носятъ и дѣвѣнцы и моло-
дая бабы, также какъ и браслеты, перстни и
кольца.

Женскія рубахи совершенно походятъ на
мужскія; но воротнички застегиваются мелкою
серебряною монетою, привѣшиваемою къ вер-
шинкѣ одной полы въ родѣ пуговицы. Носятъ
также подъ халатами коротенькіе, схожіе съ
мужскими, кафтанчики.

Въ-теченіе тридцатилѣтняго своего пре-
быванія въ Россіи, «Мангышлацкіе-Туркмены»
до такой степени сблизились съ Кувдровски-
ми-Татарами, что теперь очень трудно найти
различіе между ними во всемъ, что касает-
ся образа жизни, занятій, нравовъ и обы-
чаевъ.

IX.

КИРГИЗЫ ВНУТРЕННЕЙ-ОРДЫ.

Киргизы, или—какъ они сами себя называютъ—*Казáкъ*, издавна, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ, были извѣстны Русскому Правительству. Еще во времена Грознаго, у насъ знали про нихъ, и около 1570 года слышали, что у Кучума-Царя съ Казацкимъ-Царемъ война была; во время составленія Книги Большому Чертежу, писали, что Казацкая Кочевая Орда да Калмыки занимали стойбищами своими пространства между рѣками Кендерликъ и Сары-су; во времена посольствъ къ Алтыну-Хану, Русскіе встрѣчались съ Киргизами въ верховьяхъ Енисея, Оби и Иртыша.

Киргизы стали подаваться оттуда далѣе и далѣе къ западу и, наконецъ, заняли своими кочевьями все пространство отъ верховьевъ Иртыша до восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря.

Киргизы раздѣлялись прежде на три отдѣльныя отрасли, *джюзз*, «сотни». Одна изъ нихъ называлась *Улу-джюзз*, что мы передѣляли въ «Большую-Орду», хотя собственно слово «орда» означаетъ только главную ставку предводителя племени; другая присвоила себѣ названіе *Урта-джюзз*, что, по усвоеннымъ нами выраженіямъ, означаетъ «Среднюю-Орду»; третья именовалась *Кши-юзз* — по нашему «Малая-Орда». Родоначальникомъ первой, по преданіямъ Киргизовъ, былъ Юйсюпъ, второй — Аргунъ, третьей — Альчинъ; всѣ трое были сыновья Алача-хана, перваго предводителя всѣхъ Казаковъ, то-есть Киргизовъ.

Орды эти, въ прежнія времена, управлялись своими ханами. Ханъ Малой - Орды, съ подвѣдомственными ему родами, занималъ степи, лежащія по лѣвому берегу рѣки Урала, достигая въ своихъ перекочевкахъ Аральскаго-Моря, части владѣній Бухары и Хивы и прибрежій Каспія.

Съ давнихъ временъ, Киргизы заискивали покровительства могущественнаго Русскаго Государя; съ давнихъ временъ Правительство наше подчиняло отрасли Киргизовъ своему вліянію; но полное обладаніе Киргизами совершилось не ранѣе, какъ въ первой поло-

винѣ прошлаго столѣтія, когда сынъ Абулгазы-Султана, внукъ султана Аджи, по имени Абулхаиръ, принялъ Русское подданство и, властію нашего Правительства, возведенъ въ санъ хана Малой-Орды, Орды Зауральской. Тогда же объ этомъ присоединеніи дано знать правительствамъ сосѣдственныхъ Россіи державъ и утверждены границы Россіи до моря Аральскаго и до рѣки Сыръ-Дарья въ официальномъ атласѣ, изданномъ въ то время трудами Петербургскихъ академиковъ.

Абулхаиръ, бывшій прежде того нѣскольکو времени Хивинскимъ ханомъ, управлялъ Киргизами мирно и спокойно; но послѣ именно въ 1749 году, въ слѣдствіе раздоровъ, онъ былъ убитъ, по словамъ однихъ — Бараккомъ, султаномъ Каракалпацкимъ, а по словамъ другихъ разскащиковъ — Сарымбетомъ, батыремъ Аргынскаго рода.

Бывшій прежде, короткое время, Каракалпацкимъ ханомъ, сынъ Абулхайра, Нурали, возведенъ былъ, послѣ смерти отца своего, въ званіе хана Малой Киргизской-Орды. Онъ управлялъ Ордою лѣтъ сорокъ; но потомъ, заслуживъ поведеніемъ своимъ негодованіе главнаго Оренбургскаго начальника Барона Игельштрёма, взятъ былъ въ Уфу, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ.

По смерти Нурали, достоинство хана перешло къ брату его Эрали, управлявшему Киргизами около трехъ лѣтъ. У Нурали было много сыновей; но какъ въ достоинство

хановъ, въ прежнія времена, избирались одни султаны, то-есть «благорожденные», «бълая-кость», «потомки Чингиса», и избирались сначала не безъ подкуповъ, разумѣется, и не безъ интригъ, а потомъ право возведенія въ ханство принадлежало только волѣ и милостямъ Русскаго Государя, то однопъ изъ сыновей Нурали, Ииръ-Гали и не могъ питать законныхъ надеждъ на ханское званіе. Онъ предводительствовалъ года два-три Туркменскимъ народомъ и, въ званіи Туркменскаго хана, умеръ около 1805 года.

По смерти Эрали, ханскимъ званіемъ пожалованъ былъ другой сынъ Нурали, Ишимъ; онъ правилъ Киргизами, въ зависмости отъ Оренбургскаго Начальства, только четыре года, и умеръ.

По потомки Абулхабра съ нимъ еще не изчезли: въ живыхъ оставались сынъ Абулхабра, Айчувакъ, и племянники его, дѣти Нурали—Каратай, Букей, Урманъ и Шагтай.

По смерти Ишима, Баронъ Игельстрёмъ хотѣлъ ходатайствовать о возведеніи въ ханское званіе Букея Нуралиева, по достоинствамъ своимъ болѣе соответствовавшаго ожиданіямъ Правительства; но Каратай, какъ старшій братъ, считалъ себя обиженнымъ, полагая, что ему слѣдуетъ быть ханомъ. Правительство милостиво взирало на преданность къ себѣ Букея; народъ былъ весьма сильно привязанъ къ этому султану, умѣвшему и передъ нимъ выказать своя доблести; но Каратая не любилъ никто

за его горячій нравъ и надменность. Каратай, вознамѣрившись, во что бы ни стало, препятствовать возвышенію младшаго брата, воспользовался дальностью своего пребыванія, заманилъ къ себѣ Букея и не выпускалъ нкуда.

Такимъ образомъ, ханская вакансія досталась, въ 1798 году, престарѣлому и дряхлѣвшему уже Айчуваку, по слабосилію, старости и глухотѣ сложившему, въ-послѣдствіи времени, это званіе въ пользу сына своего, Джантюря.

Всѣ эти обстоятельства сами собой указываютъ, что интриги между «султаньёмъ», какъ Русскій народъ называетъ всю породу султановъ, должны были волновать и самихъ Киргизовъ. Султаны, въ тѣ времена, имѣли огромное вліяніе на народъ, заискивали себѣ его расположеніе, льстили его склонностямъ и дѣлались любимцами, зная, что чѣмъ обширнѣе будетъ ихъ вліяніе, чѣмъ болѣе пріобрѣтутъ они себѣ преданныхъ семействъ — тѣмъ и вещественное ихъ благосостояніе, ихъ матеріальное богатство, будутъ огромнѣе. И дѣйствительно, въ концѣ прошлаго столѣтія, степь раздиралась раздорами; убійства, а не-премѣннымъ слѣдствіемъ того, и баранты, или отгоны скота за кѹну, за кровь, были безпрестанныя; мятежи и полный хаосъ царствовали между родичами.

Не задолго до того, именно въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Калмыки бѣжали съ Волги въ Китай: степь, ими прежде переполненная,

теперь опросталась. Султанъ Букей, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и смѣлливостью, сталъ наводить справки о Заволжскихъ степяхъ и, въ-слѣдствіе разныхъ дружескихъ совѣтовъ и внушеній, рѣшился отдѣлиться отъ своей Орды самостоятелною отраслюю и откочевать отъ нея подальше, на привольные луга Ахтубы, слава которыхъ разносилась между кочевыми племенами еще съ очень отдаленныхъ временъ. Букей сталъ хлопотать, просить, — и получивъ въ мартъ 1801 года Всемилостивѣйшее разрѣшеніе грамматою Императора Павла Петровича, съ осени же, какъ обыкновенно водится, предпринялъ перекочевку за Ураль и утвердился въ такъ-называемыхъ «Нарынъ-Пескахъ».

Мы уже замѣтили, что родоначальникомъ Киргизовъ Малой-Орды считается Альчинъ: отъ этого Альчина происходятъ и всѣ три отрасли Киргизовъ этой Орды. Отъ старшаго сына, котораго звали Алймъ, произошли поколѣнія Киргизовъ, по-Русски называемыхъ Алимулинцами, вмѣсто Алымцовъ (впрочемъ, собирательнымъ именемъ «Алымъ»), Хивинцы называютъ преимущественно два рода Зауральскихъ Алимунцовъ, именно роды Дюртъ-Кара и Чикли). У средняго, котораго звали Кыдыръ-Ходжа и у котораго было очень много сыновей, произошла отрасль Байулинцевъ, «Байуль» (*бай*, по-Тюркски, «богатый», а *уль* значитъ, говорятъ, «сынъ»). У меньшаго Альчинова сына, Каракатыша, было семь сы-

новой, сдѣлавшихся, въ свою очередь, родоначальниками, и потому племя его именуется «Семиродскимъ», по-Киргизски *Джидиурузь*. Каждое изъ этихъ поколѣній раздѣлялось на нѣсколько родовъ, имѣвшихъ собственную свою тамгу и уранъ, или условный воинскій кликъ: но здѣсь мы объ этомъ не распространяемся, предоставляя себѣ подробное разъясненіе всего въ другомъ трудѣ. Каждый родъ Киргизскій раздѣляется на отдѣленія, а тѣ—на новыя подотдѣленія, состоящія уже изъ самыхъ близкихъ родственныхъ семей.

Эта родственная, кровная связь, между семьями подотдѣленій и цѣлаго рода развитая, искони поддерживается однородцами и особенно одноотдѣленцами: здѣсь уже частный произволъ уступаетъ мѣсто волѣ общества и лице главы семейства, какъ гражданина, совершенно уничтожается передъ идеею рода, какъ лица юридическаго.

Стало-быть, намъ будетъ понятво, почему за султаномъ Букеемъ, изъ Зауральской-Степи, послѣдовали въ степь Заволжскую осколки всѣхъ отраслей Киргизовъ Малой-Орды. Отъ нея отдѣлились:

1. Алямулинской отрасли Малой-Орды незначительныя части рода Кйтп;

2. Байулинской отрасли части родовъ: Бершъ, Байбакты, Алачъ, Чергешъ, Исевъ-темиръ, Кызылкүртъ, Та̀на, Джаппасъ, Адаи, Маскаръ, Тазларъ и Ыссыкъ.

3. Семиродской отрасли части родовъ Табынъ, Тамà и Кердері.

4. Родъ Ногай, который, сколько заодно извѣстно, составился въ 1745—1747 годахъ, когда назначенныя, по подозрѣнію, къ переселенію на рѣку Сакмарь къ кр. Озерной 25 семей Кундровскихъ-Татаръ (50 человекъ взрослыхъ мужчинъ, а всего 138 душъ), бѣжали къ Киргизамъ за Уралъ. Поймать ихъ вѣрно было Абулхаирову сыну, Нуралі; но тотъ сего не исполнилъ. Кундровцы примкнули къ Киргизамъ, сплотились съ ними, расплодились—и теперь это самый людной родъ между Букеевскими-Киргизами.

5. Родъ Тюленгютовъ, прежде составлявшихъ когорту, дворъ и прислугу хановъ и султановъ, образовался въ-послѣдствіи времени.

Кромѣ того, при Букеѣ находилось нѣсколько десятковъ кибитокъ (семей) ходжѣй и султановъ безъ значенія.

Эта, вновь такимъ-образомъ сформировавшаяся Орда, въ отличіе отъ ордъ Зауральской и Сибирской, именуется—«Внутреннею», а иногда, по имени виновника ея образованія—«Букеевскою». Переселеніе Киргизовъ на новыя мѣста началось къ концу 1801 года и подкочевка новыхъ семей кончилась въ 1803 году, хотя продолжалась и послѣ, небольшими партіями.

Букей Нураліевъ долго управлялъ своими Киргизами въ качествѣ простаго султана, не

облеченнаго никакимъ высшимъ званіемъ, и только въ 1812 году Монаршими щедротами возведенъ въ достоинство хана.

Букей умеръ въ 1815 году; послѣ него, простымъ правителемъ Орды былъ братъ его, Шигай, а въ 1824 году, въ-слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, званіемъ хана Внутренней-Орды облеченъ былъ сынъ Букей, Жангеръ, умершій въ 1845 году и заключившій собою недлинный рядъ хановъ Заволжскихъ Киргизовъ, которые теперь управляются особымъ учрежденіемъ и, въ-слѣдствіе условій мѣстности, а также продолжительнаго подготовленія къ новой жизни и усвоенія себѣ началъ общаго въ Имперіи Управленія, могутъ быть совершенно сравнены, въ этомъ отношеніи, съ прочими кочевыми племенами Низовой-Стороны.

Руководствуясь частію собственными записками покойнаго Жангера, а частію устными разказами знающихъ людей, мы можемъ еще прибавить слѣдующее.

Число кибитокъ въ Ордѣ въ 1805 году достигло до 7,500, говоритъ Жангеръ. Съ 1801 по 1805 годъ изъ Киргизовъ Малой-Орды, преданныхъ Букеею, какъ старшему и важнѣйшему изъ дѣтей Нуралп-хана, эти 7,500 кибитокъ составляли только часть: весьма многіе султаны, старшины и Киргизы, принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ, изъ которыхъ составила въ Орда-Внутренняя, и къ нѣкоторымъ другимъ — оставались за Ураломъ, сохраняя прежнюю преданность, связь, пріязнь

и согласіе, непрерывавшіяся между Доуральскими и Зауральскими Киргизами. Въ-слѣдствіе этой преданности и (это вѣрнѣе всего) сткрывшихся во Внутренней-Ордѣ выгодъ быта, безопасности и спокойствія, хозяйства и обилія удобныхъ для скотоводства мѣстъ, Зауральскіе Киргизы ежегодно, съ 1803 по 1828 годъ, переходили изъ-за рѣки Урала въ Нарынъ-Пески, для зимовокъ и для продовольствія табуновъ и стадъ подножнымъ кормомъ.

Эти такъ-называемые «перепуски» обратились въ обыкновеніе и не обращали на себя особенной съ чьей-либо стороны зоркости, пока смуты и разныя злоупотребленія не указали на настоящій ихъ смыслъ въ отношеніи къ людямъ, могущимъ, по своему положенію, вредно дѣйствовать на миръ и тишину въ народѣ. Зауральскіе Киргизы приходили на зимовки во Внутреннюю-Орду и, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, оставались тамъ иногда совсѣмъ, на вѣчное пребываніе; а когда нѣкоторые и уходили снова за Уралъ на обыкновенныя, лѣтнія свои кочевья, то вмѣстѣ съ ними скрывались, убѣгали за Уралъ, и лица, преслѣдуемая закономъ за зловредныя дѣянія. Въ-слѣдствіе разныхъ подобнаго рода событій, перепускъ скота и свободный переходъ Зауральскихъ Киргизовъ во Внутреннюю-Орду, въ 1828 году, Высочайше воспрещенъ.

Изъ этого уже видно, сколь огромное пространство стеной успѣли, такъ сказать, закрѣ-

пять за собою Букеевскіе-Киргизы; но послѣдствія открыли, что степи эти, пожалованныя высшею властію цѣлому народу для его благосостоянія, обратились какъ бы въ личную собственность самого хана. Онъ не дѣлилъ землю, какъ должно между Киргизами водиться, между родами поровну, а самъ жаловалъ ее (изъ-за матеріальнаго ли вознагражденія, или за особенныя послуги — неизвѣстно) Киргизскимъ родамъ, своимъ приближеннымъ и родственникамъ и султанамъ, по собственному своему благоусмотрѣнію. Такимъ образомъ, лучшими землями и въ бѣльшемъ количествѣ, онъ или лично самъ пользовался, или награждалъ своихъ приближенныхъ, или надѣлилъ родъ Ногай, къ которому, несмотря на его не-Киргизское происхожденіе, ханъ весьма благоволилъ, или переуступилъ неравномѣрно другимъ родамъ: и въ-слѣдствіе такихъ-то распоряженій открылось, что нѣкоторые роды до такой степени стѣснены были въ поземельныхъ угодьяхъ, что бѣднымъ Киргизамъ рѣшительно негдѣ стало пастись свои стада и они начали искать убѣжища и приюта у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Умолчавъ объ этой основной причинѣ, ханъ Жангеръ писалъ, однакожь, въ своихъ запискахъ, слѣдующія весьма любопытныя вещи.

Отъ шести до семи тысячъ кибитокъ, со скотомъ отъ шести-сотъ до семи-сотъ тысячъ головъ, не имѣютъ мѣста на земляхъ, Ордѣ

назначенныхъ, и зимуютъ на прибрежьѣ Каспійскаго-Моря, въ дачахъ наследниковъ Князя Юсупова и Безбородки, гдѣ низменности, покрытыя камышомъ, и бугры, покрытые довольно хорошими травами, представляютъ единственные мѣста для убѣжища имъ самимъ и для сохраненія и продовольствія скота. Съ 1801 года, Киргизы имѣли тамъ свои зимовки на всемъ протяженіи прибрежья, какъ на пространствѣ никѣмъ не заселенномъ, не занятомъ никакимъ хозяйственнымъ заведеніемъ и никому не нужномъ; но съ 1854 года, послѣ возникшихъ со стороны мѣстныхъ владѣльцевъ требованій объ удаленіи оттуда Киргизовъ, мѣста эти, столь же, какъ и прежде, свободныя, отдаются Киргизамъ, во-первыхъ — по контрактамъ съ ханомъ за ежегодную оброчную плату, а во-вторыхъ — по особымъ, со стороны управляющихъ тѣми имѣніями, условіямъ, у одного — за извѣстную сумму денегъ, у другаго — за накошеніе ста-тысячь сноповъ камыша, свозъ его на ватаги и за возку туда же владѣльческаго сѣна. Ежегодно, по неизмѣннѣю мѣста въ Ордѣ, отъ пятидесяти до ста тысячь лошадей «тебенюетъ» (пасется зимой на подножномъ корму) на чужихъ земляхъ Царевскаго и Новоузенскаго уѣзда и, кромѣ того, множество скота ищетъ зимняго пристанища и корма на земляхъ Уральскаго Казачьяго Войска, съ платою по полтинѣ мѣди съ лошади, по двугривенному съ верблюда и по гривнѣ съ барана.

Все эти обстоятельства, скрываемыя годами, приведены были наконецъ въ извѣстность, и мѣры къ прочному благосостоянію народа приняты были несомнѣныя.

Уничтоженіе ханской власти тѣмъ болѣе общааетъ выгоды царю, что въ прежніе годы ханы эти, въ тишинѣ своей дали, забывая милости къ нимъ Русскаго Правительства, желавшаго мира и успокоенія, нарушали внутреннюю тишину—то несвоевременными нововведеніями того, что народу рано еще было усвоивать, то бѣльшимъ укоренѣніемъ старыхъ золь, нетерпимыхъ въ благоустроенныхъ обществахъ.

Подъ эту послѣднюю категорію надо подвести учрежденіе сбора, извѣстнаго подъ названіемъ «зекета» или «закята». Самъ Жангеръ говоритъ въ своихъ запискахъ, что «зекетъ есть принадлежность ханскаго достоинства повсюду, гдѣ только Киргизскій народъ имѣетъ хановъ». Но каждый, сколько нибудь знакомый съ нашимъ Востокомъ, знаетъ, что сборъ этотъ—неважный, кажется, по количеству (онъ составляетъ 2½ процента натурою, или деньгами, съ движимаго имущества)—чрезвычайно важенъ по идеѣ. Зекетъ выражаетъ собою—«подать»; лицо, получающее зекетъ на свое имя, считается верховнымъ повелителемъ въ отношеніи къ тѣмъ, кто зекетъ этотъ платитъ: стало быть, Жангеръ, въ глазахъ своихъ Киргизовъ, считался не подданнымъ, не простымъ правителемъ, а

владѣтельною особою. Ту же мысль выражаетъ и утверждѣніе имъ, отъ своего же лица мулла въ ихъ должностяхъ, тогда какъ на этотъ предметъ Правительство наше установило особую власть — мухаммеданскаго муфтія. Но всѣ эти упущенія, относящіяся къ давнопрошедшему времени, заблаговременно были прекращены, и теперь Правительство руководитъ судьбами Киргизскаго народа и ведетъ его, по пути мира, тишины и покоя, къ прочному благоденствію.

Несмотря на кочевой бытъ Киргизовъ, у нихъ уже давно сдѣланы начатки къ осѣдлости. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство.

Въ 1824 году, Джангеръ вступилъ въ брачное сожитіе съ дѣвицею мухаммеданскаго исповѣданія, но возросшею въ образованномъ обществѣ. Это была Фатъма, дочь тогдашняго Оренбургскаго муфтія. Молодые супруги весело проводили лѣтніе мѣсяцы въ кибиткѣ, подъ чистымъ степнымъ небомъ; но зима, которую Фатъма провела близъ Ходжетай, деревни Кундровскихъ-Татаръ, и опять-таки въ кибиткѣ, едвали показалась ханшѣ, привыкшей, въ отцовскомъ домѣ, ко всѣмъ удобствамъ порядочныхъ квартиръ, скольконибудь сносною. Въ 1825 году, Джангеръ уѣхалъ въ Петербургъ одинъ и выхлопоталъ себѣ, отъ Монаршихъ щедротъ, весьма значительное пособіе, и на это-то пособіе Джангеръ и

поставилъ себѣ въ Нарынъ-Пескахъ сначала небольшой домикъ, а потомъ, выбравъ другое, удобнѣйшее мѣсто, нѣсколько восточнѣе прежняго, выстроилъ уже большой деревянный домъ. Примѣру хана послѣдовали приближенные къ нему богачи и султаны, и эта-то купа домовъ (въ точномъ значеніи слова «Орда») и получила названіе «Ставки» или «Ханской-Ставки»; а такъ какъ теперь хановъ нѣтъ, и между тѣмъ новые дома почти ежегодно пристраиваютъ, то селеніе это нынѣ просто называется «селеніе», или «сельцо Ставка». На Волгѣ есть сельцо «Тюменевка», такимъ-же образомъ выстроенное Калмыцкимъ Хошоутовскимъ владѣльцемъ Княземъ Тюменевымъ, на принадлежащей ему въ собственность землѣ; но Джангерову ставку «Джангеровкой» называть уже не приходится, во-первыхъ потому, что селеніе это, выстроенное на государственной землѣ, составляетъ достояніе Государственныхъ Имуществъ, а во-вторыхъ и потому, что названіе «ставка» чрезвычайно выразительно указываетъ на сосредоточеніе здѣсь главнаго мѣстнаго управленія, мѣсто общаго съѣзда всѣхъ родоуправителей для отчетности.

Какъ обитатели большихъ городовъ зиму проводятъ на постоянныхъ своихъ квартирахъ, а на лѣто переселяются въ деревни, или на дачи, точно такъ и кочевыя племена пѣютъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, два главныхъ мѣстопребыванія — лѣтнее и зимнее. И у Джангера, потому, были двѣ, вы-

строенныя домами, ставки: одна—зимняя, про которую мы уже упомянули, а другая—лѣтняя, на рѣкѣ Торгунѣ, выстроенная около 1841 года. Но такъ какъ кочевнику гораздо отраднѣе, удобнѣе и здоровѣе проводить лѣто въ кибиткѣ, нежели въ стѣнахъ закупореннаго зданія, то, весьма естественно, на рѣкѣ Торгунѣ Киргизы не спѣшили обстраиваться домами. Тамъ, говорятъ, не болѣе десяти домовъ, выстроенныхъ безъ печей и на скорую руку, между-тѣмъ какъ въ главной ставкѣ насчитываютъ до сотни—и хорошо выстроенныхъ—домовъ и мазанокъ; кромѣ того, есть очень хорошая мечеть, множество лавокъ и кладовыхъ, а не вдалекѣ оттуда и помѣстительный каравансарай съ 360 помѣщеніями для торговцевъ товарами.

Ханъ Жангеръ, въ запискахъ своихъ, говоритъ такимъ-образомъ:

«Примѣръ, который я подалъ къ домооб-заведенію, и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству, на зимовкахъ, домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнѣйшихъ внушеніяхъ и убѣжденіяхъ очевидно въ удобствѣ и пользѣ этого, Киргизы начали мало-по-малу устраивать землянки. Стремленіе къ такимъ постройкамъ, при почти-всегдашнихъ зимнихъ холодахъ, развилось столь быстро, особенно въ Нарынъ-Пескахъ и къ Малому - Узеню, что я самъ изумленъ былъ

многочисленностью землянокъ: число ихъ далеко заходитъ за тысячу. Каждый зажиточный Киргизъ думаетъ и старается, несмотря на трудность доставки и на дороговизну лѣса, сдѣлать себѣ землянку. Всѣ эти жилища въ Ордѣ можно раздѣлить на зимовья ставки родоначальниковъ и зимовки старшинъ и простыхъ Киргизовъ. Первые находятся на зимовыхъ мѣстахъ, занимаемыхъ родоначальниками, и состоятъ изъ небольшого дома для самого родоначальника, и двухъ-трехъ землянокъ для другихъ помѣщеній и самыхъ необходимыхъ небольшихъ хозяйственныхъ построекъ. Вторыя расположены на участкахъ, назначенныхъ мною отдѣленіямъ родовъ для зимняго ихъ кочевья: эти зимовки состоятъ изъ глины и небольшихъ домовъ. На зимовки, султаны, старшины и Киргизы прикочевываютъ съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ; кто имѣетъ дома или землянки — живетъ въ нихъ, а у кого ихъ нѣтъ, тотъ по прежнему живетъ въ кибиткѣ, до наступленія теплаго весенняго времени. Съ этой поры всѣ выходятъ со скотомъ на лѣтнія пастбища, въ степь, и кочуютъ опять до осени, до холодовъ.»

Въ селеніи Ставка живетъ много наѣзжихъ промышленниковъ изъ Казаковъ, Русскихъ мѣщанъ и купцовъ или ихъ прикащиковъ, и изъ Татаръ разныхъ наименованій. Торгъ здѣсь бываетъ постоянный, хотя и мелочной; но особенно значительныя операціи происходятъ здѣсь во второй половинѣ мая, во время на-

рочно учрежденной, съ 1852 года, «весенней ярманки», называющейся такъ въ отличие отъ ярманки «осенней», тоже бывающей въ Ставкѣ.

Киргизы торгуютъ произведеніями своего скотоводства, живымъ скотомъ и издѣліями, отъ скота получаемыми, — въ Ставкѣ круглый годъ, а временами при Елтонскомъ-Озерѣ, подъ самую Астраханью, по Уральской-Линіи, отъ Кулагинской - крѣпости до Гурьева-городка; они гоняютъ скотъ и въ Самарскую, и въ Оренбургскую губерніи и частью за Волгу; мелкое торгашество живымъ скотомъ почти круглый годъ производится и въ самыхъ кочевьяхъ: поэтому, сказать что-нибудь похожее на правду, касательно общей совокупности всѣхъ этихъ сдѣлокъ, рѣшительно не возможно, а потому мы и ограничиваемся лишь приблизительными къ истинѣ свѣдѣніями объ однихъ только ярманочныхъ оборотахъ.

На весеннюю ярманку стекается множество народа: кромѣ Татаръ и Русскихъ торговцевъ, сюда наѣзжаютъ Уральцы, Донцы, Калмыки, Армяне и Хивинцы. Въ 1845 году, этихъ пріѣзжихъ было въ Ставкѣ до тысячи человѣкъ; въ 1847 — болѣе полутора тысячъ, а въ 1851 — болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Разныхъ товаровъ, также хлѣба и живаго скота, продано было: въ 1857 году — на 255,000 р. сер.; въ 1845 — на 266,000 р. сер.; въ 1851 — болѣе-чѣмъ на миллионъ р. сер.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на привозъ хлѣба разныхъ сортовъ, какъ-то:

муки, пшена и крупъ, не считая овса, привозимаго осенью. Продано его было:

годы.		рубль сер.	
въ 1845,	весной	на 4,800	
— 1846,	весной 1,794	— 4,664	за четверть (по 2 р. 60 к.)
	осенью 21,671	— 5,634	(— . — 26 —)
— 1847,	весной 10,676	— 3,736	(— . — 35 —)
	осенью 14,355	— 4,120	(— . — 28 —)
— 1848,	весной 4,000	— 1,800	(— . — 45 —)
	осенью 7,915	— 4,749	(— . — 60 —)
— 1849,	весной 8,100	— 4,455	(— . — 55 —)
	осенью 10,700	— 4,815	(— . — 45 —)
— 1850,	весной 8,272	— 4,136	(— . — 50 —)
	осенью 6,520	— 3,912	(— . — 60 —)
— 1851,	весной 8,128	— 4,877	(— . — 60 —)

Точно такъ же, какъ цѣны на хлѣбъ, возвысилась цѣна и на овесъ: въ 1847 году показана она въ 20 к. сер. за пудъ; въ 1849—въ 40 к. сер., а въ 1850 — въ 50 к. сер.

Кибиточныхъ жердей, въ 1845 году, продано на 2,000 р. сер., а въ 1846—1851 ихъ навезено болѣе 150,000 штукъ, съ небольшимъ на 4,000 р. сер., причемъ цѣны за одинъ годъ поставлены въ 10 р. сер., а за другой—только по 2 р. сер. за тысячу.

Что касается до живаго скота, то на ярманки его было пригнано головъ:

	1837		1847		1850	1851
	весной	осенью	весной	осенью	осенью	весной
лошадей .	492	404	697	426	750	617
рогат. скота	2,150	2,301	9,737	2,360	7,100	11,874
барановъ .	66,335	25,275	40,187	1,967	7,100	83,311
верблюдовъ	49	.	468	.	.	680

Цѣны на живой скотъ, въ 1851 году, были такія:

верблюдъ	отъ 15 и не дороже 25 р. сер.		
конь	. — 20	—	60 — —
пара быковъ	.		50 — —
корова	. — 6	—	45 — —
бараны	. — 2	—	3 — —

Цѣны на прочіе товары стояли:

ржаная мука	3 р. 50 к. с.	} за куль въ 7 пудовъ.
пшеничная	— 5 — . — —	
чай кирпичный	4 р. и 4 р. 43 к.	за кирпичъ.
жельзо	. . . 2 р. сер.	за пудъ.
верблюжье сукно	75 и 90 к. сер.	за аршинъ.
холстъ самый грубый	6 к. сер.	
панка	. 43 — 45 к. сер.	
ситець	. 45 — 25 — —	
платье	. . . 23 — —	

Киргизы Внутренней-Орды, рознясь отъ Зауральскихъ Киргизовъ тѣмъ, что, будучи почти отовсюду окружены Русскими, болѣе ознакомились съ нашею гражданственностью и утратили диковатость и буйную воинственность своихъ зарѣчныхъ соплеменниковъ, по наружному виду мало отъ нихъ отличаются.

Киргизы, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, въ-слѣдствіе брачныхъ сожителствъ съ сосѣдями своими, Калмыками, усвоили своему племени Калмыцкій типъ, скуловатость и узковатость глазъ. Будучи мухаммеданами, они брѣютъ себѣ головы, отпускаая бороду и усы.

Все, что намъ приводилось въ предшествовавшихъ очеркахъ говорить про наряды единовѣрцевъ ихъ, кочующихъ по степямъ лѣва-

го берега Волги, почти все это, въ равной степени, можетъ быть отнесено и къ Киргизамъ, съ весьма немногими изъятіями.

Киргизы одѣваются въ длинныя ниже колѣнъ рубахи, въ шальвары, и поверхъ всего этого носятъ халаты, одинъ или два, а иногда и три, а также и бешметы. Непремѣнные же атрибуты каждаго Киргиза составляютъ — тюбетей, калпакъ и калта.

Настоящій киргизскій «тюбетей» есть твердая конусообразная шапка изъ краснаго сукна, обшитая по краю мѣхомъ, бобромъ или выдрой; околышъ этотъ выпускается повыше въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приходится надъ ухомъ. Иногда такіе тюбетей вышиваются серебряною или золотою канителью; иногда, вмѣсто краснаго сукна, они дѣлаются изъ парчи, или изъ газета. Люди, которымъ достатки не дозволяютъ такой роскоши, носятъ обыкновенныя Татарскіе тюбетей.

Калпакъ дѣлается изъ самаго тонкаго бѣлаго войлока, которымъ Букеевскія руководѣльницы славятся во всей Зауральской и Сибирской степи. Кошма эта очень пѣйна и на ощупь весьма похожа на полети, изъ которыхъ, въ старыя годы, выдѣлывались у насъ пуховыя шляпы. Калпакъ шьется изъ двухъ полотнищъ войлока, выкроеннаго такимъ образомъ, что кромѣ закругленныхъ задка и передка, по сторонамъ его выдаются углами два треуха, служащія продолженіемъ полей и приходящіяся у самыхъ висковъ. Шапка эта

надѣвается на твердый тюбетей, и лунообразныя ея поля, смотря по степени силы солнечныхъ лучей, болѣе или менѣе надвигаются на брови. У султановъ, эти бѣлые калпаки также вышиваются золотомъ; богатые люди носятъ и бархатные, обшитые позументами калпаки. Но дороговизнѣ тонкой бѣлой кошмы, бѣднѣйшіе Киргизы довольствуются и грубой кошмой, но все-таки бѣлаго цвѣта. Зимой, разумѣется, калпаковъ не носятъ: тогда въ дѣло идетъ уже просторный Киргизскій «малахай».

Калта есть кожаная сумка, которая непременно у каждаго Киргиза привѣшена къ поясу на лѣвой сторонѣ: здѣсь хранитъ онъ кремень, трутъ, табакъ и огниво, если вмѣсто его не служитъ особенная стальная оторочка калты. Рядомъ съ нею привѣшенъ и домашней работы ножъ на длинномъ черешкѣ, запрятаннй въ твердые кожаные ножны.

Дѣвицы заплетаютъ волосы отъ висковъ въ мелкія косички и распускаютъ ихъ напередъ, а сзади выпускаютъ одну косу, украсивъ ее разными блестящими привѣсками и, кромѣ того, повязываютъ голову краснымъ платкомъ, на-манерь чалмы. Въ богатыхъ семействахъ, дочери носятъ конусообразныя шапки, отороченныя мѣхомъ.

Обыкновенный головной нарядъ у женщинъ составляютъ два большіе бѣлые платка: одинъ, спускаясь съ головы, закутываетъ шею и плечи Киргизки и скрываетъ ея волосы отъ постороннихъ взглядовъ, а другой наворачивается по-

верхъ перваго на голову и представляетъ родъ высокой шапки, сваливающейся нѣсколько на сторону; отъ грубости и тяжести матеріи сравнительно съ высотой наряда. Въ торжественныхъ случаяхъ, женщины надѣваютъ твердый калпакъ, въ формѣ усѣченного конуса. Онъ обшивается газетомъ и фольгой, украшается золотыми и серебряными монетами и самоцвѣтными камнями и блестятъ разными, въ нѣсколько ярусовъ, свѣтящимися привѣсками. Къ верхней части пришивается кусокъ кисеи или тонкаго каленкора, и это покрывало спускается сзади вдоль спины, а частію падаетъ и на плечи.

Шея, руки и грудь увѣшены звонкими перстнями и ожерельями, прѣвизками (стеклярусомъ), бусами, жемчугомъ и монетами. Когда знатная барыня важно выступаетъ по степи, или расхаживаетъ по кибиткѣ, то отъ твердой и увѣсистой ея поступи, шествіе ея издали можно слышать: разныя привѣски, металлическія бляхи и цѣпочки звонко и дружно вторятъ мѣрной ея походкѣ.

Безъ торжественныхъ калпаковъ, Киргизка свободна въ движеніяхъ и привѣтлива въ обращеніи съ мужчинами. Зауральскія женщины, по патріархальности своихъ добродѣтелей, очень свободны въ сношеніяхъ своихъ съ нашимъ поломъ; но чѣмъ ближе мухаммеданнѣ-кочевникъ свыкается съ осѣдлостію, тѣмъ скорѣе онъ, такъ сказать, отатаривается: женщины дичатся мужчинъ и скрываютъ лицо

свое подъ фатой или халатомъ, хотя принужденное стѣсненіе имъ и самимъ не нравится.

Женскій полъ во Внутренней-Ордѣ не дошелъ еще до той степени затворничества, которому обречены Татарки, и потому, въ домашнемъ быту, онѣ очень развязны и радушны; но, въ семейномъ быту, Киргизку и нельзя заподозрить въ той удалости, какая проявляется только во время перекочевокъ и въ рѣдкихъ случаяхъ, при народныхъ играхъ. Надо взглянуть на дѣвицу, когда она, взгромоздившись верхомъ, по нашему, на лихаго коня, мчится по степи, подзадоривая бѣгуна легкимъ подогрѣваніемъ погайкой, мастерски управляетъ его бѣгомъ и при внезапныхъ оборотахъ дивитъ зрителя привычнымъ своимъ безстрашіемъ, легкостью и ловкостью.

Киргизы, какъ и всякое кочевое племя, существуютъ настоящею своею жизнью только до тѣхъ поръ, пока у нихъ обширно еще скотоводство, обширны еще пастбища. Безъ скота и при малоземельѣ, кочевка невозможна, а жить надо: для этого, комадъ прощается съ прежнимъ бытомъ, принимается за соху и борону, и перерождается, подъ вліяніемъ окружающихъ его обстоятельствъ, въ осѣдлаго труженика, въ мирнаго гражданина.

КАЛМЫКИ.

Калмыки прикочевали на Волгу изъ-за Алтая, откуда двинулись они чрезъ глубь Киргизскихъ-Стеней—сперва къ вершинамъ Тобола, потомъ къ рѣкѣ Ембѣ, потомъ перешли рѣку Уралъ и, уже въ XVII столѣтїи, показались на луговой Волгѣ, на Ногайской-Сторонѣ, а впослѣдствїи времени заняли оба берега Волги и разсыпались по степямъ, отъ рѣкѣ Узеней и Нарынъ-Песковъ до хребтовъ Ергенѣ и до рѣки Кумы.

Калмыки сами себя называютъ *Елюты*; они, въ прежнія времена, составляли, вмѣстѣ съ другими отраслями Монголовъ—Ойратство,

или, какъ Калмыки сами называютъ — *Дербюнъ-Ойрютъ*, слово-въ-слово — «Четырехъ-союзіе», или политическую связь четырехъ племенъ, именно Дзюнггаровъ, Тергетовъ или Торгоутовъ, Хошоутовъ и Хобитовъ.

Первоначально, къ намъ, въ Россію, прикочевали Тергеты, въ составъ которыхъ, въ-слѣдствіе различныхъ сдѣлокъ и брачныхъ связей и свойства главныхъ предводителей народа между собою, вошли частички и другихъ племенъ. Отрасли этихъ племенъ, остававшіяся на первоначальныхъ мѣстахъ своихъ кочевокъ, в сами, въ-послѣдствіи времени, переходили изъ дальнихъ краевъ на тучныя пажити Волжскихъ-Низовьевъ.

Завнямая эти Низовья болѣе столѣтія, Калмыки стали, частями, другъ-отъ-друга отдѣляться: одни — потому, что уходили обратно къ Алтаю и за Алтай; другіе — отъ того, что находили себѣ выгоднѣйшія пристанища болѣе къ западу, за Волгой; третьи, наконецъ, потому, что религіозныя убѣжденія принуждали ихъ отдѣляться отъ своихъ сородичей и перемѣнять прежній свой бытъ и прежнюю вѣру на вѣру Христіанскую и на новый образъ жизни.

За отчисленіемъ отъ общей массы совокупно-кочевавшихъ по низовьямъ Волги Калмыковъ, тѣхъ изъ нихъ, которые перешли на другія мѣста въ Россію же, или внѣ Россіи, на Волгѣ осталась смѣсь племенъ, составлявшихъ прежде Ойратство и теперь перемѣ-

шанныхъ такимъ-образомъ, что между Хошоу́тами мы находимъ и племя Хóбитовъ, между Хоптами—Дзюнгарь, между Торгоутами—и Хошоутовъ и Дзюнгарцевъ. Смѣсь эта усилилась преимущественно въ 1772 году, когда, послѣ откочеванія изъ предѣловъ Россіи Калмыцкаго Хана Убуши́, съ многочисленными семьями подвластнаго ему народа, Калмыки розданы были ихъ Тайшамъ не поплеменно, а въ томъ составѣ, въ какомъ они, съобща, вмѣстѣ съ другими своими единовѣрцами, занимали извѣстный участокъ Волжскихъ степей.

Въ настоящее время, у Волжскихъ Калмыковъ—девять главныхъ отдѣльныхъ группъ народа, образующихъ, каждая, отдѣльное цѣлое и именующихся *улусами*. Улусы эти суть:

1. Багацохуровскій. Онъ состоитъ преимущественно изъ Калмыковъ Торгоутскаго поколѣнія.

2. Икицохуровскій. Главную его часть составляютъ Торгоуты; но въ немъ есть осколки и Хошоутовъ и Дзюнгарцевъ.

3. Малодербѣтевскій и

4. Большедербѣтевскій: оба, по большей части, состоятъ изъ Калмыковъ Дзюнгарскаго племени.

5. Хошоутовскій. Существенную его часть составляютъ Калмыки Хошоутовскаго племени; но въ нихъ есть и отрасли племени Хóбитовъ и Дзюнгарцевъ.

6. Яндыковскій.

7. Еркете́невскій.

8. Хараху́совскій и

9. Ергене́-Цага́нъ-Кичи́ковскій или, сокращенно, Ердене́евскій.

Всѣ эти четыре послѣдніе улуса, въ существенномъ своемъ составѣ, принадлежатъ къ племени Тергетъ.

Большая часть Волжскихъ Калмыковъ составляютъ собственность Казныи, именуясь улусами «казенными», управляются, назначенными отъ Короны, Правителями, которые управляютъ Калмыками на общихъ законахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ. Другіе же улусы, каковы на-примѣръ Дербетевскій, Хошоутовскій и Харахусовскій, считаются принадлежащими, по праву наслѣдства, «благороднымъ», «бѣлокостнымъ» кореннымъ Калмыцкимъ владѣтелямъ, которые именуются «Нойо́нами» и «Владѣльцами»: они, точно такъ же какъ и коронные «Правители», непосредственно зависятъ отъ той же Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Есть еще нѣсколько мелкихъ, малочисленныхъ по народонаселенію, улусовъ: въ системѣ управленія, они за отдѣльное цѣлое не считаются, а подъ названіемъ «подвѣдомственныхъ мелкопомѣстныхъ Владѣльцамъ» — причисляются къ другимъ, обширнѣйшимъ улусамъ, Хошоутовскому и Икнцохуровскому.

Точно такимъ-же образомъ, въ видахъ управленія, надзора и распорядка за улусами

Харахусовскимъ и Ергене-Цаганъ-Кичяковскимъ (Ерденіевскимъ), оба они соединены въ-одно, подъ сложнымъ наименованіемъ Харахусо-Ерденіевскаго улуса.

Съ тою же благонамѣренною цѣлію наблюденія и попеченія за об'явѣнными и, для отвѣсканія домообзаводства и работъ на рыболовныхъ промыслахъ, за удалившимися въ глушь Прикаспійскаго-Края, на сѣверо-западное прибрежье Каспія, въ такъ-называемые «Мочагіи», и за пущими тамъ приюта Калмыками, учрежденъ родъ отдѣльной Управы, и всѣ Калмыки, постоянно тамъ пребывающіе, составляютъ особую, независимую отъ прочихъ, группу такъ-называемыхъ «Мочагійскихъ Калмыковъ». Въ эту группу стекается народъ изъ всѣхъ Калмыцкихъ кочевьевъ; тамъ мы найдемъ представителей всѣхъ отраслей улусовъ и владѣльческихъ и казенныхъ, кромѣ Малодербетевскаго, Большедербетевскаго и Хошоутовскаго.

У Калмыковъ, съ древнихъ временъ, существуетъ сборъ, именующійся *албанъ*, на нужды народа, или какъ Калмыки выражаются *нутукинъ гарудъ*, то-есть на нужды *нутука*; «нутукомъ» же называлась земля, состоявшая подъ кочевьемъ цѣлаго поколѣнія. Правители такихъ поколѣній, именовавшіеся прежде *Тайшами*, а въ-послѣдствіи времени просто *Нойонами*, обратили *албанъ* въ денежный сборъ и не на нужды народа, а на собственные надобности. Больше-и-больше пользуясь пред-

ставлявшимися обстоятельствами, они *албанъ* этотъ увеличивали произвольно; но, съ 1825 года, законодательство наше положило предѣлъ такому произволу, и взысканіе *албана*, въ смыслѣ оброка, ограничено 25 руб. асс. Нынѣ цифра эта остается неизмѣнною (7 руб. 14 коп. сер.): въ казенныхъ улусахъ, *албанъ* этотъ вносится въ Казну, а въ улусахъ владѣльческихъ — въ доходъ Нойона, Владѣльца.

Самый интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно трудный предметъ для наблюдений изслѣдователя, составляетъ добросовѣстное дознаніе настоящихъ мѣстъ кочевья, системы перекочевокъ и распредѣленія земель у кочеваго народа. Мы часто слышимъ и въ разговорахъ, а иногда читаемъ и въ серьезныхъ книгахъ, что «номады кочуютъ сегодня — тамъ, завтра — здѣсь, бродятъ по степи безъ толку и сама не знаютъ, куда судьба заведетъ ихъ завтра». Въ этихъ фразахъ нѣтъ ни одного слова правды.

Что можетъ быть для человѣка драгоценнѣе, какъ не земля, на которой онъ живетъ и безъ которой онъ существовать не можетъ? Положимъ, что номады — полудикари, или почти-что просто дикари; но неужели можно допустить мысль, чтобы они вовсе не дорожили тою дарованной имъ отъ Правительства землей, на которой пасутся ихъ стада и отъ тучности и щедрости которой зависятъ все благосостояніе кочевниковъ? Слова, что «нынче здѣсь кочуютъ такіа-то племена, а на будущій годъ,

«можетъ-быть, здѣсь будутъ кочевать другія», что «въ этой перекочевкѣ никто не доберется толку» — слова эти не заслуживаютъ ни малѣйшей вѣры. Нужна только добрая воля, нужно только сердечное желаніе узнать истину, и въ Калмыцкой перекочевкѣ, въ перекочевкѣ Киргизовъ и другихъ народовъ мы найдемъ строгую послѣдовательность, строгую систему, которая докажетъ, что порядокъ и гармонія господствуютъ и здѣсь, какъ и во всемъ мірѣ.

Начнемъ съ зимы. Зимой, наши кочевники по-большей-части «сидятъ» на одномъ мѣстѣ: они разставляютъ кибитку и обносятъ ее хорошимъ загономъ, который, въ одно время, и защищаетъ стада и предохраняетъ утлое жилище кочевника отъ бурь и непогодъ зимою. Мелкій скотъ бережется около кибитки, ѣсть заблаговременно-заготовленное для него сѣно, или пасется тутъ же вблизи, на подножномъ корму, что по-просту называется «тебенюсть». Но тебенёвка эта, для рогатаго скота и для барановъ, бываетъ только въ-продолженіе дня: на-ночь скотъ собирается въ загоны. Однѣ лошади тебенюютъ день и ночь на отгонныхъ поляхъ, болѣе-или-менѣе въ дальнемъ разстояніи отъ кибитокъ кочевниковъ.

Но если земля такъ тучна и пастбища такъ богаты, что ни сѣна запасать не надо, ни гололедицы опасаться нельзя, и если корму весьма-и-весьма для скота достаточно, въ такомъ случаѣ и кочевники, зимой, не сидятъ

на одномъ мѣстѣ, а—кочуютъ. Чтò это значитъ, мы объяснимъ сейчасъ же, взявъ для примѣра сѣмьи, на зиму укрывающіяся въ постоянныя «зимовки».

Весной, когда сойдетъ снѣгъ, когда только-лишь проглянетъ молоденькая травка, кочевники «снимаются», покидаютъ свои зимовки, собираютъ кибитки и какъ ихъ, такъ и весь домашній скарбъ, выючатъ на верблюдовъ, а гдѣ они перевелись—на воловъ, а нето и на лошадей. Они трогаются съ мѣста и идутъ въ путь, по направленію, изстари избранному и долгими годами усвоенному привычкой.

Сдѣлавши версты три, версты пять и даже десять впередъ, Татарскій *аулъ*, или Калмыцкій *хотонъ* (то и другое означаетъ группу нѣсколькихъ, близкихъ по родству или по единству интересовъ, семей)—останавливается. Въ ту же минуту, мужчины, признавшіе такое мѣсто удобнымъ для ставки (разумѣется, если на немъ видится достаточное количество кормовыхъ травъ и колодцевъ съ запасами воды)—принимаются за свое дѣло и распредѣляютъ скотъ на пастбища: табунамъ лошадей отводятъ одно мѣсто, барановъ ведутъ въ другую сторону, а если рогатаго скота много — то и его отгоняютъ на отдѣльный лугъ.

Пока эти распоряженія совершаются, женщины разбиваютъ кибитки, разставляютъ въ нихъ домашній свой скарбъ и готовятъ мужьямъ пищу, хлопочутъ по хозяйству и, въ опре-

дѣленное время, доятъ кобылицъ, коровъ и овецъ, для которыхъ мужья подчищаютъ колодцы и наполняютъ водою водопойныя корыта. Въ остальное время занимаются другими отраслями кочеваго домоводства, шьютъ платья, чинятъ кибитки, готовятъ обувь, вяжутъ войлоки, заготовляютъ на-прокѣтъ разные запасы.

Черезъ недѣлю, иногда больше, а иногда и меньше времени, когда скотъ вытравитъ и уничтожитъ всю траву, произраставшую по окрестностямъ, *аулъ* или *хотонъ* снимается съ одного урочища и переходитъ на другое, опять верстахъ въ пяти, въ семи, дальше или ближе отъ перваго. И такъ они проводятъ дни за днями, недѣли за недѣлями, и мѣсяцы за мѣсяцами.

Къ исходу лѣта, они достигаютъ крайней оконечности того пути, которому изъ года въ годъ постоянно слѣдуютъ, и въ августѣ, а иногда и въ началѣ сентября, обращаются назадъ, иногда по тому же самому направленію пути, иногда по другому, причемъ описываютъ уже новую дугу. Но если они и останавливаются при тѣхъ же колодцахъ, при которыхъ въ передней путь поили скотъ свой, то пастбища ему выбираютъ уже не на прежнихъ клочкахъ земли, гдѣ выбитая однажды мѣстность уже не богата кормовыми травами, а на урочищахъ, могущихъ доставить стадамъ и табунамъ обильную пищу. И такимъ-образомъ, къ концу осени, всѣ кочевники достигаютъ

постоянныхъ своихъ зимовокъ, куда доставля-
ютъ и запасы сѣна, во время передняго пу-
ти заблаговременно исподоволь изготовлен-
наго.

Ту линію дороги, по которой слѣдовали
одни роды, другіе роды перекрещиваютъ ли-
ніями своихъ путей, въ различныхъ направле-
ніяхъ; но, на обычныхъ привалахъ одного ро-
да, другой не будетъ останавливаться: во-пер-
выхъ потому, что родъ, которому данная мѣст-
ность принадлежитъ *de jure primi occupantis*,
по праву освященныхъ временемъ привычекъ
и обычаевъ пользованія, самъ первый займетъ
собственную свою мѣстность; во-вторыхъ —
этимъ самымъ, законнымъ, овладѣніемъ по-
стоянныхъ своихъ урочищъ каждый родъ самъ
встраивтъ всѣ пастбищныя окрестъ-лежація
мѣста и, естественнымъ путемъ, сдѣлаетъ ихъ
неспособными для занятія чужеродцами; а въ-
третьихъ, наконецъ, и сами чужеродцы, въ
простотѣ своихъ патриархальныхъ нравовъ,
не посмѣютъ и подумать овладѣть тѣмъ, что,
по издавна освященному временемъ обычаю,
принадлежитъ не имъ самимъ, а есть для
нихъ — чужое, не-мое.

Въ-слѣдствіе этихъ-то трехъ главныхъ, ос-
новныхъ причинъ, какъ всѣ степныя простран-
ства чрезвычайно — расчетливо распределены
вообще между улусами, такъ и въ самыхъ
улусныхъ кочевьяхъ, всѣ мѣстности распреде-
лены между родами и отдѣлами родовъ. И
такъ, кто знакомъ съ жизнью кочевниковъ,

кто сроднился съ ихъ правами, кто хорошо изучилъ ихъ кочевныя мѣста, всегда съумѣеть отвѣтить, гдѣ именно, въ данное время, не только улусъ, а родъ, и даже отдѣльная, замѣчательнѣйшая по числу лицъ, часть рода кочуетъ.

Конечно, все, здѣсь нами изложенное въ видѣ общаго правила, имѣеть, какъ и всякое общее правило, свои исключенія: противъ этого сказать нечего, потому-что исключенія эти весьма естественны и бываютъ вынуждены какими-нибудь особенными обстоятельствами, болѣе-или-менѣе уважительными.

Сдѣлавъ такое объясненіе дѣла, мы постараемся, на основаніи произведенныхъ нами на мѣстѣ устныхъ распросовъ, распутать довольно запутанный узелъ касательно распределенія степей, лежащихъ по обоимъ берегамъ Волги, вплоть до рѣки Кумы и Егорлыка, между обитающими на нихъ улусами Калмыковъ и сословіями другихъ кочевниковъ, сосѣднихъ съ Калмыками. Хотя трудъ нашъ будетъ и первымъ еще опытомъ, мы надѣемся однакожь, что указанія наши будутъ весьма близки къ истинѣ.

Начнемъ съ рѣки Кумы.

Оводъ и комары, которые водятся на рѣкѣ Кумѣ, буквально, въ страшномъ обиліи, служатъ естественнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобъ наши кочевники когда-нибудь рѣшились провести съ своими стадами здѣсь лѣтнее время.

Народъ прибываетъ сюда никакъ не ранѣ октября мѣсяца, а иногда даже и въ ноябрѣ. Калмыки проводятъ здѣсь время только зимой, и то по самымъ берегамъ Кумы, начиная отъ извѣстнаго селенія Владиміровки, принадлежащаго помещику Реброву и почти до впаденія Кумы въ море. На этомъ пространствѣ зимуютъ Калмыки улусовъ Малодербетевскаго, Большедербетевскаго, большая часть Икицохуровскаго и небольшіе отдѣлы другихъ улусовъ.

Невдалекѣ отъ селенія Владиміровки, возлѣ нарѣзка, принадлежащаго станицѣ (не казачей, а крестьянской) Урожайной, находящейся въ четырехъ верстахъ отъ такъ-называемаго Крымскаго-Брода, бываетъ постоянная зимняя ставка отдѣльной части Малодербетевскаго улуса. Ниже Крымскаго-Брода, на стрѣлкѣ, образуемой рѣками Кумой и Гуйдүкомъ, слѣдовательно ниже такъ-называемой *Джиланъ-Кишу*, или «Змѣиной-Переправы», бываетъ постоянная зимняя ставка Икицохуровскаго улуса. Ниже этого мѣста, кочевокъ не бываетъ, потому-что здѣшніе сыпучіе пески вовсе негодны для пастьбы скота. Только въ самыхъ устьяхъ Кумы и въ прилежащихъ къ нимъ мочагахъ, верстѣ на двадцать на сѣверъ отъ Кумы, бываетъ постоянная зимняя ставка Эркетеневскаго улуса. Слово «ставка» мы принимаемъ въ смыслѣ центрального улуснаго стойбища: изъ этого должно быть понятно, что улусныя кочевья раскинуты окрестъ ставки въ болѣе-или-менѣе дальнихъ разстояніяхъ.

Въ мочагахъ, какъ мы уже прежде замѣтили, лѣто и зиму живутъ бѣднѣйшіе, немѣющіе средствъ кочевать по степи, по недостатку наличнаго скота и по разнымъ случайностямъ, сходцы почти изъ всѣхъ улусовъ. Здѣсь же, въ мочагахъ, поюжиѣе селенія Зинзили, обитаемаго переселившимися сюда въ старые годы Казанскими Татарами, недалеко отъ одной Русской крестьянской станицы, бываютъ постоянныя зимнія ставки улусовъ Харахусовскаго и Яндыковскаго; а если отыѣрнуть отсюда верстъ 70 къ западу и верстъ по 50 къ сѣверу и къ югу, то мы получимъ участокъ, составляющій зимнее и лѣтнее кочевье цѣлаго Яндыковскаго улуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зимнее кочевье улусовъ Еркетеневскаго и Харахусовскаго, которыхъ незначительныя осколки остаются здѣсь и на лѣто, на изстари занятыхъ урочищахъ; но главная масса Еркетеневцевъ на лѣто откочевываетъ еще западнѣе, а Харахусовцы поднимаются гораздо сѣвернѣе и нѣкоторыми своими частями достигаютъ до города Чернаго-Яра. Тутъ же, въ мочагахъ и въ прилегающихъ къ нимъ съ сѣвера и съ сѣверо-запада пространствахъ, кочуютъ часть Юртовскихъ-Татаръ, небольшая часть Туркменовъ и Татары Бухарскаго-Двора.

Къ сѣверу отъ пространства, занятаго зимними кочевьями Яндыковъ, Еркетеневцевъ и Харахусовцевъ, почти вплоть до города Енонтаевска, часть степи праваго берега Волги со-

ставляетъ зимнее кочевье Хошоутовскаго улуса. Главная зимняя его ставка находится на другой сторонѣ Волги, въ сельцѣ Тюмёневкѣ, принадлежащемъ, на вотчинномъ правѣ, Владѣльцу того улуса Князю Тюмёневу. Противъ этого мѣста, въ Заволжской-Стени, на лѣвомъ берегу Ахтубы, есть отдѣльный нарѣзокъ земли, составляющей лѣтнее кочевье Хошоутовскаго улуса, а сѣвернѣе его есть еще новый нарѣзокъ, прилегающій къ горѣ Большая-Богдо; но здѣсь, вообще по неудобству для пастбища, потому-что тутъ и травы скудны и тощи и воды вовсе нѣтъ, никто не кочуетъ: изрѣдка только заходятъ нѣкоторые отдѣлы родовъ Хошоутовскаго же улуса.

Этотъ послѣдній участокъ лежитъ выше лѣтняго кочевья Хошоутовъ, а ниже этого лѣтняго Хошоутовскаго кочевья, по остальному протяженію Ахтубы, вплоть до города Краснаго-Яра, выклинивается, въ видѣ треугольника, западную своею стороною примыкающаго къ Хошоутовскому лѣтнему кочевью, еще участокъ, составляющій принадлежность Кундровскихъ-Татаръ: на этомъ участкѣ, какъ намъ извѣстно уже изъ предшествовавшихъ «Очерковъ», кочуютъ, кромѣ этихъ Татаръ, еще Туркмены Астраханскаго Вѣдомства, Каракалпаки и часть Юртовскихъ-Татаръ.

Если съ луговой стороны Волги мы перенесемъ опять на нагорную, то, близъ города Чернаго-Яра, встрѣтимъ отрѣзокъ степи, занятый лѣтними кочевьями улусовъ Икицоху-

ровскаго и Харахусовскаго: мѣста лѣтней ставки мы здѣсь не отмѣчаемъ, потому-что лѣтомъ она бываетъ не постоянная. Бѣднѣйшіе Калмыки этихъ двухъ улусовъ, на зиму, укрываются въ перелѣскахъ, или, вѣрнѣе сказать, въ рощицахъ, по займищамъ рѣки Волги. Но, такъ какъ все берега Волги и ея притоковъ заняты парѣзками, принадлежащими селеніямъ Русскихъ, крестьянъ и Казаковъ, то сіи послѣдніе пользуются правомъ занавки Калмыцкихъ земель на пятьнадцать верстъ вглубь степи, начиная отъ границъ своихъ селеній. Болѣе состоятельные Калмыки на зиму удаляются на указанные уже нами прежде зимовки: Икнцохуры—на Куму, Харахусовцы—на западъ отъ Хошоутовскаго зимняго кочевья, гдѣ и проводятъ холодные мѣсяцы года, вмѣстѣ съ Еркетеневцами.

Часть степи, восточною своею стороною примыкающая къ пространству, лежащему между городами Чернымъ-Яромъ и Енотаевскомъ, составляетъ лѣтнее и зимнее кочевье Багацохуровскаго улуса, главная зимняя ставка котораго бываетъ на Волгѣ, между казачьими станциями Кóпановкой и Вѣтляиницкой.

На длинной и узкой, но постепенно расширяющейся полосѣ, тянущейся отъ села Райгородка на югъ къ рѣкѣ Кумѣ и раздѣляющей поименованныя нами кочевья Харахусовъ, Икнцохуровъ, Багацохуровъ и Хошоутовъ, отъ западныхъ границъ Астраханскихъ степей, граничащихъ съ Землею Войска-Донскаго, — зиму и

лѣтъ бродятъ разноулусники, самобѣднѣйшіе сходцы какъ изъ казенныхъ, такъ и изъ владѣльческихъ улусовъ. Остальная же часть степи между этими разноулусниками и Донскими предѣлами, вплоть до самаго Маныча, есть зимнее и лѣтнее кочевье Малодербетевскаго улуса: участокъ этотъ замѣчательнѣе тѣмъ, что черезъ него проходитъ такъ-называемый «коммерческій трактъ», все болѣе-и-болѣе заселяемый станицами государственныхъ крестьянъ; близъ одной изъ нихъ, именно Тундѣтовой, постоянно бываетъ зимняя ставка Калмыковъ этого улуса.

По этой коммерческой дорогѣ, направляющейся изъ посада Дубовки, черезъ Царицынъ, въ Ставропольскую губернію на Кавказъ, и ведущей черезъ возвышенности Ергенѣ, кочуютъ исключительно одни Калмыки-Малодербетевцы; зажиточнѣйшіе изъ нихъ занимаютъ мѣста по рѣчкамъ Амтѣ, Загестѣ, Джурѣкѣ, при оврагахъ Кресты, близъ родниковъ Квѣцымъ-Булѣкѣ и преимущественно близъ урочища Амтанѣрѣ, не вдалекѣ отъ станицы Пріютной, гдѣ зимою, какъ говорятъ и самое названіе станицы, бываетъ почти всегдѣшній «пріютъ» для Калмыцкаго скота: травы здѣсь чрезвычайно высоки и сочны. Причины, объясняющія постоянное и огромное стеченіе скота именно въ этомъ мѣстѣ, заключается не столько въ хорошихъ кормахъ, сколько въ томъ, что у рѣки Маныча, протекающаго здѣсь частью солонцеватою, а частью песчаною мѣст-

ностью, снѣгъ не держится: поэтому, и въ самыя лютыя зимы, какъ бы ни были обильны снѣга, скотъ здѣсь меньше подвергается опасности падежа.

По этому случаю, не лишне замѣтить, что упоминаемая дорога, ведущая изъ Царицына, черезъ Сарепту, на Кавказъ, идетъ по западному берегу озера Барманцака, далѣе чрезъ устья рѣчекъ Алматы, при которой бываетъ зимняя ставка Малодербетевцевъ, Яматы, Амата-Зельмѣнь, потомъ чрезъ вершины овраговъ Аршѣ-Зельмѣнь, Конкрюитъ, черезъ рѣчки Якшибай, Амтѹ и Загестѹ. Затѣмъ, пройдя еще четыре версты Калмыцкими землями, она сворачиваетъ въ предѣлы Земли Донскаго Казачьяго Войска, идетъ тамъ на протяженіи сорока верстъ, потомъ снова выходитъ на улусную землю и направляется черезъ рѣчку Джурѹкъ, овраги Кресты, родники Кицымъ-Булѹкъ, ерикъ Новиъ-Шарѣ и рѣчку Манычъ и далѣе, по лѣвому берегу Калаѹса. О вліяніи новыхъ заселенныхъ мѣстъ на жилищность кочевавшихъ здѣсь Калмыковъ, на благосостояніе фурщикова и чумакова, на провозныя пѣны, и слѣдовательно и на торговлю — говорить здѣсь не мѣсто.

По этому коммерческому тракту везутъ на Кавказъ хлѣбъ, лѣсъ, спиртъ, желѣзо, артиллерійскія орудія и снаряды. Близъ зимней ставки Малодербетевцевъ, отъ этого пути отдѣляется влѣво другой трактъ, именуемый Томскою-дорогой, потому-что при Цициановѣ

ее проложилъ Томскій пѣхотный полкъ. Она идетъ мимо бассейна рѣки Сарны, состоящаго изъ озеръ и плёсовъ, и направляется въ Пятигорскій уѣздъ. По этой дорогѣ, въ коммерческомъ отношеніи замѣчательной тѣмъ, что по ней Калмыки гоняютъ барановъ въ Царицынъ (лошадей гонятъ не по этой дорогѣ, а прямо степью, по извѣстнымъ всякому кочевнику урочищамъ), кочуютъ тоже разноулусники, и Дербетевцы, и Яндыковцы, и Икнцохуры.

По обѣимъ сторонамъ рѣчки Калауса кочуютъ Ногайцы, извѣстные подъ названіемъ Калаусо-Джембулѣковцевъ: скотъ свой они перегоняютъ съ мѣста на мѣсто, а аулы располагаютъ на постоянныхъ мѣстахъ.

По этой же рѣчкѣ Калаусъ, но ближе къ впадению ея въ рѣку Манычъ, и по самому Манычу, кочуютъ Туркмены Кавказскаго Вѣдомства. Они, по льду, приходятъ сюда съ Кумы не надолго, и съ конца мая бываютъ здѣсь не далѣе, какъ до поля мѣсяца; потомъ двигаются къ рѣкѣ Егорлыку и къ Большому-Лиману; достигнувъ до Цаганъ-Нѹра, или Бѣлаго-Озера, поворачиваютъ назадъ, и къ октябрю мѣсяцу, являютъ на свои мѣста, на правый берегъ Кумы, ниже Зиланъ или Джиланъ-Кишѹ, гдѣ, слѣдующею весной, переправляются черезъ рѣку, по-прежнему, по льду.

Кромѣ этихъ Туркменъ, между правымъ берегомъ Кумы и станціями полковъ Горска-

го, Моздокскаго и Гребенскаго (Кавказскаго Линѣйнаго Казачьяго Войска) кочуютъ еще Аджикулукъ - Джембулукъ - Ногайцы (полукочевые) и Кара-Ногайцы. Калаусо-Джембулукъ - Туркмены прочно занимаютъ, по Калаусу, мѣста, предназначенныя къ заселенію государственными крестьянами.

Южиѣе Калаусо - Джембулукъ - урочищѣ Айгуръ, неподалеку отъ селенія Медвѣдскаго, между селеніями—Петровскимъ, Ставропольскаго уѣзда, и Медвѣдскимъ — Пятигорскаго, кочуютъ Шеретовскіе-Татары, или отатаренные въ Крыму Калмыки, выведенные изъ Крыма Суворовымъ. Объ этихъ племенахъ мы не распространились потому, что они не входятъ въ семью народовъ, занимающихъ степи, прилегающія къ Низовьямъ Волги.

Лѣтомъ на Манычѣ, а зимой на Кумѣ, населяютъ значительные табуны скота, преимущественно лошадей, Кизлярскій купецъ Гамбаровъ, изъ платимаго, кому слѣдуетъ, оброка. По разливу Маныча, именуемому «Большой-Ляманъ», все солонцы, и тутъ никто не кочуетъ. Добыча соли здѣсь предоставлена, какъ извѣстно, Донскому Казачьему Войску, которое и имѣетъ тутъ Соляную Контору.

Часть степи, прилегающая съ одной стороны къ рѣкѣ Егорлыку, съ другой къ Большому-Ляману, съ третьей къ Калаусу (частію въ Ставропольскомъ, а частію въ Пятигорскомъ

уѣздахъ), составляетъ зимнее и лѣтнее кочевье Больше-Дербетевскаго улуса, котораго постоянная зимняя ставка находится у самаго Егорлыка.

Въ Калмыцкомъ народѣ мы встрѣчаемъ три сословія, признанныя нашимъ законодательствомъ, съ предоставленіемъ имъ различныхъ правъ состоянія. Первые суть — Нойоны, пользующіеся правами дворянства; вторые — Зайсанги, пользующіеся, смотря по различію присвоенныхъ имъ степеней въ управленіи, правами почетнаго гражданства, личнаго или потомственнаго; третьи, наконецъ, суть простые, «черные», «чернокостные», «неблагорожденные» Калмыки, пользующіеся одинаковыми правами со всѣми сельскими обитателями. Есть еще четвертое сословіе — духовенство. Калмыцкіе духовные, по правиламъ исповѣдуемаго ими Буддизма, лишены права вступленія въ бракъ. Храмы Калмыцкіе называются *хурдулами*, а самое духовенство раздѣляется на три степени: *гелюновъ* или жрецовъ первой степени, *гецюлей* или второстепенныхъ жрецовъ и *манжиковъ* или учениковъ вѣры. Нойоны, зайсанги и духовные вносятся въ народныя переписи подушно, а «черные» Калмыки — посемейно, или покибиточно; обыкновенно, кибитку среднимъ числомъ можно, почти навѣрное, принимать въ три души мужскаго и въ три души женскаго пола.

Сдѣлавъ такія оговорки, мы можемъ уже представить слѣдующія, сообщенныя намъ оф-

официальнымъ путемъ, статистическія данныя за 1850 годъ:

НАЗВАНІЯ УЛУСОВЪ.	ВООБЩЕ ЦОЙНОВЪ.		ЗАЙСАНГОВЪ.	
	мужск. пола.	женск. пола.	мужск. пола.	женск. пола.
Багацохуровскій	4	4	143	114
Еркетеневскій	.	.	105	56
Яндыковскій	.	.	113	78
Икицохуровскій	20	16	201	138
Хошоутовскій	4	11	44	44
Малодербетевскій	1	2	636	458
Большедербетевскій	8	12	64	80
Харахусо-Ерденіевскій	1	1	190	125
ИТОГО	38	46	1,496	1,083

НАЗВАНІЯ УЛУСОВЪ.	ПРОСТАНА-	ЧИСЛО		ДУХОВЕНСТВА
	ГОДЪЕ.	БОЛЬШИХЪ,	МАЛЫХЪ,	ВСѢХЪ РАЗРЯДОВЪ.
	число семей.			число душъ.
Багацохуровскій	1,299	3	5	206
Еркетеневскій	1,655	3	5	215
Яндыковскій	2,000	6	10	411
Икицохуровскій	1,194			
Хошоутовскій	1,833	3	5	189
Малодербетевскій	5,043	9	15	667
Большедербетевскій	786	3	3	170
Харахусо - Ерденіевскій	1,059	3	4	146
У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ	199	(выстъ съ другими улусами).		
ИТОГО	15,068	30	47	2,004

Скота, въ 1851 году, считалось въ Камыцкихъ улусахъ:

	Верблюды.		Лошади.		Рогатый скотъ.		Бараны.		Козы.	
	Всѣ въ улусѣ.	Только у протостароддл.	Всѣ въ улусѣ.	Только у протостароддл.	Всѣ въ улусѣ.	Только у протостароддл.	Всѣ въ улусѣ.	Только у протостароддл.	Всѣ въ улусѣ.	Только у протостароддл.
Багацохуры	258	178	3,200	1,700	4,050	3,050	28,650	24,200	2,015	1,670
Еркетеневцы	3,169	2,974	3,203	2,563	13,094	10,972	132,427	109,898	3,101	3,126
Яндыки . .	406	359	2,320	2,009	4,063	3,759	7,658	5,929	982	878
Икицохуры .	4,100	3,690	5,200	4,246	7,500	6,853	103,000	96,055	3,400	2,990
Хошоуты . .	542	443	7,363	5,724	3,293	2,469	18,322	14,647	275	275
Малые-Дербеты . .	7,539	6,269	37,252	27,400	61,607	52,250	157,557	126,022	5,257	5,232
Большие-Дербеты . .	613	593	5,237	4,568	14,418	13,474	46,465	44,280	1,339	1,323
Сарахусо-Ерденевцы .	3,926	3,598	5,805	5,296	10,898	10,300	67,737	63,217	1,822	1,815
Мочажныя-Калмыки .	35		397		5,460		9,150		785	
сего около	20,000		70,000		125,000		570,000		24,000	

Въ предшествовавшемъ 1850 году Калмыки продали скота:

	верблюдовъ.	лошад.	рогатого скота.	барановъ.	козъ.
въ Багацохуровскомъ улусѣ .		110	229	1,700	.
— Еркетеневскомъ	—	79	277	6,303	11
— Яндыковскомъ	—	.	125	450	.
— Икицохуровскомъ	—	120	150	1,100	.
— Хошоутовскомъ	—	45	437	391	174
— Малодербетевскомъ	—	.	578	13,900	.
— Большедербетевскомъ	—	.	147	957	790 .

	верблю- довъ.	лоша- дей.	рыбно- скота.	сара- покъ.	козъ.
въ Харахусовскомъ улусъ	22	120	410	4,200	17
— Мочагахъ, ...		14	395	700	30
продано разноулусвиками подъ Астраханью	11	35	271	2,007	189
<hr/>					
итого	286	1,993	24,316	121,037	421

Билетовъ и свидѣтельствъ на болѣе-или-менѣе продолжительныя отлучки изъ хотововъ на разныя заработки и на черныя работы на рыбопромышленныхъ заведеніяхъ, въ 1850 году, было выдано:

	билетовъ.	свидѣ- тельствъ.
по управленію Багацохуровскаго улуса	978	465
Еркетеневскаго —	76	603
Яндыковскаго —	2,214	39
Икицохуровскаго —	108	220
Хошоутовскаго —	1,069	180
Малодербетевскаго —	4,481	3,238
Большедербетевскаго —	131	225
Харахусо - Ерденіев- скаго	617	815
Мочажными Балмыками	1,979	11
По особому управленію, находящемуся подъ Астраханью, на такъ-называемомъ Бал- мыцкомъ-Базарѣ	3,541	
<hr/>		
итого.	12,194	5,829

Калмыки подбриваютъ волосы вокругъ всей головы, пальца на два и на три, начиная ото лба и далѣе кругомъ, до затылка; остальные волосы они расчесываютъ на обѣ стороны и

поде́каютъ по - казачьи. Бороду Калмыки брѣютъ; усы оставляютъ, но никогда не закручиваютъ. Старики запускаютъ волосы, и сзади заплетаютъ ихъ въ косу. Почти у каждаго Калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга, на рукѣ—перстень или кольцо.

Шапка Калмыцкая бываетъ изъ желтаго сукна, съ круглой тульей и съ четырехугольнымъ верхомъ, украшеннымъ красною кистью; околыши у шапокъ — бараньи.

Женщины носятъ такія же шапки, но иногда и глазетовыя, и парчевыя, опушенныя дорогимъ мѣхомъ. Волосы они раздѣляютъ на двѣ части, а заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, выпускаемыя на передъ черезъ плечи, въ черныхъ и длинныхъ плисовыхъ чахлахъ.

У настоящихъ степняковъ-Калмыковъ, шапки бываютъ стоячія, въ родѣ уланскихъ; щеголи подбриваютъ себѣ волосы почти-что на ладонь ширины, а щеголихи притираются румянами и къ коротенькимъ косичкамъ подвязываютъ фальшивыя косы, изъ конскихъ волосъ.

Рубахи у Калмыковъ обоего пола бываютъ очень коротенькія, распашныя и длиной только до пояса шальваръ, которыя носятъ и муштинами, и женщинами. Муштина одѣваются въ казачьи, или бешметы, сшитыя изъ синеи нанки, и опоясываются ремненнымъ поясомъ; въ сырую погоду, осенью, носятъ ергакъ, изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ, а зимой бараньи Атлупы и разныхъ мѣховъ шубы, крытыя,

смотря по достатку, болѣе-или-менѣ цѣнными матеріями.

Женщины одѣваются въ ситцевые или шелковые *бешметы*, опоясываются шелковымъ поясомъ; носятъ также и *терлики*, просторныя платья съ стоячимъ воротникомъ, поверхъ котораго выпускаются длинныя воротнички бѣлой рубахи. Терлики обшиваются позументами и шелковыми лентами, а дѣлаются изъ нанки, ситца, шелка, газета, парчи или бархата. Для верховой ѣзды, нѣкоторыя надѣваютъ *цегдыкз*, тотъ же терликъ, но безъ рукавовъ, а съ распашными спереди и сзади полами.

Носовыя платки — необходимость щеголей обоихъ половъ, точно такъ же, какъ и кольца; но дѣвцы носятъ ихъ на мизинцахъ, а замужнія женщины на безымянныхъ пальцахъ. Дѣвцы косъ на передъ не выпускаютъ, а существеннѣйшее отличіе ихъ отъ замужнихъ состоитъ въ томъ, что онѣ носятъ родъ корсетовъ, начиная стягивать грудь съ тѣхъ самыхъ поръ, когда формы начнутъ округляться: условія Калмыцкой скромности требуютъ, чтобъ у дѣвцы на груди никакихъ возвышенностей замѣтно не было.

Калмыки обоего пола пристрастны къ куренію табака: коротенькая трубка-самодѣльщина необходима для каждаго. Калмыки, употребляя въ пищу тѣже самыя кушанья, которыми питаются и сосѣдственныя съ ними мухаммеданскія племена, большіе охотники

и до водки, которой Буддизмъ не запрещаетъ и которая самыми простыми приемами гонится изъ кобыльаго молока. Водка эта, по Калмыцки *арза*, въ-теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ употребляется въ замѣчательномъ количествѣ; зимой, Калмыки пьютъ наше хлѣбное вино. Кромѣ кобыльаго молока, *арзу* гонять также изъ овечьаго и даже изъ коровьяго молока. Конину Калмыки ѣдятъ всѣ, кромѣ духовенства: мясо это, точно также какъ и всѣ хмѣльные напитки, въ жертву бурханамъ приносимы быть не могутъ. Калмыки ѣдятъ и дикихъ кабановъ; большіе охотники до свинины, хотя, по кочевому образу жизни, имъ и невозможно разводить свиней; употребляютъ въ пищу и простыхъ степныхъ звѣрковъ; на-люю лошадь также никто не откажется употребить въ пищу, если окажется, что она пала въ-слѣдствіе такъ-называемой сибирской язвы: болѣзнь эту, по правиламъ ученія Будды, степные Калмыцкіе врачи изъ жрецовъ лечить не дерзаютъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Низовая-Сторона	1
II. Астраханскіе Казаки	23
III. Астраханскіе Армяне	34
IV. Юртовскіе-Татары	52
V. Кундровскіе-Татары	76
VI. Татары Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго Дворовъ	109
VII. Астраханскіе Каракалпаки	117
VIII. Туркмены	126
IX. Киргизы Внутренней-Орды	148
X. Калмыки	172

Приложена карта Волжскаго Низовья.

